

Дэвид
Геммэд

Дочь
ГОРНОГО
КОРОЛЯ

Королева-воительница ведет на бой армию повстанцев...

Дэвид Геммэд

Век
Дракона

ДОЧЬ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Bek
Dracona

Bel
Asakoma

DAVID GEMMELL

«Ironhand's Daughter»

Дэвид Геммэд

Дочь горного короля

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (4Вел)-44

Г33

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

David Gemmell
IRONHAND'S DAUGHTER

Перевод с английского Н.И. Виленской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения David A. Gemmel Literary Trust
и литературных агентств

Baror International, Inc., Howard Morhaim Literary Agency, Inc.
и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 28.04.08. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4 000 экз. Заказ № 3446

Геммел, Д.

Г33 Дочь горного короля : [фантаст. роман] / Дэвид Геммел; пер. с англ. Н.И. Виленской. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 318, [2] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-050721-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-8323-9 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Вот уже много веков, как пал в последней битве объединитель горных кланов — великий король Сорейн Железнорукий.

Гордые и независимые некогда горцы томятся под властью недругов — захватчиков из Нижних земель.

Настал наконец предел их терпению.

И повела на бой повстанцев королева-воительница Сигурни — среброволосая охотница, не знающая ни отца, ни матери, храбрая и не ведающая жалости к поработителям.

Ей предстоит победить — или погибнуть, и это ей известно.

Однако истинный ее жребий все еще скрыт то ли в тумане будущего, то ли во тьме прошлого...

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© David A. Gemmell, 1995

© Перевод. Н.И. Виленская, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Пролог

Нож, сверкнув на солнце, вонзился в центр меловой мишени.

— Отять проиграл, Балли, — с усмешкой сказала девушка.

— Я нарочно тебе уступил, — ответил карлик. — Я существо сказочное, и сравниться со мной не может никто.

Он улыбался, но темные глаза смотрели печально, и девушка, наклонясь, погладила его заросшую щеку. Он повернулся голову и поцеловал ей ладонь.

— Ты лучший из мужчин. Боги, если они существуют, несправедливо с тобой обошлись.

Баллистар промолчал. Он упивался ее красотой, ее золотистой кожей, завораживающей силой ее серых глаз. В свои девятнадцать Сигурни была красивее всех известных ему женщин — высокая, стройная, с крепкой грудью и округлыми бедрами. Немного портили ее только короткие волосы, отливавшие серебром на солнце. Они поседели на шестом году жизни, когда убили ее родителей. Крестьяне называли ту ночь Кровавой и никогда не вспоминали о ней. Карлик подошел к изгороди, взобрался на перекладину и выдернул из столба нож Сигурни, с трудом обхватив коротенькими пальцами его рукоять. Ростом он был с четырехлетнего ребенка, но с огромной головой и густой бородой. Сигурни спрятала клинок в ножны у себя на бедре и налила в две глиняные чаши холодную воду из кувшина.

Карлик, взяв у нее свою чашу, провел пальцами над водой.

— Не надо так делать, дружок, — укорила его девушка. — Вот заметит кто-нибудь, и тебя накажут.

— Ничего, не впервой. Я ведь показывал тебе рубцы, верно?

— И не раз.

— Ну вот видишь. Я кнута не боюсь. — Он снова провел ручонкой над чашей. — За покойного короля над водою. — Вдали показалась собака, гончая, с широкой грудью и узкими боками — прославленная охотница на зайца. Здесь, в горах, от собак требовали силы, выносливости и послушания, но главным достоинством считалась ревность, а гончая Сигурни бегала быстрее всех остальных.

— Сюда, Леди! — позвал Баллистар. Она подбежала, ткнулась длинной мордой ему в бороду, лиэнула в лицо. — Все женщины от меня без ума, — заявил он, поглаживая собаку.

— Меня это не удивляет, — ответила девушка. — У тебя руки ласковые.

Он заглянул в собачьи глаза — один карий, другой опалово-серый, — потрогал свежий шрам на морде у Леди.

— Все зажило на славу.

В глазах Сигурни зажегся гневный огонь.

— Бернт глуп. Я жалею, что разрешила ему пойти с нами.

— Этот дуралей тебя любит. Как и все мы, принцесса.

— Вздор! Ты же знаешь, что я не имею права так называться.

— Имеешь, Сигурни. В твоих жилах течет кровь Гандарина.

— В ком она только не течет. Гандарин был настоящий кобель. Гвалчмай говорит, что он мог бы набрать из своих ублюдков целое войско. Даже в Бернте от него что-то найдется.

— Ты уж прости его, ведь он не нарочно.

Красный ястреб снизился над поляной и сел на ветку. Потоптался с ноги на ногу, склонил голову набок, уставился на серебристые волосы Сигурни. Собака с тихим рычанием прижалась к Баллистару. Девушка, надев длинную блестящую перчатку из черной кожи, встала, и ястреб перелетел на ее протянутую руку.

— Красавица ты моя. — Сигурни погладила рыжие перья на груди, достала из сумки на боку кусочек зайчатины, скормила ястребихе. Потом ловко надела ей на ноги два мягких кольца и продела в их окованные медью отверстия короткие охотничьи путы. Кожаный колпачок на голове птицы завершил дело. Та сидела смирно и даже склонила голову, чтобы Сигурни легче было завязать тесемки. — Я знаю, что Бернт все это сотворил по своей глупости, и сержусь больше на себя, чем на него. Я велела ему не отпускать Леди, пока не появится второй заяц. Уж чего, казалось бы, проще, так он и тут умудрился напортить. А мне дураки не нужны.

Баллистар знал, что на всем белом свете Сигурни дороги только эти два создания — собака Леди и ястреб Эбби. Девушка натаскивала обеих для совместной охоты. Леди поднимала зайцев, Эбби стрелой бросалась с дерева на добычу. Но если заяц был только один, между гончей и птицей начиналось соперничество. Когда это случилось во второй раз, Эбби клюнула Леди в бок. Сигурни оттасила собаку. Понимая, что в паре ее питомицы работают недостаточно хорошо, она решила взять с собой пастуха Бернта. Он должен был держать Леди на поводке и отпускать только в том случае, если зайцев окажется больше одного, но сплоховал — пришел в азарт и пустыил ее, как только выбежал первый. А ястребиха, у которой Леди перебивала добычу, саданула ее клювом в правый глаз.

— Будешь сегодня охотиться? — спросил Баллистар.

— Нет, Эбби слишком отяжелела. Я ей отдала вчерашнего зайца. Сегодня мы просто пройдемся до Хай-Друина — ей нравится там летать.

— Берегись колдуна, — предостерег Баллистар.
 — Зачем его бояться? Мне думается, он человек хороший.
 — Он чужеземец, и кожа у него почернела от колдовства.

Меня от него дрожь пробирает.

— Глупый Баллистар, — мелодично рассмеялась девушка, — в тех краях все темнокожие. Это не значит, что они прокляты.

— Он колдун! По ночам он превращается в огромную птицу и летает над Хай-Друином. Его многие видели: черный ворон, вдвое больше обыкновенного. В замке у него полно колдовских книг и животных, которых он опутал своими чарами. Ты ведь знаешь Марион — так вот, она там была и рассказывала, что в доме за дверью стоит недвижимо заколдованный черный медведь. Держись от него подальше, Сигурни.

Сигурни, видя неподдельный страх в глазах карлика, успокоила его:

— Я буду осторожна, не беспокойся, но бояться не стану — разве в моих жилах не течет кровь Гандарина? — Сказав это, она не сдержала улыбки.

— Не нужно смеяться над своими друзьями, — упрекнул ее Баллистар. — С чародеями лучше не связываться — всякий человек в здравом уме это знает. Что он делает в наших безлюдных горах? Зачем покинул свою родину, где все люди черные, и приехал сюда? Ищет чего-то или, может, скрываеться от правосудия?

— Как увижу его, непременно спрошу. Идем, Леди! — Сигурни погладила настороженно подошедшую к ней собаку. — Я вижу, Эбби внущила тебе уважение к своей персоне — а вот она, боюсь, никогда не будет тебя уважать.

— Это почему же? — спросил Баллистар.

— Все ястребы таковы, дружок. Никого не любят, ни в ком не нуждаются, никого не боятся.

— И тебя она тоже не любит?

— И меня. Каждый раз, как она слетает на мою руку, я даю ей поесть. Если я хоть однажды ее обману, она больше ко мне не вернется. Преданность им неведома. Они остаются с нами, пока сами хотят. Ни один человек не может быть хозяином ястреба, — сказала охотница и скрылась в лесу.

1

Тови закрыл печь, снял фартук, вытер чистым полотенцем испачканное мукой лицо. Выпеченные хлебы лежали на деревянных поддонах, на шести полках, и наполняли пекарню своим дивным запахом. Тови и теперь, после стольких лет, не переставал упиваться им. Взяв наугад одну ковригу, он разрезал ее пополам. Хлеб вышел легкий, высокий, без пустот. Стальф, подмастерье, испустил шумный вздох облегчения.

— Да, недурно. — Тови отрезал два толстых ломтя, намазал маслом, дал один пареньку и вышел во двор.

Только что взошедшее солнце освещало вершины гор, с севера дул свежий ветерок. Старое трехэтажное здание пекарни стояло в середине деревни. Прежде в нем помещался совет («Когда нам позволялось его иметь», — мрачно подумал Тови). Здесь все дома были крепкие, каменные, старинные, а ниже по склону лепились деревянные, победнее. Пекарь вышел на дорогу и взглянул вниз, на реку. Несколько женщин уже стирали там, колотили белье о прибрежные камни. Вдова Маффри, вся в черном, шла к общественному колодцу. Он с улыбкой помахал ей, она кивнула в ответ. Кузнец Грейм, разжигавший свое горнило, перешел через улицу. Сажа пятнила его густую белую бороду.

— Доброго тебе дня, пекарь.

— И тебе того же. Денек, похоже, славный — ни единого облачка. Я вижу, у тебя бароновы серые в стойлах. Заглядение, не кони.

— Да, хороши — чего не скажешь об их хозяине. У одного копыто треснуло, и у обоих раны от шпор. Мыслимо ли так обращаться с животными? Выбери-ка мне ковригу с коркой черной, как грех, и мякишем белым, как душа монашки.

— Бери то, что есть, и будь доволен, потому как лучшего хлеба не найти во всем королевстве. Стальф, вынеси кузнецу каравай.

Мальчик вышел с хлебом, завернутым в мусlinовую салфетку. Грейм выудил из кармана кожаного передника две медные монетки и бросил их в протянутую ладонь Стальфа. Тот с поклоном вернулся в дом.

— Доброе лето. — Кузнец запихал в рот отломленную краюшку.

— Хорошо бы и осень такой же была, — ответил Тови.

Карлик Баллистар, взобравшись по крутизне, отвесил обоим поклон.

— Доброе утро. Не опоздал ли я к завтраку?

— Сматря по монетам в твоем кошельке, коротышка. — Карлик вызывал у Тови беспокойство и потому раздражал.

— Монеты ни одной, зато дома висят три зайца.

— Сигурни добыла, поди? Не пойму, с чего она с тобой так щедра.

— Думаю, я ей по нраву, — беззлобно ответил Баллистар.

Тови и ему вынес хлеб, сказав:

— К вечеру принесешь самого лучшего из твоих зайцев.

— Почему ты так зол на него? — спросил Грейм, когда карлик ушел.

— Потому что на нем проклятие. Придушить бы его сразу, как только родился. Что от него проку? Ни охотиться, ни

работать. Кабы не Сигурни, он мог бы поступить в цирк и зарабатывать на жизнь честным путем.

— Ты становишься ворчуном на старости лет, Тови.

— А ты все толстеешь.

— Да, правда. Но я еще помню, как носил красное, и буду этим гордиться до самой могилы. Как и ты.

Пекарь, смягчившись, кивнул.

— Хорошие были времена, Грэйм. Больше уж они не вернутся.

— Задали мы им жару, верно?

Тови покачал головой.

— Мы показали им, как должны умирать храбрецы — а это не одно и то же, дружище. Их рыцари крошили нас, как капусту, а наши клинки звякали об их броню, не принося никакого вреда. Что за резня была, о боги! Век бы этого не видеть.

— У нас были плохие вожди. Сила Гандарина не передалась его сыновьям. Ну да что поминать дурное. Начинается новый день, свежий, ничем не запятнанный. — Кузнец вздохнул и ушел в свою кузню, а Тови в пекарню.

Стальф молчал. Он видел, что мастер задумчив, и слышал разговор двух стариков. Ему не верилось, что толстяк Тови никогда носил красное и сражался на Золотом поле. Прошлой осенью Стальф побывал на месте сражения. Там стояли курганы, числом тридцать четыре, и под каждым лежал целый клан.

Ветер над полем пугал Стальфа своей силой и заунывным воем. Дядя, Март Однорукий, держал мальчика за плечо уцепившей костлявой рукой.

«Здесь погибли наши мечты, паренек. Здесь покончилась надежда». — «Сколько же народу полегло в битве, дядя?» — «Десятки тысяч». — «Но король остался в живых». — «Верно. Он бежал в теплый край за морем, но его отыскали там и убили. Теперь в горах больше нет короля».

Март подвел племянника к одному из курганов.

«Вот тут стояли люди Лоды, плечом к плечу, братья в жизни и в смерти. — Он поднял обрубок левой руки и добавил с кривой улыбкой: — Часть меня тоже осталась здесь. Не только рука. Мое сердце, мои братья, родичи и друзья».

Сейчас взгляд стоящего у окна Тови был таким же отрешенным, как у Марта в тот день.

— Можно мне отнести хлеба маме? — спросил мальчик.

Тови кивнул. Стальф завернул в платок две ковриги, но голос мастера остановил его на пороге:

— Кем ты хочешь быть, малец, когда вырастешь?

— Пекарем, мастер, таким же искусным, как вы, — ответил Стальф и шмыгнул за дверь.

Сигурни любила горы, и долины между горами, и густой темный лес. Но больше всего любила она гору Хай-Друин, уходящую заснеженной вершиной в облака. От утесов Хай-Друина веяло стихийной мощью, и ветер перед зимними бурями шептал волшебные речи. «Я Вечность, одетая в камень, — говорила гора. — Я всегда была и всегда буду».

Эбби, отпущеная на волю, парила над склонами Хай-Друина, Леди бегала в высокой траве, высматривая здоровым глазом зайцев и крыс, Сигурни сидела у Озера Слез. На островке в его середине виднелись пестрые утки. Эбби, покружив над ними, опустилась на прибрежное дерево, и всполошенные утки бросились в воду.

Сигурни, две недели питавшаяся одной зайчатиной, с удовольствием бы отведала жареной утки.

— Эй, Леди, сюда! — Собака прибежала, и Сигурни, показав ей на уток, шепнула: — Возьми!

Леди прыгнула в озеро и поплыла. Утки полетели от нее прочь над самой водой, но одна поднялась высоко, и Эбби тут же пала на нее, выставив когти.

Утка, заметив ястреба в самый последний миг, ушла вниз. Сигурни думала, что Эбби все же поймает добычу, но утка нырнула в озеро, и Эбби снова села на свою ветку.

Охотница, тихонько свистнув, отозвала Леди и вдруг услышала конскую поступь.

Голову черного всадника на высоком гнедом скакуне окутывала белая ткань. Широкие плечи покрывал плащ из синей крашеной шерсти, на поясе висел кривой меч. Увидев девушку, он улыбнулся, спешился и сказал:

— При охоте на уток ястреба лучше пускать снизу.

— Мы пока еще учимся, — мирно ответила Сигурни. — Зайцев она уже научилась брать, но тоже не сразу — как ты и говорил, Асмидир.

Всадник сел на берегу рядом с ней, погладил по голове осторожно подошедшую Леди.

— Глаз у нее хорошо заживает. Она из-за него не стала хуже охотиться? — Сигурни мотнула головой. — А птица? Ястребы, как правило, предпочитают пернатую дичь. Каков ее боевой вес?

— Два фунта две унции, но пара лишних унций не помешала ей поймать зайца.

— Сколько мяса ты ей скормливаешь?

— Не больше трех унций в день.

— Хорошо, но время от времени давай ей крысу. Крыса лучше всего прочищает ястребу зоб.

— Отчего так, Асмидир?

— Не знаю, — широко улыбнулся он. — Так говорил мне отец. Ты знаешь, что ястреб, когда может, заглатывает добычу целиком, а потом изрыгает все лишнее. В крысиной шкурке, наверно, есть нечто такое, что хорошо чистит зоб. — Он оперся на локти и прищурился, разглядывая далекого ястреба. — Сколько уже дичи у нее на счету?

— Шестьдесят восемь зайцев, двадцать голубей и хорек.

— Ты охотишься на хорьков? — поднял бровь Асмидир.

— Это случайность. Хорек вспугнул зайца, а Эбби скогтила хорька.

— Ты молодчина, Сигурни. Я рад, что подарил тебе эту птицу.

— Трижды мне казалось, что я ее потеряла — каждый раз в лесу.

— Ты можешь потерять ее из виду, дитя, но она тебя никогда не теряет. Пойдем в замок, я тебя накормлю. И тебя тоже, — сказал он собаке, почесывая ее за ушами.

— Меня предупредили, что ты колдун, и велели тебя осторегаться.

— Всегда слушай, что говорят карлики и другие сказочные создания.

— Откуда ты знаешь, что это был Баллистар?

— Я ведь колдун, милая — кому и знать, как не мне.

— Мой медведь всегда тебя останавливает, — заметил Асмидир, любовно глядя на девушку. Она потрогала мягкий мех на брюхе у зверя — огромного, с простертыми вперед когтистыми лапами, с пастью, разверстой в безмолвном реве.

— Он просто чудо. Как это сделано?

— В чары ты, значит, не веришь?

— Нет.

— Ну что ж, — Асмидир потер подбородок, — раз не чары, то, стало быть, чучело. Есть в моей земле такие умельцы — они вынимают из убитого зверя все мясо, пустоту заполняют глиной, а сверху опять надевают шкуру. Вот он и получается как живой.

— И этот медведь — тоже чучело?

— Я так не говорил. Пойдем-ка к столу.

Асмидир повел Сигурни в главный чертог. В очаге там пыпал огонь, и двое слуг, оба темнокожие, ставили на стол хлеб

и мясо. Они не поднимали глаз ни на хозяина, ни на гостью и удалились, как только завершили свою работу.

— Неприветливые они, твои слуги, — сказала девушка.

— Главное, что они хорошо служат. — Асмидир сел и наполнил кубок вином.

— Они боятся тебя?

— Страх слуге только на пользу.

— Они тебя любят?

— Я не из тех, кого легко полюбить. Мои слуги довольны — они не рабы и могут уйти от меня, когда пожелают.

От вина Сигурни отказалась, и он налил ей воды в стеклянную чашу. Они поели в молчании и перешли к очагу.

— А ты сама не боишься? — спросил он, когда они опустились на ковер перед жарким огнем.

— Чего?

— Жизни. Смерти. Меня.

— Почему я должна тебя бояться?

— А почему бы и нет? В прошлом году, когда мы впервые встретились, я был для тебя чужим. Да еще и черный. Не страшно разве? — Асмидир выпучил глаза и оскалил зубы.

— Ты не страшный, хотя и опасный, — засмеялась Сигурни.

— Ты видишь какую-то разницу между опасным и страшным?

— Конечно. — Она склонила голову набок. — Опасные мужчины мне нравятся.

— Ты неисправима, — покачал головой Асмидир. — С виду ангел, а мысли, как у блудницы. Прелестное сочетание, не спорю — для тех, кого манит жизнь куртизанки или обычной шлюхи. Ты этого хочешь для себя?

Сигурни нарочито зевнула и плавным движением поднялась на ноги.

— Мне пора домой.

— Ты обиделась на меня.

— Вовсе нет. Просто не ждала от тебя таких слов.

— Ты должна быть готова, Сигурни. Приближаются смутные времена. Грядет вождь, потомок королевского рода. Тебя, возможно, призовут на помочь ему, ведь и ты происходишь от Гандарина. Люди пойдут за ангелом, за святым, за деспотом, за злодеем, но шлюха способна привести их только в постель.

— Такое поучение я могу принять от священника, — гневно вспыхнула девушка, — но никак не от человека, который ревился со мной всю весну и все лето, а теперь меня же хочет унизить. Я не молочница и не трактирная девка. Я Сигурни-Горянка и знаю что делаю. Я не стыжусь признаться, что пользовалась тобой ради удовольствия. Ты хороший любовник, сочетающий в себе силу и утонченность. Я пользовалась тобой, а ты мною. Мы квиты, и ни один из нас не стал от этого хуже. Как же ты смеешь меня срамить?

— Срамить? Неужели ты услышала в моих словах только это? Я предостерегаю тебя, как обожаемое мной существо. Тело твое и дух равно дороги мне. Могу даже сказать, что влюблен в тебя, насколько я способен влюбиться, но не это побудило меня так говорить с тобой.

— Мне все равно, — бросила она. — До свидания.

Сигурни прошла мимо большого медведя. Слуга распахнул перед ней двери, и она спустилась во двор. Леди сразу же прибежала к ней. Другой слуга, стройный юноша, держал на руке покрытую колпачком Эбби. Сигурни натянула кожаную перчатку.

— Ты ждал меня? — спросила она. Юноша кивнул. — С какой стати? Я никогда еще не уходила отсюда так скоро.

— Хозяин сказал, что нынче вы задерживаться не станете.

Сигурни развязала путы на ногах Эбби, сняла с нее колпачок. Птица, оглядевшись, перескочила к ней на кулак.

— Ха! — крикнула девушка, вскинув руку.

Ястребиха поднялась в воздух и полетела на юг.

— Как твое имя? — Сигурни невольно заметила, какая гладкая у юноши кожа, как переливаются мускулы под голубым шелком его рубашки. Но он, не ответив, удалился.

В раздражении она перешла через шаткий подъемный мост, углубилась в лес. Гнев и обида переполняли ее. Это она-то блудница? Что же тогда сказать о лесничем Фелле, который ни одной юбки в округе мимо не пропустил? Между тем его никто и словом не упрекнул. «Молодчага Фелл», говорят все. Олухи!

Асмидир задел ее за живое. Она думала, что он умнее других, а он оказался таким же, как все мужчины. И на сладкое падок, и мораль любит читать.

Эбби парила в вышине, Леди бежала рядом, вынюхивая зайцев. Сигурни заставила себя не думать о темнокожем владельце замка и шла, пока не увидела внизу свою хижину. Свет, горевший в окошке, рассердил ее заново — в этот вечер ей хотелось побывать одной. Если это дуралей Бернт, она его выбранит так, что надолго запомнится.

В дворе она свистнула Эбби, и та слетела ей на перчатку. Девушка покормила птицу, сняла охотничьи путы, посадила ее на шесток, привязала и пошла к дому. Леди лежала около двери, опустив голову на лапы.

В хижине у очага устроился Фелл — он сидел с закрытыми глазами, протянув к огню свои длинные ноги. При виде его Сигурни испытала мимолетное возбуждение и разгневалась на себя за это. Он был в точности такой, как в тот их последний день: блестящие черные волосы схвачены кожаной повязкой, бородка словно мягкий звериный мех.

Сигурни перевела дух, чтобы успокоиться.

— Что тебе здесь надо, козлище?

И тут она увидела кровь.

Его окружали волки с оскаленными клыками — вот-вот набросятся и разорвут. Еще миг, и один зверь прыгнул. Фелл схватил его за горло, швырнул в середину стаи. Руки-ноги точно свинцом налились. Казалось, что он бредет по колено в воде. Волки растаяли, словно дым, и превратились в высоченных свирепых воинов с острыми бронзовыми ножами. Они медленно наступали на Фелла, который не мог поднять оцепеневших рук. Первый нож лиэнул плечо огненным языком...

Он открыл глаза. Сигурни, стоя рядом на коленях, прививала на место лоскут оторванной кожи. Фелла мutilo.

— Лежи смирино, — велела она, и он подчинился. — Пожале, тебя угостили мечом, — сказала она, перекусив нитку.

— Нет, длинным ножом. — Он испустил долгий, прерывистый вздох и помолчал, прислоняясь затылком к мягкому, обтянутому шкурой подголовнику. На бревенчатой стене перед ним висело оружие — широкий меч с лезвием в виде листа, роговой лук, колчан с черными стрелами, разнообразные кинжалы и шлем — верх и боковые щитки из черного железа, носовая стрелка и козырек из полированной меди. Все начищенное до блеска, без единого пятнышка ржавчины.

— Ты содержишь отцовское оружие в наилучшем порядке, — сказал он.

— Так учили меня Гвалч. Кто тебя ранил?

— Имен мы друг другу не называли. Их было двое. Они ограбили пилигрима на Нижней дороге, и я шел по их следу до Мас-Гриффа.

— А теперь они где?

— Да там и остались. Я вернул пилигриму деньги и доложил страже, как было дело. Ублюдки! — потемнел лесничий. — Даже не трудятся скрыть свое разочарование. Думаю, мне недолго осталось гулять. Они будут рады ухватиться за любой повод.

— Ты потерял много крови. Сейчас приготовлю тебе бульон.

Он не сводил с нее глаз, любуясь колыханием ее бедер.

— Какая ты красивая, Сигурни. Никогда прежде таких женщин не видел.

— Так смотри же и оплакивай то, что ты потерял, — сказала она и ушла в заднюю комнату.

— Аминь, — прошептал он, вспоминая, как они расставались два года назад. Сигурни стояла прямая, высокая, гордая... сама гордость. Фелл тогда отправился через долины в Сил-Фаллен и уплатил выкуп за Гвендолин. Та во всем уступала его среброволосой любви, зато могла рожать, а мужчине нужны сыновья. Десять месяцев спустя она умерла в родах, ребенок погиб вместе с ней.

Фелл похоронил их на месте упокоения Лоды, на западном склоне Хай-Друина.

— Согни руку и опять разогни, — приказала, вернувшись, Сигурни.

Он повиновался и сморщился.

— Больно.

— Это хорошо. Приятно видеть, как ты страдаешь.

— Я сына схоронил, женщина. Я знаю, что такое страдание, и никому из друзей такого не пожелаю.

— Я тоже, но ты мне не друг.

— Ты что-то не в духе. Порвала со своим черномазым, да?

— Ты, никак, шпионил за мной? — Она не отрицала, что черный — ее любовник, и Фелл злился на нее за это.

— Это мое ремесло, Сигурни. Я слежу за всем, что делается в лесу. Я видел, как ты зашла в замок, и видел, как ты уходила. И как ты только можешь спать с этаким чудищем?

Она засмеялась, усугубив его гнев.

— Как мужчина он лучше тебя, Фелл. Во всех отношениях.

Ему хотелось ударить ее, стереть улыбку с ее лица, но тошнота подкатила к самому горлу. Со стоном поднявшись, он дотащился до двери, упал на землю, и его вырвало. Он лежал весь в холодном поту, слабый, как новорожденный теленок. Сигурни подошла, закинула его руку себе на плечо, сказала беззлобно:

— Идем, я тебя уложу.

Фелл навалился на нее, дыша ее запахом.

— Я любил тебя, — прошептал он, одолевая ступеньки крыльца.

— Ты меня бросил.

Когда он проснулся, был уже день. В открытое окно светило восходящее солнце. На ясном небе мелькнул и пропал силуэт ястреба. Постанывая, он сел в постели. Рану на плече жгло, ребра ломило после схватки с разбойниками.

Фелл с трудом добрел до окна. Сигурни стояла в лучах солнца, держа ястреба на руке, черная собака лежала у ее ног. У Фелла пересохло во рту. Чувства, так давно подавляемые, снова овладели им. Из всех женщин, которых он знал — а их было много, — Фелл любил только одну, и в этот миг он с болезненной ясностью понял, что так будет всегда. Он женится снова и заведет сыновей, но сердце его останется здесь, с этой загадочной жительницей гор, пока не истечет отпущененный ему срок.

Он еще не оправился, но смотреть на нее ему было невыносимо. Фелл натянул сапоги, взял свой черный кожаный плащ, взял длинный лук и колчан. Потом вышел через заднюю дверь и побрел обратно в Силфаллен. Была там одна девушка-невеста, отец которой назначил посильный для Фелла выкуп.

— Ненавижу эти места. — Барон Ранульф Готассон, облокотясь на широкий парапет, смотрел на дальние горы. Асмидир промолчал. На высокой крепостной стене было холодно, северный ветер пронизывал насквозь даже теплую одежду —

но барон в своей черной шелковой рубашке и безрукавке из черной тончайшей кожи как будто не замечал этого. На нем не было ни единого украшения — ни серебряных заклепок, ни дисков, ни цепей. — Не то что Кушир, верно? — Он обратил светлые глаза на своего темнокожего собеседника, который поеживался от холода. — Студено, уныло. Тебе никогда не хочется вернуться домой?

— Бывает, — признался Асмидир.

— И со мной тоже. Что делать здесь такому человеку, как я? Как заслужить славу?

— В королевстве все спокойно, милорд — благодаря вашей милости и графу Джасти.

Губы барона сжались, глаза под тяжелыми веками сузились.

— Не называй при мне его имени! Никогда не видел, чтобы кто-нибудь был так удачлив, как он. Скажи, что из его деяний может сравниться с моим победоносным Лигийским походом? Двадцать пять тысяч воинов против двух моих легионов, но мы сокрушили их и заняли их столицу. А у него что? Осада Катиума? Тыфу!

— Поистине так. Ваши подвиги останутся в истории на века. Но у вас, верно, есть дела поважнее моей скромной персоны — скажите же, чем я могу вам служить?

Барон, сделав Асмидиру знак следовать за собой, привел его в небольшой кабинет. Чернокожий тоскливо взглянул на холодный пустой очаг. Неужели этот человек совершенно не чувствует холода?

— Мне нужен красный ястреб, — заявил барон, садясь за дубовый письменный стол. — Через два месяца турнир, и я хочу его выиграть. Назови свою цену.

— Увы, милорд. Я продал этого ястреба осенью.

Барон выругался.

— Кому? Я выкуплю у него птицу.

— Я не знаю, где найти этого человека, — без запинки солгал Асмидир. — Он заходил ко мне в прошлом году. Это путник — может быть, пилигрим. Если увижу его снова, то сразу направлю к вам.

Барон с новой бранью хватил кулаком по столу.

— Хорошо, ступай.

Асмидир откланялся и спустился по винтовой лестнице в недра крепости. В большом чертоге шел пир. За тремя главными столами сидели около сорока рыцарей со своими дамами, слуги в красных ливреях разносили блюда и напитки, с галереи, занятой менестрелями, лилась тихая музыка, огонь плясал в очагах на обоих концах зала.

Асмидир, не будучи голоден, направился к выходу. Слова барона напомнили ему завоевание Лигии — побоища, насилие, увечья, пытки и разрушения. Богатую независимую страну поставили на колени, унизили и разорили, предали огню библиотеки, осквернили святыни. О да, Ранульф, история надолго запомнит твое проклятое имя!

Пословица гласит, что месть — блюдо, которое следует подавать холодным, но так ли это? Удовлетворит ли кого-нибудь гибель этого человека?

Закутавшись в плащ, Асмидир шагал через двор. Его окликнул юноша — высокий, кареглазый, с убранными в длинный хвост светлыми волосами. Под мышкой он нес несколько свернутых карт.

— Добрый день, Леофрик, — улыбнулся ему Асмидир. — Пир уже начался, ты опаздываешь.

— Знаю, — вздохнул молодой человек, — но барону нужны эти карты, и себе дороже выйдет заставлять его ждать.

— Карты, похоже, старинные.

— Так и есть. Они составлены лет двести назад в царствование горного короля Гандарина Первого. Хорошая, тонкая работа. Тогдашние картографы умели как-то определять

высоту гор. Известно ли тебе, что Хай-Друин насчитывает девять тысяч семьсот восемьдесят два фута? Как ты думаешь, правда это, или так, с потолка взято?

Асмидир пожал плечами:

— Цифра, по-моему, слишком точная, чтобы быть вымысленной. Но я рад, что это занятие пришлось тебе по душе.

— Да. Мне, вопреки большинству, нравится вникать в мелочи, — усмехнулся Леофрик. — Мне любопытно знать, сколько у нас копий и в каком состоянии наши лошади. Вот, например, при осаде Пяти Городов сейчас занято четыреста двенадцать повозок. Скучная материя, но если выступить на войну без обозов, она будет проиграна, еще не начавшись.

Асмидир поговорил с юношой еще немного, попрощался и пошел на конюшенный двор. Конюху, оседлавшему его гнедого мерина, он дал серебряную монетку, которую тот упрятал в карман с поразительной быстротой.

— Благодарствую, сударь.

Асмидир выехал из ворот замка на широкие улицы города. Народ на рыночной площади глазел на него, дети выкрикивали дразнилки. Мимо маршировали солдаты, и он осадил коня. Это были наемники, и выглядели они усталыми, как будто про-делали много миль. Леофрик занимается обозами, наемные войска что ни день подходят... Зверь вот-вот прыгнет.

Выехав из северных городских ворот, Асмидир пустил коня рысью и проехал так около мили. Гнедой, сильный и выносливый, бежал играючи, даже дыхание у него не стало чаще. Всадник придержал его, похлопал по шее, сказал тихо:

— Человеческие мечты замешаны на крови.

Фелл, присевший без сил у дороги, увидел двухколесную тележку, запряженную двумя громадными серыми волкодавами. Правивший ими старик легонько похлопал палкой собак.

— Стой, Шемол, стой, Кабрис. Добрый день тебе, лесовик!

— Ну и смешной же у тебя вид, Гвалч, — ухмыльнулся Фелл.

— В мои годы, парень, мне до этого нет никакого дела. Главное, что я еду куда хочу, не утруждая свои старые кости. А ты, погляжу я, весь серый, как зимнее небо. Не занемог ли?

— Ранен, и много крови из меня вылилось. Все будет в порядке, только отдохнуть надо.

— В Силфаллен идешь?

— Да.

— Так залезай, мои собачки и двух свезут. Им только полезно. Но прежде заедем ко мне и пропустим глоточек. Это снадобье враз тебя оживит, уж поверь. Обещаю, что судьбу тебе не стану предсказывать.

— Ты всегда предсказываешь, и каждый раз недобroe. Ладно, так и быть, сяду в твою таратайку. Молю только богов, чтобы меня кто-нибудь не увидел — такого позора я век не переживу.

Старик, посмеиваясь, подвинулся и освободил ему место. Фелл положил в тележку лук и колчан, а потом взгромоздился сам.

— Эй, собачки, домой!

Волкодавы рванули с места, и Фелл со смехом сказал:

— Я уж думал, меня сегодня ничто не сможет развеселить.

— Напрасно ты к ней пошел, парень.

— Ты обещал без ясновидения!

— Ба! Я ведь не будущее предсказываю, а говорю о прошедшем. И черного тоже выкинь из головы. Она ему не достанется. Она принадлежит нашей земле, Фелл — я бы сказал даже, что она сама частица этой земли. Сигурни, Ястребиная Владычица, надежда гор. — Старик покачал головой и усмехнулся чему-то, что понимал он один.

Тележка немилосердно подскакивала на каждом ухабе.

— Знаешь, Гвалч, экипаж у тебя не сильно удобный.

— Ты думаешь? Погоди, вот доберемся до родного холма — домой собачки всегда чешут во весь опор. Поседеешь, парень, клянусь ядрами Шемака!

Собаки взлетели на холм, передохнули немного на вершине и устремились по другому склону вниз, к хижине Гвалча. Тележка задребезжала, Фелл побелевшими пальцами держался за бортик. Упряжка мчалась прямо на вековой дуб.

— Дерево! — крикнул Фелл.

— Знаю! Прыгай давай!

— Прыгать? — Ответа Фелл не дождался — старик последовал собственному совету. В последний миг собаки свернули к дому, и Фелл вылетел из тележки вперед головой, едва не врезавшись в дуб.

— Что, здорово? — Гвалч, подбежав к Феллу, взял его за руку и помог встать.

Тот заглянул в веселые карие глаза старика.

— Ты сумасшедший, Гвалч. Всегда был таким.

— Без опасности жизнь скучна, парень. Сейчас мы с тобой выпьем и поговорим обо всем — о жизни, о любви, о мечтах и о славе. От моих рассказов твоя кровь загорится огнем.

Фелл нашел лук и колчан, подобрал рассыпавшиеся стрелы и пошел за стариком в дом. **Жилище** Гвалча состояло из одной-единственной комнаты. В углу постель, в северную стену вделан очаг, посередине грубо сколоченный стол и две лавки. На земляном полу шкуры — две олены, одна медвежья, по стенам оружие: два длинных лука, мечи, обоюдоострый плаш-клеймор. На колышке у огня начищенная до блеска кольчуга, на полке черный железный шлем, отделанный медью. Над очагом боевой топор.

— К войне готовишься, старина? — садясь за стол, спросил Фелл.

Гвалч с улыбкой взял кувшин, налил в глиняную чашу янтарный напиток.

— Я всегда готов, хотя в воины уже не гожусь. А жаль, потому что войны ждать недолго.

— С чего это вдруг? В горах все спокойно. Мы платим подати и не даем шалить на дорогах.

Гвалч налил себе и выпил одним глотком.

— Пришлым ублюдкам повод не нужен, Фелл. Я чую кровь в воздухе. Но случится это еще не сейчас, а потому не будем портить хорошую выпивку. Скажи, как она поживает?

— Я не хочу говорить о ней.

— Хочешь, хочешь. Она не выходит у тебя из ума. Таковы уж женщины, да благословят их боги! Знал я как-то одну девушку, Мев. Зеленые холмы никогда не видали такой красоты, а как вспомнишь ее бедра, ее походку... Потом она вышла за одного скотовода из Гилкросса, родила одиннадцать детей и благополучно всех вырастила. Вот была женщина!

— Что ж ты сам на ней не женился?

— Именно что женился. Два года мы прожили вместе, славное время. Она бы из меня все соки начисто выпила, но тут мне проломили череп у Железного Моста, и открылся у меня Дар. Как гляну на человека, так и вижу, что у него на уме. Ох, Фелл, не знаешь ты, какая это докука. — Гвалч подлил себе в третий раз. — Лежиши на красивой бабе, она теплая, вся как шелковая. Ты от страсти гориши, а она думает про корову с текучим выменем!

— Правда, что ли? — покрутил головой Фелл.

— Не сойти мне с этого места! «Ты меня любишь, женщина?» — спрашиваю я. Она мне смотрит в глаза и отвечает: «Конечно, люблю», а мысли у нее о том скотоводе, с которым она повстречалась на Летних Играх. Вспоминает, как на сене с ним кувыркалась.

— Как ты только ее не убил? — Исповедь старика порядком смущила Фелла.

— А за что? Я в этом деле не был силен. Ненадолго меня хватало. Она заслуживала счастья, которого я дать ей не мог. Мы

с ней иногда потом виделись. Он-то давно помер, конечно, а она здоравствует и живет в достатке, как пристало богатой вдове.

— А это оружие, оно всё твое? — спросил Фелл, чтобы сменить разговор.

— Да, и всё побывало в деле. Я сражался за старого короля, с которым мы чуть было не победили, и за молодого дурня, который нас всех положил на Золотом поле. До сих пор в толк не возьму, как мне-то удалось выжить. Мне и тогда уже было под пятьдесят. В следующий раз мне на такую удачу надеяться нечего, хотя вождь у нас будет получше того.

— Кто такой?

Старик потрогал свой нос.

— Не время пока, Фелл. Да и скажу, ты мне не поверишь. Потолкуем лучше про баб, про Сигурни. Тебе ведь этого хочется, знаю. Сказать, что ты об этом думаешь?

— Нет уж! Налей еще, и поговорим — хотя одни боги ведают, зачем это надо. Все равно не поможет. — Фелл глотнул, и огненная жидкость обожгла ему горло. — Сукин ты сын, Гвалч! Из чего ты свое пойло гонишь, из крысиной мочи?

— Нет, только добавляю малость, для цвета. Говори, что хотел сказать.

— Почему она — вот о чем я себя спрашиваю. Красоток мне было отпущено свыше меры — почему же только она зажигает мне кровь? Почему?

— Потому что она особенная. — Дрова в очаге были уже сложены. Старик высек огонь, поднес его к сухим прутикам под железной подставкой, раздул и вернулся к столу. — Такие женщины рождаются для великой судьбы. В жены они не годятся, ибо стареют до времени, и груди у них болтаются, точно висельники. Они как звезды — другие женщины против них только свечки. Понимаешь? Она оказывала тебе честь тем, что спала с тобой. Ее удел — вечность. Понимаешь, что это значит?

— Ни словечка я не понял из того, что ты тут наплел.

— Это значит, что она будет жить вечно. Что и через тысячу лет люди будут поминать ее имя.

Фелл заглянул в свою чашу.

— Твое пойло портит мозги, старик.

— Может, и так, но что я знаю, то знаю. Ради нее ты будешь жить, ради нее и умрешь. «Держись, Фелл, — скажет она. — Сделай это ради меня». И вражья сила хлынет на тебя с мечами, и с копьями, и стрелами. Ты ведь выстоишь, Фелл, когда она тебя попросит об этом? — Старик уронил голову на руки. — Выстоишь?

— Ты пьян, дружище, вот и несешь чепуху.

Гвалч поднял на Фелла мутный взор.

— Эх, вернуть бы мне молодость — я стал бы рядом с тобой. Даже ту стрелу на себя бы принял.

Фелл, пошатываясь, довел старика до постели и сам рухнул на медвежью шкуру перед огнем.

Только так могла Сигурни приобщиться к полету. Она стояла нагая над водопадом, вцепившись пальцами ног в изъеденный ветрами край скалы. Летящие вниз струи пенили заводь в шестидесяти футах под ней. Солнце, сияя на безоблачном небе, грело ей спину. Сигурни качнулась вперед. Она летела прямая, как стрела, прижав руки к бокам, и заводь неслась ей навстречу. В последний миг она выбросила руки вперед и вошла в воду почти без плеска. Когда ее пальцы коснулись крутящегося камня на дне, она всплыла и неспешно направилась к южному берегу, где с тревогой ждала ее Леди. Вышла, села на плоский камень, потрясла головой. Здесь шум водопада был глушее, и солнце, светя сквозь ивовые ветви, осыпало золотом воду. В такой день легко верилось, что именно здесь стародавний король покинул мир людей и ушел на небо. Ей виделось, как он выходит из воды, окровавленный, держа в руке

меч, слышались лай собак и крики воинов, преследующих добычу. Когда же погоня приблизилась, вспыхнул свет и отворились Врата.

Только все это сказки. Его убили здесь, величайшего из горных королей, Сорейна Железнорукого. Прыгнув с утеса прошлой весной, она нашупала на дне кость — спинную лопатку. Потом стала нырять раз за разом и собрала все, что удержалось среди камней от его скелета. Правой кисти недоставало, но на запястье сохранились проржавевшие болты и последние рыжие клочья железной десницы.

Если что и ушло на небо, то лишь душа. Он умер одинокий, окруженный врагами. Таков удел королей.

Сигурни, поежившись от прохладного ветерка, спросила вслух:

— Ты все еще здесь, Железнорукий? Посещает ли твой дух это место?

— Только при полной луне, — сказал в ответ чей-то голос.

Она вскочила. У ивы, с улыбкой опершись на дубовый посох, стоял человек. Леди лежала, опустив голову на лапы, не обращая на него никакого внимания. Сигурни склонилась к своей одежде, выхватила из ножен кинжал.

— О, не беспокойся, я не насильник. Всего лишь путник, что захотел испить холодной горной водицы, а зовут меня Лоран. — Прислонив посох к дереву, он опустился на колени у воды, приласкал Леди и начал пить.

— Обычно она встречает чужих по-другому. — Больше Сигурни ничего не нашлась сказать.

— У меня свой секрет. — Он поднял на нее глаза и усмехнулся совсем по-мальчишески. — Может, оденешься? — Он был красивый мужчина, стройный, безбородый, с синими глазами и копной соломенно-желтых волос.

Сигурни успокоилась, нашла его улыбку приятной и не осталась в долгу:

— Может, разденешься?

— Вы в Лоде всегда так круто беретесь за дело?

Она спрятала кинжал в ножны и села. Собака прибежала к ней.

— А ты сам из каких будешь?

— Из клана Паллидов.

— Вы, Паллиды, все такие робкие?

— Нет. — Смеялся он тоже приятно, весело и раскатисто.

— Мы люди учтивые и обходительные. Далеко ли еще до Силфаллена? — Он обмахнул рукой поваленный ствол и сел.

— Пoldня пути, если прямо пойдешь. — Сигурни натянула штаны. Она еще не просохла, и белая шерстяная рубашка липла к груди. Застегнув пояс, она снова села. — Что делает Паллид так далеко на юге?

— Ищу Тови Длинную Руку, меня послал к нему наш лорд-ловчий. У тебя, женщина, имя есть или как?

— Есть.

— Можно узнать какое?

— Сигурни.

— Ты сердишься на меня? — мягко спросил он, и она не нашла усмешки в его глазах.

«Да, сержусь, — сказала она про себя. — Асмидир обозвал меня шлюхой, Фелл ушел, не поблагодарив и не попрощавшись, а этот мною пренебрегает. Еще как сержусь!»

— Нет, — солгала она вслух и внезапно метнула нож. Он просвистел по воздуху и вонзился в поваленное дерево рядом с рукой Паллида. Лоран взглянул туда. Нож пригвоздил к стволу голову гадюки, тело змеи извивалось в предсмертных корчах.

— Ай да Сигурни. — Он выдернул нож, отсек змее голову, вытер лезвие о траву и рукоятью вперед протянул хозяйке.

— Я провожу тебя немного, Паллид. Еще заблудишься в нашем лесу.

— И ножи кидать мастерица, и сердце доброе.

Они вышли на дорогу. Здесь лес был гуще, и осень уже золотила листву.

— Это у тебя обычай такой, говорить с духами? — спросил Лоран.

— С какими такими духами?

— Ты ведь к Железнорукому обращалась, когда я пришел? Это та самая заводь, откуда он вознесся на небо?

— Да.

— Ты веришь в это предание?

— Почему бы и нет, ведь тела его не нашли.

— Живым его тоже не видели, — пожал плечами Лоран, — но жизнь его в самом деле полна чудес. Последний великий король до рождения Гандарина. Рассказывают, что он умертвил семерых, посланных убить его самого — нешуточный подвиг для раненого. Может, двести лет назад люди и впрямь были покрепче, как мой дед уверял, — засмеялся он. — Мужчины тогда были мужчинами, говоривал старикан. Железнорукий, по его словам, был семи футов росту, а его боевой топор весил шестьдесят фунтов. У деда на кухне я наслушался всякого — про драконов, про ведьм и про героев, до которых обыкновенным людышкам как до неба. В те времена каждого ниже шести футов считали карликом, говорил он, а я всему верил. Редкостный был дурачок.

— Может, это и правда. Может, они были крепче нас.

— Все может быть. Но на последних играх, где я был судьей, Мерет Остроглазый метнул свой шест невиданно далеко, а росту в нем шесть футов пять дюймов всего-то. Если они были такие силачи и скороходы, отчего же мы добиваемся большего, чем они?

Перевалив через последний перед Силфалленом холм, Сигурни остановилась.

— Вот я и дома, — показала она на хижину у ручья. — А ты так и шагай на юг по этой дороге.

Он с поклоном поцеловал ей руку.

— Благодарю тебя, Сигурни. Ты хорошая спутница.

— Боюсь, ты презрел самое лучшее, что во мне есть, — сказала она. И улыбнулась, сама себе удивившись.

Он, не отпуская ее руки, покачал головой:

— Самого лучшего в тебе, думаю, не видел еще ни один мужчина. Прощай! — Он пошел было прочь, но обернулся на ее слова:

— В старину горцы были свободными, несгибаемыми людьми. Может, нам потому и кажется, что они были сильнее. Вместо того, чтобы шесты метать, они побивали врагов. Пусть не все они были семифутовой вышины — главное, что такими они себя чувствовали.

Лоран поразмыслил.

— Я хотел бы снова с тобой увидеться. Даешь мне место у своего очага?

— Приходи с хлебом-солью, Паллид, тогда и увидим.

2

Если Лоран и почувствовал разочарование при виде толстого пекаря, у него достало учтивости не показывать этого, за что Тови был нескажанно ему благодарен. Войдя в старый каменный дом, Паллид строго соблюдал все обычаи, величал Тови лордом-ловчим и обходился с ним так почтительно, что мог бы послужить примером для односельчан старого хлебопека.

Тови развел огонь в задней комнате, попросив жену собрать на стол и утихомирить детей — насколько это было возможно с семьёю ребятишками в возрасте от трех до двенадцати лет.

— Я ценю твою обходительность, — сказал смущенный хозяин гостю, который упорно отказывался сесть, — но ты должен был заметить, что клан Лода не придерживается бо-

лее старых обычаев. Мы расположены слишком близко от Нижних земель, и завоевание затронуло нас сильнее, чем всех остальных. Титул лорда-ловчего отменен, и правят нами за-конники, назначенные бароном Ранульфом. Мы запуганы, Лоран. Нас, раскиданных по склонам Хай-Друина, осталось меньше трех тысяч. В клан входит семнадцать деревень, из которых самая большая — наша, Силфаллен. Бойцов у нас больше нет, кроме разве что Фелла с его лесниками, да и те отчитываются перед капитаном баронской стражи. Боюсь, молодой человек, старые порядки погребены не менее глубоко, чем мои товарищи на Золотом поле. — Тови потянул носом и опустил глаза под твердым взглядом пришельца. — Так что давай-ка без церемоний. Садись и рассказывай, зачем пришел.

Лоран повесил свой травянисто-зеленый плащ на спинку мягкого стула, сел и уставился на огонь, собираясь с мыслями.

— Мы, Паллиды, — начал он, — понесли на Золотом поле большие потери, но мы живем высоко в горах и потому лучше сохранили свои традиции. Юношей у нас все еще учат сражаться и гордиться своими предками. Я не в упрек это говорю, ибо понимаю, что под самым боком у захватчиков жить нелегко. А пришел я к тебе с посланием от моего лорда-ловчего. Он передает, что Паллидам, наделенным Даром, снятся кровавые сны. Грядет новая война, говорят они. Провидцы встречали в горах волков-стервятников, видели Красную Луну, слышали крики умирающих и вой банды. Мой лорд-ловчий хочет знать, посещали ли ваших Одаренных такие же сны.

— Одаренный у нас только один. Когда-то он был славным воином, а теперь ездит по горам на собаках, сильно пьет, и на его сны полагаться нельзя.

Жена Тови внесла на поднос две кружки эля, хлеб, холодное мясо. Поставила все это на стол, улыбнулась устало мужу и вышла. Голоса играющих детей, ворвавшиеся было в открытую дверь, затихли.

— Однако он видел что-то?

Тови кивнул:

— Он говорит о пришествии вождя, воина из рода Железнорукого, да только все это вздор. На Нижних землях пять тысяч солдат, а в случае мятежа они утроят это число за пару недель. Войско они содержат даже в мирное время и до сих пор побеждали во всех своих войнах.

— Моего лорда-ловчего тревожит именно это. Что делать воинственному народу, когда нет войны? Либо они перегрызутся между собой, как бешеные собаки, либо отыщут себе врага. Наши Одаренные и Фарленский оракул, подобно нашему пьянице, говорят о вожде, но имени его и клана никто не знает. Он окутан туманом, однако его нужно найти, лорд Тови. Все указывает на то, что низинники по весне придут с войском. У нас меньше семи месяцев, чтобы подготовиться к этому.

— Что толку готовиться? — вспылил Тови. — У Фелла под началом человек шестьдесят. Я с грехом пополам наберу еще сотни две, считая юнцов и старцев. Если они придут, нам конец, вот и весь сказ. Лода в отличие от Паллида и Фарлена никогда не числилась среди больших кланов. У вас есть перевалы, которые можно оборонять, и долины, где можно укрыть коз и коров, а у нас что? В свое время я был капитаном, парень. Я знаю, как воевать в тех или иных местах. Даже десятитысячное войско не защитило бы мои родные деревни. Чем готовиться, лучше просить барона, бить челом нижнестороннему королю, пасть на свои полусогнутые колени и молить о пощаде. В первом я приму участие сам, под вторым подпишусь, третьего не сделаю никогда — но иного выбора у нас нет.

— Не думаю, что ты прав, — проговорил Лоран. — Найдя военачальника, который объединит нас, мы выработаем стратегию. Лода покинет свои дома и отступит в горы. Осень у нас впереди, есть время сделать запасы. Если ты дашь со-

гласие, я позабочусь, чтобы на землях Паллидов поставили для вас временные жилища.

— Нет, Лоран, — покачал головой Тови. — Победить мы не можем — значит, надо искать другой путь. Я вот все думаю, на что им сдались наши горы? Ни золота, ни прочей богатой добычи. Стал бы ты зáтевать войну ради пары коровьих стад?

— Я бы не стал, но армии, как и мечи, ржавеют без дела. Иноземцам, как я уже говорил, позарез нужен внешний враг.

Тови со вздохом поднялся, подошел к очагу.

— Я не лорд-ловчий, приятель. Я пекарь. Нет у меня ни власти, ни воинов. Даже воли к борьбе — и той нет.

— Чтоб тебе пусто было! — Лоран тоже вскочил со стула. — Встретил я по дороге одну шлюху, так и у той огня в жилах поболе, чем у тебя.

Тови, побелев, сгреб гостя за зеленый камзол и оторвал от пола.

— Как ты смеешь! Я стоял на Золотом поле, мой меч обагрился вражеской кровью. Я видел, как падают мои братья, как враг занимает мою страну. Где ты был тогда? Мамкину сиську сосал? Да, теперь я уже не тот человек, но от тебя оскорблений не потерплю.

— Извини, лорд-ловчий, — мягко, но без намека на слабость произнес Лоран.

— Ты это нарочно, Паллид, — прищурился Тови. — Хотел меня разозлить — и правильно. — Он отпустил Лорана и неуклюже попытался разгладить его помятый камзол. — Правильно, будь ты неладен. Когда долго ходишь в ярме, делаешься волом. Не знаю, насколько одарены твои Одаренные, но если мы переправим припасы к вам в горы, вреда в самом деле не будет. Вечером я созвону старейшин, и мы обсудим твое предложение. Оставайся, если хочешь, и поговори с ними сам.

— Нет. Я хочу повидаться с пьяницей, о котором ты говорил.

— Это долгий путь, скоро начнет смеркаться.

— Ничего. Поем и отправлюсь. — Лоран отломил краюху хлеба и стал жевать.

— О какой шлюхе ты говорил? — спросил его Тови. — У нас в Силфаллене только одна такая, и из дому она редко выходит.

— Она молодая, с серебристыми волосами. Предлагается и даже платы за это не требует.

— Счастье твое, что ты не назвал ее шлюхой в глаза, — хмыкнул Тови.

— Почем ты знаешь, что не назвал?

— У последнего, кто на это отважился, челюсть оказалась сломана в трех местах. Двое мужчин с трудом оттащили Сигурни от него — она чуть язык ему не отрезала. Она последняя в роду Гандарина, — посеръезнев, добавил пекарь. — Сын ее стал бы бесспорным наследником престола, вот только детей у нее не будет никогда.

— Она бесплодна?

— Да. Она собиралась замуж за Фелла, лесного капитана, но старый Гвалч, Одаренный, объявил, что она неспособна родить. Она не шлюха, Лоран. У нее было много любовников, это верно, но выбирает она только тех, кто ей люб, и платы с них не берет.

— Выходит, мне еще и лестно должно быть?

— А тебе самому разве так не подумалось? — подмигнул пекарь.

— Она красива, не спорю. Когда я увидел, как она ныряет в заводь Железнорукого, у меня дух захватило. Продажных женщин я всегда сторонился, но начинаю жалеть, что упустил эту.

— Да. Другого такого случая ты вряд ли дождешься.

— Увидим.

* * *

Светловолосый парень сидел, уронив голову на руки, тупо глядя перед собой. Рядом стояла наполовину пустая кружка. Баллистар влез на скамью, уселся на край стола.

— Пьянством, Бернт, ничего не поправишь.

— Она не хочет меня видеть. Говорит, что я больше не попадался ей на глаза. А я ведь не нарочно, Балли, просто не совладал с собой. Я ни за что на свете не причинил бы зла Леди. Но я смотрел на Сигурни, такую красивую на утреннем солнце... такую красивую... — Бернт осушил кружку до дна и икнул.

Баллистар с завистью глядел на его сильное лицо, глубоко посаженные голубые глаза, мощную шею, широкие плечи. Досадуя на то, что столько добра досталось такому дурню, он чувствовал себя виноватым, потому что Бернт ему нравился. Умом парень, конечно, не блещет, но есть в нем тепло и страдание, которых у иных умников не найти. По сути своей это чувствительная душа.

— Я бы тебе советовал подождать. Леди почти совсем поправилась и охотится не хуже, чем прежде. Подожди еще немного и наведайся к Сигурни снова. Думаю, что она сменит гнев на милость — ты ведь никогда ей ничего плохого не делал.

— То-то и оно, что *не делал* — а потом взял и сделал. Мне всегда было трудно с ней говорить, половина ее слов до меня не доходила, но это ничего, Балли. Мне и того хватало для счастья, что я был с ней... любил ее. А ей только и нужно было, что мое тело. — Бернт оглянулся посмотреть, не слышит ли его кто-нибудь, но те двое, что сидели в таверне, кроме него, пьяно бубнили у очага о своем. — Она мне сама так сказала. Только это, говорит, ты и умеешь, Бернт. После тебя, говорит, всю тоску как рукой снимает. Да только ошиблась она, Балли. Я не только это умею. Таким я был с ней одной, а она этого не видит. Ума не приложу, как мне быть теперь.

— На свете есть и другие женщины. Ты парень хороший, сильный и честный, ты многое можешь им предложить.

— Не нужны мне другие, Балли. Когда я не сплю, только о ней и думаю, а когда сплю, мне снится она одна. Ты ведь знаешь, я никогда ничего не просил... ничего не требовал. Она ведь... после того... никогда не позволяла мне спать у себя в постели, всегда отправляла домой. В любую погоду. Однажды я в метель попал, заблудился, едва не погиб. — Расстроенный Бернт прикусил губу. — А ей и горя мало. Я думал, она когда-нибудь оценит меня, поймет, что я кое-что значу, да где там. Кто я, простой пастух...

— Говорю тебе, Бернт, дай ей время. Я знаю, что ты ей по сердцу.

— Она говорила что-нибудь про меня? — жадно распахнул глаза Бернт.

— Ты слушай, я правду тебе говорю, — глядя в сторону, сказал карлик. — Она еще сердится, но со временем это пройдет.

— Она сказала, что я дурак, да?

— Она пока еще сердится. Иди домой, поешь что-нибудь.

— Сделаешь для меня одну вещь, Балли? — внезапно улыбнулся пастух.

— Само собой.

— Пойди к ней и попроси, чтобы нынче, час спустя после вечерней зари, пришла в старую дубраву.

— Не придет она, ты же знаешь. И свечей, отмечавших время, она у себя не держит.

— Так пусть приходит, как только смеркнется. Попроси ее, а? Скажи, что для меня это важнее важного. Попрощаться хотя бы. Сделаешь? Скажи, что это моя первая и последняя просьба к ней.

— Ладно, я к ней схожу, но тебе от этого станет еще большее.

— Спасибо, Балли. Я последую твоему совету — пойду домой и поем.

Бернт встал и с глупой улыбкой вывалился на улицу.

Баллистар слез со стола. Его коротким ножкам до хижины Сигурни было два часа ходу. И добро бы польза была, думал он.

День выдался теплый, но с Хай-Друина дул ветерок. Прoshагав около часа, он сел отдохнуть. Вдали поднимался в гору еще один человек — в травянисто-зеленом плаще, с длинным посохом. Баллистар прищурился, но его не узнал. Человек направлялся к Гвалчу. Обратно он пойдет уже не так ровно, с ухмылкой подумал карлик.

Отдохнув, он двинулся по оленьей тропе вниз, к дому Сигурни. Она сидела на пороге и резала ремешки на новые охотничьи путы для Эбби. Леди не было видно, но Эбби сидела на шестке около дома. При виде карлика она заплясала и захлопала крыльями. Тот отвесил ей низкий поклон.

— Я тоже рад тебя видеть, Эбби.

— Ты как раз вовремя, — сказала Сигурни. — Заварика нам чаю из трав. У меня так хорошо не выходит.

— Извольте, принцесса.

Он вскарабкался на крылечко, вошел. Над огнем пускал пар старый чугунный чайник. Баллистар снял его, прихватив тряпкой. В задней комнате хранились в мешочках сухие травы, собранные Сигурни по весне. Он смешал их на глаз, залил кипятком, добавил кусок засахаренного меду, размешал чай деревянной ложкой и поставил завариваться. Как бы подъехать к Сигурни, чтобы уговорить ее встретиться с парнем?

Налив чаю в две глиняных чашки, он вынес их на крыльцо.

Сигурни взяла свою, попробовала.

— Как тебе это удается?

— Талант у меня такой. Не хочешь спросить, зачем я тащился в такую даль?

— Захотел побывать в моем обществе, полагаю.

— В другой день это было бы правдой, принцесса, но сегодня я пришел просить тебя об услуге.

- Проси, а я подумаю, что ответить тебе.
- Я, признаться, надеялся, что ты скажешь «да».
- Говори, — с холодком в голосе поторопила она.
- Я видел сегодня Бернта...
- Отвечу сразу: нет.
- Я ж еще ничего не сказал.
- Могу догадаться. Он хочет вернуться ко мне.
- Нет! Ну ладно... да. Но просит он не об этом. Он зовет тебя в старую дубраву, когда стемнеет. Хотя бы проститься. Сказал, что его жизнь зависит от этого.
- Я уже рас прощалась с ним, — отрезала она и вернулась к своим ремешкам.
- Он говорил еще, что впервые обращается к тебе с просьбой, — вздохнул Баллистар.
- Он ждал вспышки гнева, но она ответила холодно и бесстрастно:
- Я никому ничего не должна. Ни ему, ни тебе, ни кому-то другому. Понял? Я его не просила меня любить, не просила ходить за мной как собака. Он годился мне как любовник, но теперь это в прошлом, и в моем настоящем для него места нет. Ясно тебе?
- Ясно, принцесса. Зло и бездушно, но ясно как день. И то — зачем тебе трудиться, в дубраву ходить? До нее, как-никак, больше мили.
- Она заглянула ему в лицо.
- Вот мы оба и рассердились, крошка, а из-за чего? Из-за этого остолопа. Я ведь говорила, что мне дураки не нужны. Но коли за него просишь ты, я, так и быть, уступлю. Попрощаюсь с ним. Ну что, доволен?
- Баллистар с ухмылкой кивнул.
- А я в награду приготовлю тебе поесть. Найдется что-нибудь в доме?
- Эбби нынче утром поймала утку.
- Изжарю ее с подливой из ягод.

* * *

Они славно поужинали молодой нежной уткой. Красный ягодный соус делал сочное мясо под хрустящей корочкой еще вкусней.

— Будь у меня хоть толика здравого смысла, я бы сделала своим мужем тебя, — сказала Сигурни, облизав пальцы. — Мне еще не встречался мужчина, который бы так умел готовить.

Баллистар, сидевший свесив ноги на обтянутом шкурой стуле, важно кивнул.

— Если бы ты захотела меня в мужья, я бы не согласился.

— Я для тебя недостаточно хороша? — улыбнулась она.

— Слишком, я бы сказал, хороша, но дело не в этом. Есть в тебе что-то такое, Сигурни... Ты как корона Альвена — видеть ее видишь, а потрогать не можешь.

— Отчего же? Мне нравится, когда мужчины ко мне прискасаются.

— Нет, не нравится. Не думаю, чтобы ты хоть одному позволила коснуться твоего сердца. Ни один еще не заглядывал тебе в душу.

— Сердце — это насос, гоняющий кровь по телу, — рассмеялась она, — а душа и вовсе веять непонятная. Нет, не надо ничего объяснять. Оставим это. Негоже спорить после такого вкусного ужина. Да тебе уже и пора, иначе придется брести в потемках.

Карлик слез со стула, собрал тарелки.

— Не надо. Ступай, Баллистар. Я хочу побывать одна.

— Не будь слишком сурова с Бернтом, — попросил он с порога.

— Буду его холить, как больного щенка, — пообещала она.

Сигурни помыла посуду, подбросила дров в огонь. Встречаться с Бернтом, которого она уже вычеркнула из своей жизни, ей не хотелось. Не то чтобы он, при всей своей простоте,

был плохим любовником, нет. Когда-то, прошлой осенью, ей было с ним хорошо, но весной он стал казаться ей гирей на шее. Он всюду таскался за ней, говорил, как ее любит, не сводил с нее глаз, вымаливал ее любовь, словно собака объедки. Почему он не может довольствоваться тем, что у них было? Почему хочет большего, чем она способна ему уделить? Недоумок!

Она налила себе меду из подаренной Гвалчем бутылки и опять села на крыльце рядом с Леди, почесывая ее за ушами. Та, разомлевшая от ласки, внезапно вскинула голову и уставилась на опушку леса.

— Что там такое, девочка? — спросила шепотом Сигурни.

Из-за деревьев выехал всадник, и она тихо выругалась, узнав Асмидира — одетого на этот раз в черное, верхом на вороном скакуне. Покрывало из черного шелка удерживало на голове кожаный обруч с опалом на лбу. Когда конь ступил во двор, Эбби растопырила крылья и закричала. Леди стояла молча, насторожившись.

— Приехал повидать свою шлюху? — съязвила Сигурни.

Асмидир спешился с дружелюбной улыбкой, бросил поводья на шею коню, взошел на крыльце.

— Не будь такой колючкой, Сигурни. Нам надо поговорить. Не войти ли в дом? Ваша северная погода дурно сказывается на моих южных костях.

— Не знаю уж, приглашать ли тебя, — проговорила она, став на пороге.

— Пригласи, пригласи. Друзья в жизни — большая редкость, и бросаться ими не надо. Я и по глазам твоим вижу, что мой приход тебя радует, а напряжение, которое я в тебе чувствую, может ослабить только любовь. Ведь так?

— В целом да. — Она отступила, позволив ему войти.

— Да у тебя тут пир был, — сказал он, принюхавшись. — Просто слюнки текут. Утка, не так ли?

— Да, Баллистар приготовил. На кухне он истинный чародей. Тебе следует взять его к себе в услужение.

— Я подумаю. — Асмидир бросил плащ на стул и сел у огня. Сигурни устроилась у него на коленях, поцеловала в щеку.

— Я правда рада, что ты пришел.

Он провел пальцами по ее серебряным волосам, прижал к себе, понес в спальню.

Следующий час был посвящен любви, но Сигурни, обмирая под его ласками, все время чувствовала, что его что-то гложет. Достигнув наивысшего наслаждения во второй раз, она отстранила его от себя, уложила рядом и спросила, опираясь на локоть:

— Что с тобой, друг мой? — Ее ладонь лежала на его гладкой темной груди.

— Много всего. — Он потянулся к ней, но она отодвинулась.

— Скажи.

— Я надеялся, что ты позволишь мне самому дойти до конца, прежде чем вступать со мной в разговоры, — с натужной улыбкой ответил он.

Она, посмеиваясь, укусила его за ухо.

— Поскорей только, а то у меня есть другие дела.

— Слушаюсь, госпожа моя. — И он вернулся к прерванному занятию.

Потом они пили мед у огня. Сигурни ощущала во всем теле блаженную слабость. Обнаженный Асмидир накинул на себя плащ, чтобы уберечься от сквозняка.

— Ну, теперь рассказывай, — сказала Сигурни.

— Скоро начнется война.

— Вот как, и где же?

— Здесь. Я был в Цитадели. Туда собираются наемники, а барон изучает карты прилегающих к Хай-Друину земель. Я уверен, что скоро он поведет свое войско в горы.

— Быть того не может. Ему не с кем здесь воевать.

— Это несущественно. Ему опротивел этот край, а война с горцами даст ему случай с триумфом вернуться на юг. Ничего, что сражаться он будет с горсткой кое-как вооруженных крестьян. Кто об этом узнает? Историк у него свой. Разорив горные села, он получит славу, которой так жаждет. Быть может, на будущее он замышляет другую войну, междуусобную.

— Но как это может касаться тебя, Асмидир? Ты не из наших мест, и нижнесторонний король — твой друг.

— Я всего лишь состоял у него на службе. Король — человек жесткий и беспощадный, в этом он схож с бароном Ранульфом. У нас с ним разные интересы. — Асмидир слегка улыбнулся. — Сюда я приехал из-за пророчества, но оно не сбылось, и я не знаю, что делать дальше.

— Что это за пророчество?

— Теперь уже не важно. Даже шаманы способны ошибаться, как видно. Но я проникся какой-то непонятной любовью к этой суровой, холодной земле, любовью не менее сильной, чем моя ненависть к барону и к тому, что за ним стоит. Почему зло, как показывает история, всегда торжествует? Разве честно, что люди, свободные от законов совести, оказываются сильнее?

— Может быть, просто время еще не пришло, — ответила девушка, и он удивился.

— Время?

— У нас было два великих короля, Гандарин и Железнорукий. Хорошие люди, но при этом сильные и бесстрашные. Разгромив своих врагов, они правили мудро и справедливо. Теперь время нижнесторонних, но за ним опять придет наше, и у нас будет новый вождь.

— Где же он? Пророчество, которое привело меня к вам, касалось как раз его. Великий вождь с короной Альвена на челе. Но я побывал везде, Сигурни, и ни слова не слышал о таком человеке.

— Что ты сделаешь, если найдешь его?

— Я стратег, эноток военной науки. Я научу его сражаться с захватчиками.

— Горцев не нужно учить искусству войны.

— Нет, Сигурни, в этом ты неправа. Вся ваша история строится на одном лишь мужестве. Вы бросаетесь в рукопашный бой и крошите врага палашами. Но война — это не только сражения, а еще и тылы, обозы, средства сообщения, дисциплина. Солдат нужно кормить, капитаны должны передавать донесения полководцам. Есть и другие стороны — например, боевой дух и вера в победу. Низинники, как ты их называешь, знают во всем этом толк.

— Я чувствую, как ты встревожен. — Она погладила его бедро с внутренней стороны. — Вернемся в постель, и я вознагражу тебя за счастье, которое ты подарил мне.

— Но ты говорила, что тебя ждут дела?

Она вспомнила о Бернте и тут же выбросила его из головы.

— Нет, ничего такого.

Назавтра в полдень Баллистар нашел Бернта висящим на ветке дуба. Праздничный наряд, в который тот облачился, был замаран нечистотами, извергнутыми в миг смерти. Глаза выпучены, язык торчит изо рта. Ворона, сидя на плече у повешенного, выклевывала ему правый глаз.

Под телом на земле лежала изящная перчатка для соколиной охоты, расшитая бельми бусинами. Моча самоубийцы капала на нее.

3

Волам было трудно тащить повозку по узкой тропке, ведущей к хижине Гвалча, и Тови поехал в обход, через долину, по каменистым дорогам — их проложили нижнесторонние углекопы в ту пору, когда на склонах холмов еще встречались

открытые угольные пласты. Пекарь выехал из дому, как только рассвело. Он любил эти поездки в город при Цитадели, совершаемые раз в три месяца. Гвалч был веселым попутчиком, хотя и раздражал порой, а деньги от их общей торговли позволяли Тови жить в свое удовольствие. Превосходные меды Гвалча уходили на юг по баснословной цене.

Один из волов оступился на осыпи. Фургон накренился, пустые бочонки затарахтели.

— Эй, Соломка — поосторожней, мальчик! — крикнул Тови. Его легкие полнились свежестью, веющей с Хай-Друини. На вершине подъема он дал волам отдохнуть, поставил тормоз, обвел взглядом открывшийся вид. Много лет назад он шагал по этой самой дороге в числе ополченцев Лоды. Они шли с песней и там вниizu, у ручья, повстречались с Паллидами. Вместе их стало семь тысяч — еще до того, как к ним примикули Фарлены.

Теперь они все мертвы — ну, почти все. Гвалч тоже там был, пятидесятилетний, но прямой, что твой посох. Король, с орлиным пером на шапке, сидел на красивом, привезенном с юга коне. С виду отважный воин, но сердцем — нет. Тови плюнул, вспомнив, как король бежал с поля брани, оставив их всех умирать.

— Кровь не всегда себя оказывает, — произнес он тихо. — У героев рождаются трусы, у трусов — короли.

Повеяло холодом, и Тови закутался в плащ. Идя на войну, он ветра не чувствовал, но хорошо почувствовал его неделю спустя, когда прятался от погони, брел через валежник, переходил вброд ручьи, ночевал в неглубоких пещерах, страдал от голода и холода. Еще как почувствовал, Бог свидетель.

Высоко над ним парила в потоках воздуха пара орлов, недосягаемая для человеческих козней и стрел. Тови отпустил тормоз, тряхнул вожжами.

— Ну, ребята, теперь под горку поедем.

Час спустя он добрался до Гвалча. Старик сидел на солнышке с чашей меда, в обществе трех верховых. Двое угрюмых озябших солдат оставались в седлах, клирик, размахивая руками, что-то доказывал Гвалчу. Его Тови знал — Андольф-переписчик, рыжий, с мучнисто-белой кожей толстяк.

— Это никуда не годится! — кричал он. — У тебя могут быть серьезные неприятности. Не знаю, зачем я так вожусь с вами, горцами. В печенках вы у меня сидите.

Тови остановил волов, слез.

— Не могу ли я чем помочь?

Переписчик от ухмыляющегося Гвалча повернулся к нему.

— Ты ведь знаешь этого человека?

— Да, это старый мой друг, а в чем дело?

Андольф театрально вздохнул:

— Новый закон, как тебе известно, обязывает всех людей иметь прозвища, отличающие одного от другого. Быть Дирком, сыном Дирка, уже недостаточно. Вас таких сотни. Прозвище нетрудно придумать, но этот вот старый дурак... Всё ему хаханьки. Посмотри сам, Пекар! — Андольф сунул Тови под нос бумагу.

Тот прочел и расхохотался.

— Ну что ж, чем не прозвище?

— Не могу я отдать это составителям списков, пойми ты. Его обвинят в неуважении к закону, и я же буду в ответе. Я человек широкий, понимаю шутку не хуже кого другого и сам в первый раз посмеялся, но теперь мне уже не смешно.

Тови кивнул. Переписчик был добрый малый, даром что нижнесторонний, и пекарь ничего против него не имел. Не благодарное это дело, переписывать горцев, особенно когда цель твоей переписи — выявление новых налогоплательщиков.

— Я поговорю с ним, — сказал пекарь и подошел к Гвалчу. Старик уставился в упор на одного из солдат, тот беспо-

койно ерзал в седле. — Довольно шутить, Гвалч. Говори, какое прозвище выбираешь.

— А Дерьмодар чем плох?

— Его напишут на твоем надгробии, вот чем. И не удивляйся, если потомки будут о тебе не очень высокого мнения. Ну, так как?

Гвалч шмыгнул носом и сказал, продолжая смотреть на солдата:

— Сам придумай.

— В молодости его звали Неустрашимым, — сказал переписчику Тови. — Может, так и запишешь?

Андольф кивнул, достал из сумки перо и пузырек чернил. Вписал новое имя, приложив бумагу к седлу, и велел Гвалчу поставить подпись. Тот выругался, однако исполнил требуемое.

Андольф помахал бумагой, просушивая чернила.

— Спасибо тебе, Тови Пекар. Прощай, Гвалчмай Неустрашимый. Надеюсь, больше мы не увидимся.

— Точно, не увидимся, — ухмыльнулся старик. — И мой тебе совет, Андольф Переписчик: не доверяй черноглазым женщинам, особенно плясуньям.

Андольф, поморгав, взгромоздился на лошадь. Всадники поехали прочь. Солдат, на которого Гвалч смотрел так пристально, оглянулся, и старик помахал ему.

— Вот кто меня убьет, — сказал он, больше не улыбаясь. — Они приедут сюда, он и еще пятеро. Как ты думаешь, мог бы я изменить судьбу, если б зарезал его сейчас?

— Ну что, будем грузиться? — поежившись, спросил Тови.

— Будем. Это хороший чан, только новые бочки мне не понадобятся. Это последняя наша поездка, Тови, так что воспользуйся.

— Что толку иметь Дар, если получать от него одни мрачные предсказания? — вспылил пекарь. — Да и не верю я, что

будущее так наперед расписано. Его создают люди, на камне ничего не высечено, понятно?

— Я не спорю, Тови, не спорю. Порой мне снилось то, что так и не осуществилось на деле. Это случалось не часто, заметь себе, но все же случалось. Возьмем того пастуха, влюбленного в Сигурни. До вчерашнего дня я видел, как он покидает горы, чтобы поискать занятие в нижних землях, а прошлой ночью мне приснился другой конец. Так и вышло.

— О чём это ты?

— Бернт, плечистый такой, работал у куэнеца Грейма.

— Ну, знаю. А что с ним стряслось?

— Повесился на дереве поздней ночью. Я увидел это, сидя на своем стуле.

— Адово пламя! Ты уверен, что это произошло?

Старик кивнул.

— Это я к тому, что судьбу можно порой изменить. Не часто, но можно. Он не должен был умереть, но какая-то мелочь заставила его покончить с собой.

— Что за мелочь?

— Женщина его обманула. Выпьем на дорожку, чтоб не озябнуть?

— Нет. Надо успеть на рынок, пока еще утро. — Гвалч недовольно заворчал, и они погрузили в фургон двенадцать бочонков меда наряду с пустыми, которые привез Тови. — Почему ты не разрешаешь мне выгрузить эти? Вдруг тебе приснится другой сон.

— Нет, дружище, на этот раз не приснится. Весной нам негде станет продавать мед. Ты говорил с Паллидом и сам должен знать.

— Что ты сказал ему? — спросил Тови, когда оба уселись на козлы.

— Ничего такого, что он раньше не знал бы. Паллидские Одаренные все правильно предсказали.

— И тебе нечего было добавить?

— Разве что о грядущем вожде, но я не знал, кто он и когда явится. Время еще не приспело. Этот Паллид — парень хоть куда, твердый и острый, что твой кремень. Мог бы со временем стать большим человеком, да только не доживет. А вот ты, Тови, еще станешь мужчиной.

— Я и так мужчина, Гвалчмай Дерьмодар. Не забывай об этом.

При бледном свете луны знакомая ива казалась какой-то другой. Ее ветви бороздили стальную воду, точно пальцы скелета. Даже шум водопада напоминал шепот злобных демонов. Ночная живность шуршала в подлеске. Сигурни сидела у воды неподвижно и глядела, как дробится луна в пруду.

Она испытывала потрясение и гнев. Потрясение от смерти несчастного пастуха, гнев на то, как обошелся с ней Баллистар. Сигурни три дня провела в горах, ставя ловушки на лис и бобров. Вернувшись усталая, мокрая и голодная, она увидела карлика у себя на крыльце и сразу воспряла духом. Сейчас он приготовит что-нибудь вкусное, и они весело проведут время. Она улыбнулась ему, скинула на пол шкуры, посадила на шесток Эбби. Баллистар все это время стоял серьезный и какой-то загадочный. В руке он держал перчатку для соколиной охоты, красиво расшитую голубыми и белыми бусинами.

— Это подарок? Мне? — Он с молчаливым кивком бросил Сигурни перчатку. Ее сшили из замши мелкими, старательными стежками, белую буквицу «С» окружал узор из голубых завитков. — Очень красиво. А ты чего такой мрачный? Боялся, что мне не понравится? — Сигурни надела перчатку — та сидела на руке, как влитая.

— Никогда раньше не видел, как ворона выклевывает глаз человеку. Удивительно непрочная штука глазное яблоко. Бернт, правда, не возражал, хоть и был в своем лучшем наряде. Даже и не заметил.

— О чём это ты?

— Так, Сигурни, ни о чём. Как там Бернт?

— Я с ним не виделась, — резко сказала она. — Нашлись дела поважнее. Что с тобой такое, ты пьян?

— Пока нет, но скоро напьюсь. На поминках. Очень уж меня похороны расстраивают. Он сделал её для тебя, — карлик показал на перчатку. — Подарок любимой — так её, думаю, можно назвать. Сшил её и нарядился в свой лучший камзол. Хотел, чтоб ты увидела его во всем блеске. Но ты не потрудилась прийти, и он, прождав до рассвета, взял да и повесился на дубу. Одним из тех дураков, которые так тебе докучают, стало меньше.

Замерев, она стянула с руки перчатку.

— Она лежала прямо под ним, — пояснил Баллистар. — Ты уж прости за пятна.

Сигурни швырнула перчатку наземь.

— Ты винишь в его смерти меня?

— Тебя, принцесса? Ну что ты, —sarкастически произнес карлик. — Он просто хотел повидать тебя напоследок. Просил меня передать, как это для него важно. Я передал, но теперь для него ничего важного уже нет.

— Ты все сказал? — тихо, но с гневом во взоре спросила она.

Карлик повернулся и зашагал прочь.

Она посидела на крыльце, собираясь с мыслями. Да, так и есть. Карлик думает, что в смерти Бернта виновата она. Но почему? Если она спала с пастухом какое-то время, это еще не значит, что она обязана была петься о его душе. Она его не просила в неё влюбляться, даже и не старалась, чтобы влюбился.

«Надо было пойти к нему, как ты обещала», — сказал тихий голос внутри.

Ей стало горько, и она побрела прочь от дома, к заветному водопаду, ее всегдашнему прибежищу в час гнева или печали.

Именно здесь ее нашли в ту страшную ночь, когда погибли ее родители: она сидела под ивой, с пустыми глазами, и ее белокурые волосы подернулись серебром. Сама она ничего об этом не помнила, кроме того, что заводь показалась ей единственным надежным местом в потерявшем устойчивость мире.

Но в этот вечер она и там не нашла покоя. Умер человек, хороший и добрый. То, что он был глуп, больше не имело значения. Ей вспоминалась его улыбка, его нежность, его отчаянные усилия сделать ее счастливой.

— Напрасные труды, Бернт, — промолвила она вслух. — Ты не тот мужчина, который мне предназначен. Я пока не встретила его, но когда встречу, узнаю. — Слезы заволокли ей глаза. — Мне жаль, что ты умер, искренне жаль. Я жалею, что к тебе не пришла. Я думала, что ты будешь молить меня о любви, потому и уклонялась от встречи.

Туман, клубящийся над водой, принял смутные очертания человека. Ветер погнал призрачную фигуру к Сигурни, и она, вскочив, отступила назад.

— Не убегай, — прошептал голос, но она бросилась прочь — по камням, по старой оленьей тропе.

Добежав до хижины, она заперла дверь и развела в очаге жаркий огонь. Взгляд ее блуждал по бревенчатой стене, где висело оружие: широкий меч, лук, колчан с черными стрелами, кинжалы, шлем с железной верхушкой и надбровием из полированной меди. Она взяла один из кинжалов и села точить его на бруске.

Прошел час, прежде чем она перестала дрожать.

Во рту у Гвалчмая пересохло, точно он жевал барсучью шерсть всю ночь напролет. Дневной свет резал глаза, от собачьей скачки выворачивало кишки. Он шумно пустил ветры, и ему несколько полегчало. Раньше ему нравилось выпивать с утра, но в последние годы это удовольствие обернулось тяж-

кой повинностью. Ездовые волкодавы внезапно стали. Шемол уставился куда-то в лес у дороги, Кабрис просто сел со скучающим видом.

— Нынче вам зайцев не будет, ребята. — Гвалч тряхнул поводьями. Шемол нехотя тронул, Кабрис, не успев подняться, едва не угодил под тележку, разозлился и тяпнул напарника. Оба пса ощетинились и зарычали.

— Тихо! — прикрикнул Гвалч. — Адова кухня, у меня голова так не болела с тех пор, как ее топором разрубили. Чтоб я вас не слыхал больше! Вперед! — Собаки оглянулись на него и послушно двинулись дальше, а Гвалч глотнул меду из кувшина.

Впереди показалась хижина Сигурни, у порога сидела черная сука Леди. Шемол и Кабрис при виде нее помчались галопом. Гвалч держался, не зная, что спасать прежде — собственные кости или кувшин. С холма тележка слетела благополучно, и он стал надеяться, что худшее позади. Но тут Леди, устремившаяся навстречу упряжке, вдруг свернула на луг. Волкодавы поскакали за ней, тележка накренилась, Гвалч с кувшином, прижатым к костлявой груди, взмыл в воздух. Упастъ он исхитрился на спину, и мед всего лишь промочил его камзол из зеленой шерсти. Гвалч сел и надолго припал к кувшину. Собаки, сидя рядом с опрокинутым экипажем, смотрели на него мрачно. Он поставил кувшин и распряг их. Шемол задержался, чтобы лизнуть хозяйскую руку, Кабрис же дернул прямиком в лес, за Леди.

Гвалч с кувшином проследовал в дом. Сигурни сидела у стола, положив перед собой длинный нож. Волосы немытые, лицо осунулось, глаза усталые. Гвалч налил мед в две чашки, подвинул одну ей.

Она потрясла головой.

— Выпей, девочка, — сказал он, садясь напротив. — Вреда не будет.

— Прочти мои мысли, — приказала она.

— Нет. Ты вспомнишь все, когда будешь готова.

— Будь ты неладен, Гвалч! Всем предсказываешь судьбу, а мне не хочешь? Что случилось в ту ночь, когда убили моих родителей? Говори!

— Ты сама знаешь, что случилось. Твой... отец и его жена были убиты. Ты спаслась. Что еще я могу тебе рассказать?

— Отчего мои волосы поседели? Зачем обоих склонили так скоро, не дав мне проститься с ними?

— Расскажи лучше ты. Про минувшую ночь.

— Ты и так уже знаешь. Призрак Бернта явился мне в заводи.

— Нет, это был не Бернт. Бедняга пастух ушел из этого мира, а тот дух явился к тебе из иных времен. Зачем ты от него убежала?

— Испугалась. — Светлые глаза смотрели на Гвалча с вызовом.

— В этом нелегко сознаваться, знаю, — улыбнулся он. — Особенno Сигурни-Охотнице, женщине, которая ни в ком не нуждается. Знаешь ли ты, что нынче день моего рождения? Семьдесят восемь лет назад я испустил первый крик, а четырнадцать лет спустя впервые убил человека, коровьего вора. Он увел отцовского призового быка, и я три дня шел по его следу. У меня долгая жизнь, Сигурни, и в ней столько всего, что самому тошно. — Разлив остатки меда, он осушил свою чашку одним глотком и с грустью уставился на пустой кувшин.

— Кто он был, этот призрак?

— Пойди и спроси его сама, женщина. Позови его.

Она, содрогнувшись, отвела глаза.

— Не могу.

— Нет на свете такого, чего ты не можешь, Сигурни. Нет. Она ласково погладила его руку.

— Полно, Гвалч, мы же друзья. Почему ты не хочешь помочь?

— Я тебе помогаю. Советом. Ты не помнишь Кровавую Ночь, но вспомнишь, когда придет время. Мы заперли твою память, когда нашли тебя там, у заводи. Ты была безумна, дитя. Сидела в луже собственной мочи, раскрыв рот, с пустыми глазами. Меня сопровождал друг по имени Талиесен. Это он расправился с убийцами — он и еще один человек. Он сказал, что надо закрыть на замок твою память и вернуть тебя в мир живых. Это самое мы и сделали. Когда ты станешь достаточно сильной, чтобы повернуть ключ, дверь откроется — так он сказал мне.

Она убрала руку.

— Вот, значит, каков твой совет? Пойти опять к заводи и встретиться с призраком?

— Да.

— Я туда не пойду.

— Тебе решать, Сигурни. Возможно, твоё решение правильно. Время покажет. Ты сердишься на меня?

— Да.

— Так сердишься, что не сходишь за медом, который стоит у тебя на кухне?

Она улыбнулась и принесла штоф.

— Старый ты нечестивец. Понять не могу, почему ты так долго живешь. Слишком упрям, наверно, потому и не умираешь. — Она отдернула бутылку, за которой Гвалч потянулся. — На один вопрос ты мне должен ответить. Те убийцы были не люди, верно? — Гвалч облизнул губы, не сводя глаз со штофа. — Верно? — повторила она.

— Верно. Дуплозубых породила Тьма. Их послали убить тебя.

— Меня? Почему меня?

— Речь шла об одном вопросе, но я отвечу. Потому что ты — это ты. Больше я ничего не скажу, но обещаю, что скоро мы поговорим снова.

Она отдала ему бутылку и села.

— Не могу я пойти туда, Гвалч. Не могу.

Гвалч молчал. Мед уже ударил ему в голову, и мысли мутались.

— А это что? — спросил барон Ранульф Готассон, ведя костлявым пальцем по карте. Дрожащий Леофрик, потирая руки, благодарил судьбу за то, что догадался надеть шерстяную рубаху и две пары теплых носков. Подбитые мехом перчатки лежали в кармане, но их он надеть не смел. В кабинете барона на самом верху Цитадели вечно стоял холод, несмотря на постоянно горящий огонь. — Я, кажется, к тебе обращаюсь?

Леофрик нагнулся над столом, и сквозняк из открытого окна тут же просверлил ему спину.

— Это река Дрануин, сударь. Она берет начало на северном склоне Хай-Друина, течет через лес на землях Паллидов и впадает в море.

— Что, Леофрик, замерз? — улыбнулся барон, глядя на посиневшего юношу.

— Да-да.

— Солдат быстро привыкает к таким лишениям. Расскажи мне об этих Паллидах.

«Я не солдат, я клирик, — сказал про себя Леофрик. — Притом терпеть лишения поневоле — одно, а получать от них удовольствие — немного другое». Не высказывая этого вслух, он начал:

— Паллид — самый крупный из кланов. Насчитывает шесть тысяч человек, а до Великой войны было еще больше. В основном это скотоводы, хотя на некоторых фермах выращивают овес и ячмень. На дальнем севере у них две большие рыболовные флотилии. Паллиды занимают около двухсот квадратных миль и живут в шестнадцати деревнях. Самая большая — Касвалмир, названная в честь древнего воина. Во время Аэнирских

войн он, по преданию, вызывал Королеву-Колдунию на помощь своему клану.

— До преданий мне дела нет. Излагай факты. Сколько населения в Касваллире?

— Примерно тысяча сто. Численность напрямую зависит от времени года. Осенью у них Игры, и на эти десять дней может собраться даже до пяти тысяч. Не одни Паллиды, но и Лода, и Фарлены, и Вингорасы. Хотя Вингорасов, согласно переписи, сохранилось всего-то сто сорок.

— Сколько у них боеспособных мужчин?

— У Паллидов? — Леофрик раскрыл толстый том в кожаном переплете. — Это трудно определить, сударь, поскольку регулярной армии у них нет. Если посчитать всех мужчин и подростков, способных держать оружие, то получится, скажем... тысяча восемьсот, из которых тысяча будет моложе семнадцати.

— Кто командует ими?

— Официального лорда-ловчего, как вам известно, больше не существует, но наши шпионы доносят, что Паллиды до сих пор почитают таковым Фиона Острого Топора.

Барон обмакнул перо в чернила и записал это имя на отдельном клочке бумаги.

— Дальше.

— Что еще вы желаете знать?

— Назови мне других вождей.

— Таких сведений у меня нет, сударь... только цифры.

— Выясни это, Леофрик, — в упор посмотрел на него барон. — Имена всех предполагаемых вождей, расположение их домов или ферм.

— Могу я спросить, сударь, для чего это нужно? Шпионы с уверенностью говорят, что в горах даже не помышляют о бунте. У них нет людей, нет оружия, нет воевод.

— Перейдем к другим кланам, — сказал барон, обмакнув перо.

Баллистар, сидя на сером пони, оглядывал с этой незнакомой, немного страшной высоты деревню Силфаллен. Пони был в холке всего десяти ладоней, пузатый, мохноногий — карликовая лошадка для карлика, но Баллистар с его помощью вдруг подрос до шести футов, как Сигурни или Фелл.

Толстяк Тови, выйдя из пекарни, улыбнулся ему.

— Это что же за чудеса? — Взгляд пекаря перешел с карлика на другого, высокого всадника, чей вороной конь стоял рядом.

— Колдун Асмидир позвал меня к себе в повара, — одолевая боязнь, заявил Баллистар. — И пони мне подарил. Насовсем.

— Он в самый раз для тебя. Больше смахивает на большую собаку.

— Славная животина. — Кузнец Грейм подошел к ним, оглаживая белую бороду. — Когда-то такие возили колесницы низнесторонних. Крепкая, выносливая порода.

— Это моя кобылка, собственная, — ослабился Баллистар.

— Пора ехать, — пробасил другой всадник. — Хозяин ждет.

Баллистар попробовал тронуть лошадку с места, но его пятки не доставали дальше седла. Грейм с усмешкой сходил в кузницу и принес маленький хлыстик.

— Попробуй этим, только не сильно. И говори какие-нибудь слова.

— Н-но! — Баллистар стегнул пони по крупу. Лошадка звякнула, карлик кувыркнулся с нее, поймавший его кузнец вместе с ним повалился наземь. Слуга Асмидира догнал пони, привел назад. Тови хохотал так, что эхо катилось по всей деревне.

— Спасибо, Грейм, — со всем возможным достоинством проговорил красный до ушей Баллистар.

Кузнец, поднявшись, отряхивал с себя пыль.

— Не за что. Попробуй еще разок. — Он взял карлика под мышки и опять посадил в седло. — Не робей, скоро научишься. Ну, пошел!

— Но! — сказал Баллистар немного потише. Пони тронул. Карлик качнулся влево, но удержался.

Деревня осталась позади, и страх вернулся к нему. Темнокожий слуга нашел его у таверны. Спроси его кто раньше, не хочет ли он поехать к колдуну в замок, он сразу ответил бы «нет», но два золотых и пони заставили его передумать. Два золотых — да он сроду столько в руках не держал! Можно свой домик купить, а не платить аренду. Не говоря уж о паре новых сапог.

«А вдруг он принесет меня в жертву демонам?»

Баллистар дрогнул и улыбнулся своему спутнику — без ответа.

— Долго ты уже служишь у своего господина? — спросил он, стараясь завязать разговор.

— Да.

Вот и поговори с таким. Оставалось покорно следовать за черным конем. Больше часа они ехали лесом через холмы. Потом Баллистар увидел Фелла с двумя его лесниками — Гвином Черноглазым и Бакрисом Беззубым. Он позвал их и замахал им рукой. Когда те подошли, он поздоровался с Феллом, заново испытав удовольствие от того, что мог смотреть этому красавцу прямо в глаза.

— И тебе добрый день, дружочек. Красивая у тебя лошадь.

— Моя собственная. Колдун подарил.

— Он не колдун! — гаркнул слуга. — Хватит повторять это слово.

— Черный Человек хочет, чтоб я у него кухарил. Сигурни рассказала ему про меня, вот он и дал мне пони в задаток. —

О золотых Баллиста решил умолчать. С Феллом он дружил, Гвин Черноглазый был всегда добр к нему, но Бакрис Беззубый не вызывал у него доверия.

— А ну как он тебя самого зажарит? — усмехнулся сутуловатый Гвин, первый лучник во всем клане Лода.

Баллистар, глядя на него сверху вниз (тот был чуть пониже Фелла), заметил плеши у него на макушке.

— Нынче меня такие вещи не беспокоят. Нынче я смотрю на мир глазами высокого человека.

— Радуйся, пока можешь, — ослабился Бакрис. — А то слезешь со своей лошаденки и опять превратишься в никчёмного коротышку.

Эти слова мигом уничтожили веселое настроение Баллистара. Фелл сердито глянул на лесника, но карлик его упредил:

— Да ладно, Фелл. Он злится, что у меня член поболе, чем у него — так ведь они у всех больше, кого ни возьми...

Бакрис бросился на карлика, но Фелл ухватил его за плечо, крикнув:

— Будет!

Испуганный пони устремился вперед, и оба всадника поехали дальше. Баллистар оглянулся на лесников и показал Бакрису мизинчик.

— Горазд же ты врагов себе наживать, — с усмешкой заметил слуга.

— Э, велика важность.

— И почему вы, горцы, придаете такое значения размеру мужского члена? Наслаждение от величины не зависит.

«У тебя, стало быть, тоже мелкий», — подумал Баллистар, а вслух сказал:

— Откуда мне знать? У меня ни разу не было женщины.

В середине дня они преодолели последний подъём перед замком. Баллистар, никогда еще не бывавший так далеко, во все глаза смотрел на величественное здание. Замком в прямом

смысле слова оно едва ли могло называться, поскольку не было укреплено. В стенах имелись широкие, ничем не загороженные проходы, ров отсутствовал. Когда-то здесь жил лорд-ловчий клана Григор, полностью уничтоженного во время войны. Немногие выжившие Григоры влились в Лоду. Трехэтажный дом, сложенный из серого гранита, украшала единственная башня у северной стены. В свинцовые оконные переплеты вставлены были цветные стекла.

— Мы опаздываем, — сказал слуга. — Надо спешить.

Баллистар тряхнул поводьями. Руки у него сильно дрожали, и два золотых представлялись совсем небольшой суммой.

4

В горах даже последние дни лета пробирают холодом, напоминая о скором приходе суворой зимы. Огонь горел в обоих концах длинного чертога, бархатные шторы колыхались от проникающего в щели студеного ветра.

— Ты отличный повар, — сказал Асмидир карлику, отодвинув пустую тарелку.

Двое слуг зажигали висячие лампы на стенах, и зал наполнялся мягким светом.

— Могу я теперь уйти? — спросил Баллистар. Стул для него поставили на деревянные чурбачки.

— Разумеется, только зачем? На дворе смеркается, твой пони ночует в уютном стойле, для тебя приготовлена теплая комната с мягкой постелью. Утром кто-нибудь из слуг приготовит тебе завтрак и оседлает лошадку. Что скажешь?

— Все это замечательно, — пробормотал карлик, — но я уж лучше пойду.

— Я внушаю тебе страх?

— Есть немного, — признался Баллистар.

— Ты думаешь, что я колдун. Знаю-знаю, Сигурни мне говорила. Но я самый обыкновенный человек, хотя и владею парой секретов. В Кушире всех детей из богатых семей обучают творить огонь из воздуха, а некоторые даже создают из огня пляшущие фигуры. Только я не из них. Я принадлежу к благородному сословию и был воином. Теперь я горец, хотя кожа у меня потемней, чем у вас, и готов стать твоим другом. Друзьям я зла не делаю и всегда говорю только правду. Веришь ты мне?

— Какая разница, верю я вам или нет? Все равно вы сделяете по-своему.

— Для меня разница есть. В Кушире благородному мужу лгать неприлично. Это одна из причин, по которым низинники, как вы их называете, разбили войско нашего короля. Они-то лгут постоянно. Подписали договор, который и не думали выполнять, заключили мир, а потом вторглись к нам. Их шпионы сеяли трепет среди наших воинов. Страшен враг, не знющий чести.

— Однако вы сражались на их стороне.

— Да, и не устаю сожалеть об этом. Давай-ка сядем у огня и продолжим беседу. — Чернокожий великан опустился в обитое кожей кресло у очага. Слуга отодвинул от стола стул Баллистара. Когда карлик соскочил на пол и вскарабкался на другое кресло, хозяин сказал: — Ты переносишь свое увечье с большим мужеством, Баллистар, и это достойно уважения. О чём будем говорить?

— О том, например, зачем вы служили нижнесторонним.

— Без околичностей, значит? — улыбнулся Асмидир. — Хорошо. Дело в том, что куширский король обвинил нашу семью в измене. В то время, когда к нам вторгся враг, нас жестоко преследовали. Мою сестру и мою жену казнили, отца ослепили и бросили в темницу. Враг моего врага — мой друг, так у нас говорят. Я примкнул к нижнесторонним.

— И теперь раскаялись в этом?

— Да. Месть не приносит истинного удовлетворения, Баллистар. Мститель выпускает на свободу чудовище, пожирающее даже то, что ему дорого. Наши города опустошали, людей убивали и уводили в рабство. Богатую, просвещенную страну отбросили на двести лет в прошлое. Даже победа не остановила повального избиения. Нижнесторонние — варвары, ничего не смыслящие в делах государства. Кушир разбогател на торговле, но война обрушила все торговые связи. Прославленную библиотеку в столичном Кошантине сожгли. — Асмидир вздохнул и поворотил в огне кочергой.

— Вы возненавидели их?

— О да. Ненависть моя высока, как Хай-Друин, но двоих — барона Ранульфа и графа Джести — я ненавижу более остальных. Их король всего лишь беспощадный дикарь. Настоящая власть сосредоточена в руках барона и графа.

— Вряд ли разумно говорить все это мне, — заметил Баллистар.

— Позволь мне судить самому, мой друг, — проговорил Асмидир с улыбкой. — Вот ты, скажем, веришь Сигурни?

— В чем?

— Веришь ты ее суждению, ее мужеству, ее благородству?

— Сигурни умна и дураков рядом не терпит. При чем здесь она?

— Она, Баллистар, тебе верит — а значит, верю и я. Без риска прожить нельзя, да и время торопит. По словам Сигурни, ты отменный рассказчик и немного историк. Расскажи мне о ваших кланах. Откуда они взялись, почему поселились здесь? Кто ваши герои, как зовут вашу знать?

— Очень уж прытко вы скажете. Сначала разговор шел о мести, потом о доверии, а теперь вам историю подавай. Скажите сперва, для чего вам все это?

— Ты ясно мыслишь, и мне это нравится. Для начала я сам расскажу тебе кое-что. — Асмидир хлопнул в ладоши, и

слуга принес два золотых кубка с красным вином. Асмидир пригубил из своего, поставил, откинулся на высокую спинку кресла. — Когда Кушир превратился в руины, я вернулся к себе во дворец. У дверей меня встретил старец в сшитом из перьев плаще, весь в морщинах, с редкими, как дымка, волосами и бородой. Слуги сказали, что он пришел час назад и уходить ни почем не хочет. Они пытались прогнать его силой, но, не сумев и близко к нему подойти, признали в нем чародея и отступились. Я спросил его, что ему нужно. Он встал. Двери дома распахнулись перед ним сами собой, и он прошел прямо в мой кабинет. Там он спросил меня, что я чувствую после того, как приложил руку к гибели своей родины. Я, придавленный стыдом, промолчал. Он велел мне сесть и стал говорить о стародавних делах так, точно видел все это своими глазами. Рассказывал, как зло разрастается и пожирает, подобно чуме, все вокруг. Силам зла всегда должно противостоять что-то, сказал он, но в наше время такого противостояния нет. Иноземцы со своими союзниками сметают все на своем пути. Те, что еще сопротивляются им, обречены, ибо у них нет достойных вождей, но у одного завоеванного народа такой вождь будет. Он сказал — и я поверил ему беззабетно, — что я найду его здесь, на севере. Потомок горной династии, сказал он, возвратится из пепла и проложит дорогу к свету.

Я приехал сюда с великими надеждами, Баллистар — но не нашел ни вождя, ни войска. Весной сюда нагрянут нижнесторонние с огнем и мечом и перебьют сотни, если не тысячи, мирных крестьян. — Асмидир подбросил в огонь полено. — Я не верю, что старец солгал мне, и не хочу думать, что он ошибся. Где-то в этих краях есть человек, рожденный стать королем, и я должен найти его еще до середины зимы.

Баллистар выпил вина. Густое и крепкое, оно дурманило голову.

— И ты думаешь, что мои рассказы будут тебе полезны?

— Они могут дать мне ключ.

— Не вижу, каким образом. Предание гласит, что наши предки прошли сквозь магические Врата, но я подозреваю, что наша история не сильно отличается от истории других кочевых народов. Мы, вероятно, нагрянули сюда из-за моря. Те, кому полюбились горы, отправили корабли назад, за своими семьями. Кланы много веков воевали между собой, но потом сюда пришли другие захватчики, аэниры, предки нынешних нижнесторонних. В борьбе с ними кланы временно объединились.

— Ну, а короли у вас как появились?

— Первым настоящим королем был Сорейн, или Железнорукий. Могучий воин родом из Вингораса. Во главе с ним объединенные кланы разбили Тройной Союз. Даже нижнесторонние его уважали, потому что он освободил их землю. Однажды он исчез, но вернется, когда в нем будет нужда — так говорит легенда.

— Сомневаюсь, — покачал головой Асмидир. — У каждого народа есть такой герой, но ни один еще не вернулся. А наследники у него были?

— Только младенец, который тоже пропал — его, вернее всего, убили и зарыли в лесу.

— Расскажи о других королях.

— Был еще Гандарин Багровый, тоже великий воин. Он умер во цвете лет, и его сыновья передрались между собой из-за короны. Потом пришли нижнесторонние, и клановое войско в красных военных плащах полегло на Золотом поле. Тому уже много лет. Молодой король бежал за море, где был убит, других известных потомков Гандарина тоже предали мечу, носить красное запретили — даже шарф такого цвета нельзя намотать на шею.

— И никого из рода Гандарина не осталось в живых?

— Только Сигурни, насколько я знаю. Да и та бесплодна. Асмидир потер глаза, скрывая уныние.

— Где-то он должен быть. И я ему нужен. Старец ясно дал мне это понять.

— Он мог и ошибиться, — предположил Баллистар. — Даже Гвалч порой ошибается.

— Гвалч?

— Одаренный из нашего клана. Был воином, получил рану в голову и стал чем-то вроде пророка. Люди избегают его, потому что он всегда предсказывает дурное. Может, из-за этого он и пьет.

— Скажи, где его можно найти, — приободрился Асмидир.

Сигурни была недовольна собой. Четыре раза за утро она выпускала Эбби, и та все четыре раза промахивалась. Эбби, конечно, отяжелела немного — три дня перед тем шел дождь, и она не летала, — но так все равно не годится, ведь до турнира всего две недели. Сигурни злилась, потому что не знала, что делать, а Асмидира спрашивать не хотела. Может быть, птица больна? Нет, вряд ли — летает и снижается она красиво, как прежде, вот только добычу не может поймать. Нападала она всегда одинаково: выпущенными когтями толкала бегущего зайца, а потом вцеплялась в него. Сигурни подбегала, накрывала зайца рукой в перчатке, бросала кусочек мяса перед собой, и Эбби летела к лакомому куску, оставляя добычу Сигурни. Сегодня такого не случилось ни разу.

Подняв руку, девушка свистнула Эбби. Та послушно слетела с ветки на выставленный кулак, схватила клювом зажатое между пальцами мясо.

— Что же с тобой такое? — шепотом спросила хозяйка, поглаживая ей грудь длинным голубиным пером. — Никак захворала?

Птица смотрела на нее золотыми непроницаемыми глазами.

Вернувшись, Сигурни взяла ее в дом и посадила на высокую спинку стула. Развела в очаге огонь, положив кучу дров и два куска подаренного Асмидиром угля. Прицепила к потолочной балке весы. Эбби потянула два фунта семь унций — на пять унций больше, чем нужно.

— И как же нам с тобой быть, красавица? Чтобы ты слушалась, тебя надо кормить, но если ты не будешь летать, то растолстеешь, обленишься, и никакого от тебя проку не будет. Голодом тебя морить — пропадет вся наша наука, и придется начинать съезнова. Ты ведь умница, я знаю. Неужто у тебя такая короткая память? — Сигурни надела на Эбби колпачок. Птица доверяла ей и сидела смироно.

Леди поскреблась в дверь. Сигурни открыла, пустила ее к огню.

— Надеюсь, ты поела, ведь сегодня мы ничего не добыли. — Собака улеглась, застучала хвостом по полу и запрокинула голову, глядя на хозяйку карим здоровым глазом. — Ну ясно, поела. Лучше тебя никто в горах зайцев не ловит. Ты у нас быстрее ветра, одна Эбби способна тебя обогнать.

За окном темнело. Сигурни зажгла лампу, повесила над очагом. Сняла промокшие сапоги из оленьей кожи и промасленные кожаные штаны. Огонь сразу согрел голые ноги.

— Эх, кабы еще и есть не хотелось. — Она сбросила на пол замшевую рубашку. По стенам плясали тени.

— Адовы колокола в голове бьют. — Из спальни, держась за виски, вышел Гвалч.

— Так пей поменьше.

— Хорошо тебе говорить... — Он запнулся, увидев ее наготу. — Что за неприличие, женщина!

— Ты же сказал, что уйдешь, старый дурень. Я думала, что одна в доме.

— Ладно, — расплылся в улыбке он, — будем считать, что мне повезло. — Придвинув себе стул, Гвалч с нескрывае-

мым восхищением уставился на освещенную огнем Сигурни. — Экая красота! Если Бог и создал что-то прекрасней тебя, мне он этого не показывал.

— По высоте твоего взгляда я заключаю, что для тебя главное грудь, — засмеялась она. — Фелл — тот всегда пялится на ноги и на задницу. Странные вы, мужчины, создания. Если Бог и создала что-то нелепее вас, мне Она этого не показывала.

— Непристойное поведение и кощунство к тому же, — расхохотался Гвалч. — Ты бесподобна, Сигурни. Прикройся, а? Пожалей старика.

— Что, или кровь взыграла?

— В том-то и дело, что нет. Оденься, дитя, будь умницей.

Она снова натянула длинную, до бедер, рубаху.

— Так сойдет? Можно подумать, ты меня не купал в свое время.

— Ты тогда была маленькая. И скорбная разумом.

— Скажи, Гвалч — как убить демона? — тихо спросила она.

Он почесал седую щетину на подбородке.

— А что, еды в этом доме нет? Голодом гостей моришь?

— Есть немного холодного мяса и непочатый штоф твоей медовухи. Для меня она слишком крепкая. Выпьешь, или мясо тебе разогреть?

— Не надо, — подмигнул он. — Нацеди медяной росы.

— Сначала ответь на вопрос.

— Нет, — отрезал Гвалч. — Ничего я больше тебе пока не скажу. И если мне не нальют из-за этого, так тому и быть.

— А когда скажешь, если сейчас не хочешь?

— Скоро. Поверь мне.

— Я никому из мужчин не верю так, как тебе. — Она поцеловала его в лоб и принесла бутылку.

Старик, пропустив глоток огненной влаги, удовлетворенно вздохнул.

— Кто постоянно эту благодать принимает, будет жить вечно.

— Неисправимый. Знаешь легенду о короле с железной рукой?

— Само собой. Он ушел за Врата, но вернется, когда будет нужен.

— Правда вернется?

— Да. Когда время придет. — Старик налил себе еще чашечку.

— Это неправда, Гвалч. Я нашла его кости.

— На дне у водопада, знаю. Что ж ты никому не сказала про такую находку?

Сигурни удивилась, но не слишком.

— Зачем спрашиваешь, если знаешь ответ?

— Вопросом на вопрос отвечать невежливо, девочка.

— Людям нужно верить во что-то. Кто я такая, чтобы отнимать у них эту веру? Он был великий человек, и люди убеждены, что он не пал от руки подлых наемников, а сам их всех перебил.

— Он и перебил. Семерых человек вместе с собачьей сворой, однако враги успели смертельно ранить его. Один преданный человек нашел короля, еще живого, у озерца. Железнорукий наказал ему спрятать тело так, чтобы до урочного времени никто не нашел — королю перед смертью был, видишь ли, послан Дар. Вот откуда взялось сказание, что Железнорукий ушел за Врата и однажды вернется. И не байки это, а чистая правда.

Гвалч отодвинул пустую, третью по счету чашку.

— Когда же ждать его, Гвалч? — спросила шепотом Сигурни.

— Один раз он уже приходил, в Кровавую Ночь. Это он убил последнего демона, — пробормотал старик и захрапел.

* * *

Фелл любил горы, любил безлюдные перевалы, сосны, долины с отлогими склонами, снежные вершины — весь неоглядный простор этого сурового края. Стоя выше черты снегов на Хай-Друине, он смотрел на север. Там лежали земли Паллидов, а еще дальше сверкала река, отмечавшая границу между Паллидами и тихими угрюмыми Фарленами. Эта земля неласкова к земледельцу. Зимы жестокие, летом урожай гниет на корню от постоянных дождей — только овес здесь и можно вырастить. В долинах разводят лохматых коров с острыми рогами, способных обороняться от волков и горных медведей, но и те часто гибнут в снежных заносах или срываются с круч.

Малодушным неженкам здесь не место.

Фелл потер щеки, озябшие от поднявшегося к вечеру ветра. К зиме он отрастит бороду, и будет теплее.

Пещеру он нашел как раз до наступления ночи. Полог у входа сгнил — в следующий раз надо будет принести новый холст, отметил про себя он. Преграда не из лучших, но все-таки не дает зверям забредать внутрь и удерживает тепло. В пещере, глубокой, но узкой, под природным дымоходом был устроен очаг. Там, как обычно, лежали приготовленные дрова и два кремня для добычи огня. Поленница у дальней стены хватало не на одну ночь. В кладовой хранились припасы — овес, мед, горшок с солониной, дюжина восковых свечек.

Здесь, в одном из самых любимых мест Фелла, никто не мешал ему думать или мечтать. Мысли его занимала в основном служба: обход лесов и долин, выбраковка оленей, охота на волков, но эту ночь он хотел посвятить мечте и успокоению духа. Он быстро развел огонь, скинул котомку и плащ, прислонил к стене лук с колчаном. Достал мешочек с овсом, растопил в котелке натасканный в пригоршнях снег. Добавил овес, щепотку соли, размешал варево деревянной ложкой. Овсянку

Фелл любил заправлять медом, но с собой он его не принес, а брать из кладовой было жалко. Всякое бывает — застрянеши здесь посреди зимы и будешь поминать, как слопал весь мед, не дождавшись осени. Он не стал подслащивать кашу, поставил остывать.

В памяти, непрошеное, всплыло лицо Сигурни, и Фелл сказал вслух, точно оправдываясь:

— Мне нужны сыновья.

— Любовь человеку тоже нужна, — произнес чей-то голос.

Сердце у Фелла чуть не остановилось. Вскочил, обернулся — позади никого. Рука сама нащупала обоюдоострый охотничий нож.

— Он тебе ни к чему, парень, — сказал тот же голос, на этот раз слева. У огня сидел самый старый человек, какого только видел Фелл, весь в морщинах, с отвисшей на подбородке кожей. Штаны и камзол из зеленой клетчатой ткани, на плаще нашиты перья, самые разные — голубиные, воробьиные, вороновы. Холщовый занавес так и висел у входа, непотревоженный.

— Как ты попал сюда?

— Другим ходом. Сядь, посиди со мной. — Старик протянул к леснику худющую руку.

— Ты что, призрак?

Старик задумался.

— Занятный вопрос. Я должен был умереть задолго до твоего рождения — значит, надо понимать, уже умер. Однако я не призрак. Я человек из плоти и крови, хотя плоти, признаться, не так много осталось. Я Талиесен, друид.

Фелл присел на корточки с другой стороны очага. Старик казался безобидным и оружия при себе не имел, но лесничий все же не стал прятать нож.

— Откуда ты меня знаешь?

— Твой отец угостил меня хлебом-солью, когда я был здесь последний раз — девятнадцать лет назад по вашему счету. Тебе было шесть лет. Ты посмотрел на меня и спросил, почему лицо так плохо на мне сидит. Дети не стесняются задавать такие вопросы, за то я их и люблю, — хмыкнул старик.

— Не помню.

— Это было в ночь двух лун. Со мной пришел еще один человек, высокий, очень красивый, в замшевой рубашке с изображением красного ястреба.

— А вот его я помню, — удивленно промолвил Фелл. — Он меня научил сквозь зубы свистать.

Старик с безнадежным видом покрутил головой и сказал что-то шепотом — выругался, как показалось Феллу.

— В ту ночь взошли две луны, и Врата Времени отворились, вызвав сход пары лавин, а ты помнишь только, что выучился свистать. Видно, так уж устроен мир. Овсянки дашь похлебать?

— Я варил на себя одного, — проворчал лесничий, — но тебе как путнику отказать не могу.

— Вот-вот. Об учивости напомнить никогда не мешает.

Фелл принес две деревянные миски, единственную ложку вручил старику. Тот съел лишь половину.

— Овсянку в ваши дни варить разучились, но старику, чтобы подкрепиться, и такая сойдет. Теперь к делу. Как живает Сигурни?

— Хорошо — а ее ты откуда знаешь?

— Не то чтобы знаю, — улыбнулся друид. — Мой друг с ястребом на рубашке принес Сигурни людям, которые ее вырастили. Это был большой риск, но он никогда себя не берег и руководствовался железными правилами. Дружить с такими опасно, а враждовать и того опасней. Он, к счастью, больше был склонен дружить.

— Как то есть «принес»? Она всегда жила здесь, с отцом и матерью, до...

— Знаю, знаю. До самой Кровавой Ночи. Только она им была не родная дочь. Их дочка умерла в колыбели, а Сигурни положили взамен, но речь не об этом. Враг, как я понимаю, к вам еще не нагрянул? Нет, конечно же нет. Я, должно быть, старею, но Врата еще повинуются мне. До исхода лета еще шесть дней, верно?

— Четыре. Однако ты, старче, нескладицу говоришь. — Фелл добавил в огонь хворосту. — Какой еще враг?

— Четыре дня? М-м-м, не так много. — Старик загнул скрюченный большой палец на руке, подошел к двери, откинул полог, стал смотреть на яркие звезды. — Да, так и есть, четыре, — сказал он, вернувшись к огню. — Ты о враге спрашивал? Не знаю, откуда начать. Потомки аэниров, завоеватели нижних земель. Как вы их называете — низинники? Весной они придут сюда с огнем и мечом. Думаю, такое подозрение у тебя уже было, молодой Фелл. Но сейчас это не к делу, потому что мы говорим о Сигурни. Сильна ли она? Довольно ли у нее упорства и воли? Вселяет ли она взором страх в сердца сильных мужчин?

— Такова и есть, в точности, — засмеялся Фелл. — Но ты, старче, договаривай, коли уж начал. Зачем нижнесторонним вторгаться сюда?

— В самом деле, зачем? Что руководит злыми людьми? Никто этого не знает, кроме самих злодеев. Со мной в жизни всякое случалось, но я никогда не был злым и потому не могу ответить тебе достоверно. Могу лишь догадываться.

— Сроду не видел, чтобы человек так много говорил и так мало сказал.

— Молодости всегда недоставало терпения. Я назову тебе две главные причины. Одна — это пророчество, которое ходит на юге, предсказание о великом будущем вожде горных кланов. Тираны, как правило, таких пророчеств не любят. Вторая причина — пожалуй, более важная — это честолюбие ба-

рона Ранульфа Готассона. У него два врага, король и граф Джести. Поход в горы сделает его значительной персоной, особенно если он одержит пару побед.

— Какие победы, если у нас даже армии нет?

— Вот потому он их и одержит, — улыбнулся друид.

— И вождя никакого тоже нет. Это безумие, накажи меня Бог!

— А вот тут ты заблуждаешься, мальчик. Вождь есть. Из-за него-то я и сижу в этой холодной неуютной пещере, веду скучные разговоры и ем твою пакостную овсянку. Вождь есть!

— Ты думаешь, это я? — уставился на старика Фелл.

— Я что, похож на круглого дурака, мальчик? Нет, Фелл, это не ты. Ты храбр, умен и наделен верным сердцем, но армиями командовать не создан. Не та в тебе воля и не та кровь.

— Спасибо за откровенность. — Фелл ощущал облегчение с примесью легкой досады. — Кто ж он тогда?

— Скоро увидишь. Через три дня под стенами Цитадели взвьется меч, и красный плащ затрепещет снова. Будь там, Фелл. Через три дня, на рассвете. Когда взойдет солнце, рождается легенда.

Старик встал, громко хрустнув суставами.

— Если ты пророк, — сказал Фелл, — то должен знать, чем кончится эта война. Будет ли жить мой народ?

— Кто будет, а кто и нет. Не все так просто, юноша. Прошлое одно, а будущих мириады, хотя прошлое иногда может быть чьим-то будущим. Поломай-ка голову над этой загадкой! — Лицо старика смягчилось. — Не хочу сбивать тебя с толку, но знания, собранные за двадцать твоих жизней, не изложишь в отпущенное нам время. Скажу так: я знаю, чему следует быть, знаю, что могло бы случиться. Поэтому я предсказываю с уверенностью, что может произойти, но не могу сказать, что случится на самом деле.

— Даже Гвалч, вечно пьяный, говорит тверже.

— Некоторые события высечены на камне самой судьбой, — согласился Талиесен, — как ты сам увидишь в Цитадели три дня спустя. Другие более зыбки. Не пытайся понять все, что я тебе говорю, просто ступай в Цитадель. То, что я сейчас покажу тебе, запомнится лучше, чем искусство свистать сквозь зубы. Смотри внимательно, Фелл — другого слuchая тебе не представится.

Сказав это, старик прошел сквозь стену пещеры. Фелл, опомнившись, подбежал к ней, потрогал — скала и скала.

Огонь в очаге погас. Фелл разжег его заново. Снаружи стояла кромешная тьма и стужа, но в пещере было тепло. Погрузившись в глубокий сон, Фелл снова услышал слова старика:

«Будь там, Фелл. Через три дня, на рассвете. Когда взойдет солнце, родится легенда».

Уил Стампер, уже два года ходивший в капралах баронской стражи, высматривал в толпе воришек и попрошаек. Релф Виттерсон, сопровождавший его, грыз яблоко.

— В этом году народу больше, — заметил Релф. Тощий пес на лету подхватил брошенный им огрызок.

— Население-то растет. — Уил провел пальцем под ремешком своего железного шлема. — Все новые дома на Восточной проданы — теперь, говорят, на север начнут строиться. Что им за охота здесь жить, один Бог знает.

— Ты ведь живешь, — сказал Релф.

В этот самый миг Уил приметил среди народа седого человечка в грязной бурой рубахе, который при виде дозорных спешно шмыгнул в переулок.

— Алин Резак, старый ублюдок. Я тебя все равно поймаю. О чём это мы?

— Не помню, что-то насчет новых жителей. — Релф подцепил колбасу с мясного прилавка — торговец сделал вид, что

ничего не заметил. — Ничего, только крупы многовато. Следовало бы запретить. Что за колбаса, если в ней зерна больше, чем мяса.

По Рыночной улице и Хлебному переулку они пришли на главную площадь, где ставили к предстоящему турниру лотки и палатки. Плотники, стучая молотками, воздвигали высокий павильон с сиденьями для знатных господ и дам. Ими распоряжался белокурый юноша, лорд Леофрик, тут же стоял и капитан стражи.

— Пошли обратно на Рыночную, — при виде его прошипел Релф, дернув Уила за рукав.

Предложение было дельное, но тут капитан сам их увидел и поманил пальцем. Уил тяжко вздохнул. Он не любил капитана — хуже того, не уважал. Что это за командир, если о людях своих не заботится.

Редгаэр Гроза Кушира, рыцарь двора, сын графа Кордении, сам двинулся навстречу солдатам, сцепив руки за спиной.

— Ну что, взяли хоть одного вора?

— Нет еще, капитан. — Уил, вскинув сжатый кулак, отдал ему честь.

— И не диво, с таким-то пузом. Мне брюхатых в страже не надо.

— Так точно! — Препираться с капитаном, как давно уже усвоил Уил, было себе дороже, но начальник, на его счастье, уже взялся за Релфа.

— Пряжка не чищена, пломажем точно лошадиный зад вытирали. Пять грошей штрафу и явиться к моему адъютанту за нарядом.

— Так точно! — ответил Релф.

— Продолжайте обход. — Капитан повернулся на каблуках, взметнув красным плащом.

— Козел, — прошептал Релф. — Ишь ты, лошадиный зад вытирали. Скорей уж твой язык, которым ты вылизывал

баронову задницу. — Они зашагали по Дубильной улице обратно на рынок. — Погляди-ка на это! — Посмотрев в сторону, куда показывал Релф, Уил тихо свистнул. По рынку шла высокая женщина с серебряными, несмотря на молодость, волосами, с красным ястребом на левой руке. — Видал, ноги какие? Не иначе от шеи растут. И задок тугой, твердый. Мечта, да и только.

— Больно худа на мой вкус, — сказал Уил, — но походка и впрямь хороша. Видно, что горянка.

— Потому что в оленьей коже? Так ее не одни горцы носят.

— Ты на поступь ее посмотри. Гордая, надменная, как все ее племя. А браслета обручального нет.

Ястреб неожиданно всполошился, захлопал крыльями, но женщина успокоила его, погладив по голове.

— Лучше меня бы погладила, только малость пониже, — вздохнул Релф. — Пошли поговорим с ней.

— Зачем?

— Я вечером сменяюсь, вдруг да повезет.

— Спорю на твой штраф, ей это ни к чему.

— А я спорю, что ночью ее пробуравлю.

— И нахальный же сукин сын, — ухмыльнулся Уил. —

Ладно, пошли глянем, как тебя срежут.

Они подошли к женщине, стоявшей у лотка с сушеными фруктами.

— Доброе утро, молодая госпожа, — поздоровался Уил. — Красивая у вас птица.

— И охотится хорошо, — ответила она с мимолетной улыбкой и сразу же отвернулась.

— В горах живете? — спросил Релф.

— Да. И что же?

— Мы с другом немного поспорили. Он говорит, что вы с нижних земель, а я — что горянка. Видно же.

— Что видно? — Ее светлые глаза уперлись в солдата.

— Ну, это... походку и прочее. Вы ночевать в Цитадели будете или как? Счел бы за честь сводить вас куда-нибудь пообедать.

— Нет, на ночь я не останусь. Прощайте.

Она пошла прочь, но Релф удержал ее за руку. Ястреб снова заволновался.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, красавица. Неразумно упускать свое счастье.

— Счастье я бы не упустила. Прощайте.

— Слышу перезвон пяти грошиков, — мечтательно сказал Уил. — Вот они, у меня в ладони.

— Кем эта сука себя возомнила? — вскипел покрасневший Релф.

— Говорю тебе, горянка она. Ты для нее враг, захватчик. Они либо ненавидят нас, либо презирают. Подумай лучше, как проигрыш будешь выплачивать.

— Где она ястреба-то взяла? Баба — и с ястребом. Может, украда?

— Ты это брось, сынок, — суроно промолвил Уил. — Сажать ее под замок за то, что с тобой спать не хочет? У меня так не водится. Выкинь ее из головы и поглядывай. Если в наши часы у кого кошелек пропадет, пятью грошами мы не отделяемся, скорей уж по пять плетей влепят.

— И то, — согласился Релф. — Мало ли в поле овечек. Слыхал, какой подарочек схлопотал Граэн в борделе на Северной? Ходит в язвах и злой, как черт. Пиявок ему ставят на это место — нет, ты подумай! И где таких малюсеньких пиявочек набрались?

— Туда ему и дорога, — сказал Уил, заходя в аптеку.

— Что тебе тут понадобилось?

— Младший у нас сильно кашляет. Бетси просила сиропу купить.

— Как переболел тогда горячкой, все никак не поправится. Думаешь, выкарабкается?

— Двоих мы уже потеряли, — вздохнул Уил. — Один от чумы умер, еще в Ангосте, другого в куширском походе желтая лихорадка скосила. Не знаю, будет ли жив малыш, но он боец, весь в своего родителя. Так что надежда есть.

— Повезло тебе с Бетси, — сказал Релф, пока аптекарь наливал сироп в синий пузырек. — Готовит вкусно, в доме всегда чистота, хоть с полу ешь. Хорошая женщина.

— Самая лучшая. Вот придет лето, и попрошусь обратно на юг. У нее там родня, она скучает по ним. Может, получится.

— Говорят, мы весной выступаем. Не слыхал?

— Мало ли слухов ходит. Я и служу-то здесь спокойствия ради — раньше Бетси все боялась, что меня на войне убьют. Все тихо, против кого выступать?

— Капитан говорил, горные кланы к войне готовятся. Нападают на купцов и других путников.

— Неправда это. Был один случай, но лесной дозор сам с разбойниками управился, да и злодеи были не горцы. Нет, сынок, вот дождусь лета и повезу свое семейство на юг.

Уил протянул аптекарю две медяшки, и Релф снова дернул его за рукав.

— С какой стати ты платишь? Должны быть благодарны, что мы их охраняем.

— Привычка у меня такая — платить.

Грейм-кузнец, доставив барону его серых коней, вышел в город. Он не удивился, что барон не заплатил ему за работу — ничего другого он и не ждал. Не зайти ли в «Синюю утку», знаменитую своей жареной свининой со шкварками? «Нет, ты и так чересчур раздобрел», — мысленно сказал Грейм, похлопав себя по толстому животу. В свое время он считался одним

из первых красавцев в Силфаллене и привык, что женщины на него заглядывают. Теперь редкая женщина останавливается на нем свой взор. Волос у него на голове поубавилось, хотя на спине они куда как густы. Три передних зуба ему вышибли железной палицей на Золотом поле, досталось и губам. Тогда ему стало больно вдвойне — он понял, что пригожим уже никогда не будет.

Позже он отрастил косматую, седую теперь, бороду и усы, чтобы спрятать обезображеный рот.

Неохотно миновав «Синюю утку», он увидел на Рыночной улице Сигурни, беседующую с двумя солдатами. Один был высокий, немолодой, по виду воин. Другой, пониже и помоложе, взял девушку за руку, но она сказала ему что-то, и он ушел, покраснев до ушей.

— Здравствуй, — подошел к ней кузнец (Сигурни стояла у лотка, где продавались разные безделушки).

Она, бросив взгляд на стражников, улыбнулась ему.

— Вот думаю, не купить ли Эбби колокольчик. У всех других ястребов они есть.

— А какая в нем надобность?

— Не знаю, — с усмешкой призналась она. — Но красиво, правда?

Грейм взял медный колокольчик, который она разглядывала, посмотрел сам.

— Сделан на совесть, в полете звонить не будет. Они нужны, чтобы слышать птиц, когда те садятся на дерево. Бывает у тебя так, что ты теряешь Эбби из виду?

— Нет.

— Значит, и колокольчик тебе ни к чему. Что привело тебя в Цитадель?

— Здесь будет охотничий турнир, и победителю заплатят два золотых. Эбби, думается мне, может выиграть.

Грейм поскреб в своей густой бороде.

— Смотря чего они требуют. Если послушания, то вы можете победить, а вот быстрота... Тетеревятник легче и летает быстрее Эбби.

— Ты удивил меня, Грейм. Не думала, что ты знаешь толк в соколиной охоте.

— У меня самого была тетеревятница — красивая, но свое-нравная. Я потерял ее за год до Золотого поля. Приучаешь Эбби к людям перед турниром, так, что ли?

— Да. — Сигурни погладила точеную голову птицы. — Она молодчина, пугалась всего пару раз. Завтра опять возьму ее в город.

— За участие в турнире, небось, плату требуют?

— Да, один серебряный пенни. Я уже внесла его утром. Клирик бегал спрашивать разрешения у главного распорядителя — не был уверен, что женщины допускаются.

— Вот удивились они, должно быть, — хмыкнул кузнец. — Им не понять, что горянок даже рядом поставить нельзя.

— С кем рядом?

— С их собственными робкими женами и девицами. Женщины в нижних землях бесправные. Все имущество жены переходит в собственность мужа. Их можно бить, унижать, гнать из дома — законом это не возбраняется.

— Ужасно. Почему женщины это терпят?

— Бог их знает, — пожал плечами кузнец. — Привыкли, должно быть. Мужей для них выбирают отцы, и мужья эти помыкают ими всю жизнь. Там, у подножья гор, правят мужчины. Стало быть, распорядитель тебе разрешил участвовать? Просвещенный, видимо, человек.

— Его Эбби заворожила. Все спрашивал, где я ее взяла да сколько за нее добычи. Сказал, что барону тоже любопытно будет на нее посмотреть.

— Нешибко-то мне это нравится, Сигурни, — сказал, помолчав, кузнец.

— Почему?

— Ты в Цитадели не часто бываешь, верно? Ну ясно, что нет. Шкурки ты продаешь меховщику и кожевнику — а припасы, поди, три раза в год закупаешь?

— Четыре, но к чему это ты?

— Барон — страстный любитель соколиной охоты. Понятно, что на Эбби ему поглядеть любопытно. Увидит ее и захочет себе забрать.

— Ну, так он ее не получит.

— Барон получает все, что он хочет, — невесело улыбнулся Грейм. — Он тут главный. Мой тебе совет: забудь о турнире и уноси Эбби в горы.

— Но я уже заплатила!

Грейм достал из кошелька серебряную монетку.

— На вот, возьми.

— Спасибо, Грейм, но твои деньги мне не нужны. Ты думаешь, он способен отнять ее у меня? — Кузнец кивнул. — Но по какому праву?

— По праву победителя. Ты принадлежишь к горному клану, и он может поступать с тобой, как ему заблагорассудится.

— Это несправедливо, ей-богу! — помрачнела она.

— Конечно, несправедливо, если по-божески — но здесь распоряжается не Бог, а барон. У меня в городе еще есть дела, а вечером я уезжаю. Моя повозка стоит у северной городской стены, за оружейной лавкой. Буду рад довезти тебя до дому, коли придешь.

— Я согласна. Встретимся там, как начнет смеркаться.

Слова Грейма и огорчили, и разозлили Сигурни. Ей так хотелось посостязаться, показать публике мастерство Эбби, услышать возгласы одобрения. Доказать всем, что женщина может выдрессировать ястреба не хуже мужчины. Однако

Грейм не дурак. Раз он сказал, что Эбби могут отнять, к нему стоит прислушаться. Нет правды на этом свете. Будь иначе, она полюбила бы Бернта, и он остался бы жив.

Сигурни вышла на Сокольничье поле. В клетках сидели зайцы, наловленные для турнира. Когда придет время, их начнут выпускать по одному, и они побегут через поле, спасаясь от своих безмолвных убийц. Эбби уставилась на зверьков золотыми глазами.

— Они не для тебя, милая. На этот раз моя красавица не услышит рукоплесканий.

Клирик до сих пор сидел за своим столом, и несколько охотников дожидались, чтобы он записал их в толстую книгу. Тут же рядом сидели на жердочках ястребы в колпачках — все тетеревятники. Эбби при виде их встопорщила перья и захлопала крыльями.

— Тихо, — шепнула ей Сигурни. — Сейчас ты должна вести себя очень хорошо, девочка.

За спиной у клирика стояли те самые солдаты, что недавно к ней привязались на улице. Высокий-то ничего, а вот у второго глазенки подлые. С ними был распорядитель — его имя она забыла, помнила только красную рожу и рыжую бороду.

Сигурни встала в очередь.

— Красивая, — сказал один из охотников, глядя на Эбби. — Не чаял увидеть такую еще раз. Куширская порода, верно?

— Да.

— Славные добытчики. Моя, конечно, быстрее, но и эта еще покажет себя. — Он пальцем погладил Эбби по грудке, и та, к раздражению Сигурни, приняла ласку чужого как должное.

— Следующий! — сказал клирик. Сигурни знала его, он переписывал жителей Силфаллена. Как же его зовут, Андрей? Нет, Андольф.

Мужчина записался, внес плату и подошел забрать с жердочки своего ястреба.

— А ты ведь уже записалась, — взглянув на Сигурни, сказал Андольф.

— Вычеркните меня, я передумала.

— Вычеркивать не полагается. — Он отложил перо. — Ты, наверно, хочешь, чтоб тебе деньги вернули?

— Ну да — зачем платить, если я не буду соревноваться?

— Правила этого не допускают. Если птица заболеет или охотник не явится на турнир, его взнос пропадет. Именно из этих денег и складывается приз победителю.

— Ведь и часу не прошло, как я записалась, — умильно улыбнулась Сигурни. — Сделайте исключение для бедной горянки.

— Ну, коли всего только час... — Андольф, зардевшись, достал из ящика серебряную монетку, положил Сигурни на ладонь. Эбби встрепенулась, и он поспешно отдернул руку. — Ох, ну их совсем. Зайцы мне больше по вкусу.

— Зайцы созданы для травли.

Через поле, выбивая дробь по утоптанной глине, скакали четверо всадников. Сигурни удержала встревоженную Эбби. Передний наездник, весь в черном, спрыгнул с серого жеребца, бросил поводья спутнику. Все вокруг Сигурни стали навытяжку, даже клирик вылез из-за стола. Должно быть, это и есть барон, догадалась она и выругала себя за то, что пришла за деньгами. Он, не отрываясь, смотрел на Эбби. Волосы, тоже черные, прилизаны и связаны в хвост, расчесанная натрое бородка блестит, как намасленная, глаза серые, большие, навыкате, губы тонкие, жестокие.

— Откуда птица? — спросил он так тихо, что Сигурни не сразу расслышала.

— Подарок друга. — Прочие всадники тоже спешились и подошли. Она почувствовала себя, как в осаде, но виду не подала.

— За сладкую ночки, само собой, — скучающе бросил барон. — Как я понимаю, ты пришла ее продавать. Даю десять золотых, если ты, конечно, ее не испортила.

— Она не испорчена, мой господин, и не предназначена для продажи. Я сама ее выучила и хотела показать на турнире.

— Дай, пожалуйста, десять гиней, Леофрик, — не слушая ее, попросил барон. — Я тебе после верну. И напомни мне поговорить с чернокожим, когда он приедет.

— Сейчас, ваша милость. — Белокурый всадник полез в кошелек.

Сигурни попяталась и сказала громче, чем собиралась:

— Птица не продается.

Барон впервые посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты горянка, не так ли?

— Да.

— У вас нет знатных домов — есть только сброд, кое-как перебивающийся на горных склонах. Йомен, гласит закон, может держать у себя тетеревятника. Это единственная хищная птица, дозволенная людям низкого звания. Твоя птица иной породы, и ты не вправе ею владеть. Я не слишком быстро говорю для твоего понимания? Бери деньги и отдай ястреба моему сокольничью.

Сигурни понимала, что подчиниться — разумнее всего. Грейм был прав: барон здесь единственный законодатель, и напрасно ему противиться. Она все понимала, но что-то разгоралось в ней, как тайный огонь.

— Я из рода короля Гандарина, и ястреб этот мой, — произнесла она. — Хочу — у себя оставлю, хочу — отпущу. — Она отпустила поводки, и Эбби тут же поднялась в воздух.

Лицо барона не выразило ни малейшего гнева. Некоторое время все смотрели на парящего ястреба, а затем облитый черной перчаткой кулак барона ударил Сигурни по скуле. Она отлетела назад и попыталась пнуть его в пах, но попала в бедро.

— Взять ее, — приказал барон, и двое стражников схватили Сигурни за руки. От нового удара, в живот, она скрючилась пополам. Сквозь туман боли ей слышался голос, не ставший громче и не выражавший никаких чувств: — Дура. Сама себя лишила десяти золотых. А будешь еще дурить, так получишь кнута. Позови птицу, слышишь?

— Сам зови. — Она взглянула в его глаза под тяжелыми веками и плонула ему в лицо кровавой слюной.

Барон достал черный платок, утерся, сказал своим подчиненным:

— Видите, с кем мы имеем дело? Эти люди понятия не имеют ни о законе, ни об учтивых манерах. Варвары, отребье. — Он ударил Сигурни по правой щеке. — Позови птицу, а коли вздумаешь снова плеваться, тебе отрежут язык.

Она молчала.

— Можешь ты ее подозвать? — спросил барон своего сокольничего, коренастого и плечистого.

— Попытаюсь, милорд. — Тот вышел на открытое место, поднял руку в перчатке, протяжно свистнул. Эбби нырнула вниз, но футах в шестидесяти над землей снова расправила крылья. — Летит, ваша милость! — крикнул сокольничий.

— Десять плетей, полагаю, и ночь в тюрьме, — изрек барон, глядя на Сигурни. — Может, это чему-то тебя научит, хотя я сомневаюсь. Вам, горцам, никакой опыт не впрок, оттого вы и косните в варварском своем состоянии. — Он ударил ее еще и еще раз, едва шевеля рукой. Сигурни пыталась уклониться, но солдаты крепко держали ее.

Тогда это и случилось. Одни говорили потом, что у ястреба помутился разум, другие — что женщина была ведьмой и околдовала птицу. Так или иначе, Эбби пролетела мимо сокольничего и устремилась, протянув когти, к Сигурни. Барон снова занес кулак для удара.

— Ястреб, милорд! — крикнул сокольничий.

Барон обернулся, и Эбби вцепилась ему прямо в глаз. Он закричал и упал навзничь вместе с ястребихой, которая никак не могла вытащить когти. Барон ухватил ее за крылья и оторвал от себя. Из раны на месте глаза хлестала кровь. Он швырнулся птицу наземь, а один из всадников его свиты выхватил меч и отрубил Эбби голову. Крылья, трепыхнувшись, замерли. Все обступили барона — он, стоя на коленях, прижимал ладонь в черной перчатке к пустой кровавой глазнице.

Трое спутников то ли повели, то ли понесли его прочь.

— Ты поплатишься за это, сука! — посулил Сигурни капитан, распорядитель турнира. — Барон самой тебе выжжет глаза угольями, отрубит руки и ноги, а после тебя вывесят в клетке воронью на поживу! Но сперва с тобой потолкую я.

Солдаты потащили Сигурни с площади. По краям собрался народ, но она смотрела только на замок перед собой, на двойные двери в его стене. Эбби погибла. Если б Сигурни отдала ее барону, она была бы жива. В глазах стояли трепещущие крылья и взмах стального клинка. Слезы струились по щекам, обжигая ссадину под глазом.

Ее втащили в крепость, повернули налево. Лестница за узкой дверцей вела вниз, во тьму. Сигурни уперлась, и отвергнутый ею стражник заехал ей в ухо локтем.

— А ну пошла! — Высокий стражник начал спускаться первым, отвергнутый заломил Сигурни руку за спину и поволок следом. На осклизлых ступенях было черным-черно, но потом внизу забрел слабый свет факела. В подземелье стоял стол, за столом играли в кости двое мужчин. Увидев капитана, они поднялись.

— Открывай камеру, — приказал он, и они бросились исполнять.

Еще не опомнившуюся Сигурни втащили в темницу — просторную, сырую, провонявшую крысами. В углу койка, на стенах ржавые цепи.

— Ну, как тебе тут, сука? — Капитан с ухмылкой встал перед ней. Она молчала. Он ухватил ее за грудь, стиснул. Она подняла колено и двинула его в пах. Капитан отлетел назад, а вредный солдат ударил Сигурни в висок и повалил на койку.

— Раздеть ее, — прорычал капитан. — Поглядим, на что эта шлюха годится.

Оглушенная Сигурни услышала это, и ее охватил ужас. Она вскочила и ринулась на молодого солдата, но силы ей изменили. Один сгреб ее за волосы, другой стянул кожаные штаны. При свете факела блеснул капитанский кинжал.

— Сейчас я оставлю на тебе свою памятку. До утра ты у меня накричишься вдоволь.

5

Гвалчмай сидел на крыльце и плакал. Подъехавший Асмидир учゅял идущий от старика винный дух, рядом валялся пустой кувшин.

— А Сигурни где? — спросил чернокожий.

Гвалчмай поморгал и ответил:

— Она страдает. Как клинок, закаливаемый в огне.

— О чём это ты толкуешь?

— Почему мы такие? От природы, что ли? Однажды, когда я был молод, мы угоняли скот из одной нижнесторонней деревни. Молодая женщина спряталась в кустах, но мы ее вытащили и стали над ней куражиться. Нам казалось, что это весело. Теперь, глядя на это глазами своего Дара, я не знаю, есть ли такому прощение. А ты, Асмидир, не задумываешься над этим? Не вспоминаешь о лоабитке, которую вы взяли в горах Кушира? Не спрашиваешь себя, отчего она перерезала себе жилы?

Асмидир отшатнулся, как от удара, сощурился.

— Так ты Одарен?

— Да. Я проклят, но и твое проклятие ненамного легче.

Солнце садилось. Асмидир отвел старика в хижину, где у догорающего огня лежала Леди, усадил на стул, сел напротив. Собака завиляла хвостом, положила голову на колени гостю. Он стал рассеянно гладить ее.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он Гвалчмаю. — Надо найти одного человека.

— И в том, и в другом ты не прав, — ответил тот, глядя на угли, — но я тебе помогу. Только скажи мне сперва, отчего мы такие негодяи. Давай говори.

— Что ты хочешь услышать от меня, Одаренный? То, что мы все и без того знаем? Мы делаем так, потому что можем. Можем охотиться, можем убивать, можем распоряжаться добычей по своему усмотрению — будь то свежее мясо, дикий олень, вековое дерево или красивая женщина. Верно я говорю?

Гвалчмай испустил долгий вздох, потер налитые кровью глаза.

— Вот мы сидим у камелька, а где-то в темнице пятеро мужчин бьют и насилиуют женщину. Она вся в крови, ей больно. Один из пятерых — благородного звания, но чужая боль ему в радость. Все прочие — люди простые, как ты и я. Мне открыты их мысли, их чувства. Поубивал бы их всех, до того они распалились, но разве я лучше? Разве мы с тобой не делали то же самое — я в той деревне, ты с лоабиткой?

— Она была одним из трофеев, и я не просыпаюсь из-за нее по ночам. Мы воспользовались ею, как пользуются всеми и каждым. Она покончила с собой, но это был ее выбор. Мне скучны эти игры и нет дела до твоей шлюхи в темнице. Знаешь ты имя будущего во́ждя или нет?

— Знаю, — блеснул глазами Гвалчмай. — Всегда знал. С той самой ночи, когда открылись Врата и Талиесен принес мне дитя на воспитание.

— Ты назовешь его мне? — скрывая нетерпение, спросил Асмидир.

— Это не мужчина.

— Последние мозги ты пропил, старик. Кто ж он тогда, конь? Или дерево?

— Неужто ты так глуп, что ничего не понял из сказанного? Где мы сейчас находимся? Приложи свой хваленый ум и подумай.

Асмидир перевел дух.

— Не будь со мной слишком строг — может, я вовсе не так умен, как тебе кажется. — Старик молчал. — Хорошо, давай поиграем. Ты спрашивал, где мы находимся? В горах, в доме Сигурни-Охотницы. Ты рассказывал о какой-то женщине, брошенной в темницу... — Асмидир вздрогнул. — Праведное небо, так это Сигурни?

— Сигурни, — отозвался эхом старик, кладя полено в очаг.

— За что она попала в тюрьму?

— Барон захотел получить ее ястреба. Она отказалась продать, они заспорили, и тут ястреб впился когтями барону в глаз. Сигурни бросили в темницу.

— Но она жива? Ее не убили?

— Жива, но оставленные ими рубцы будет носить всю жизнь, а ее страдания сполна отольются их соплеменникам.

— Что мне делать? Скажи!

— Жди здесь, со мной. На все свои вопросы ты получишь ответ.

Уил Стампер сидел в таверне «Синяя утка» и пил уже пятую кружку, тщетно пытаясь залить свой стыд. Релф протолкался через толпу и подсел к нему, улыбаясь во весь рот.

— Похоже, я тебе больше не должен? Я ж говорил, что пробуравлю ее еще до полуночи.

— Сделай милость, заткнись.

— Да что с тобой такое, Уил? Разве плохо мы позабавились? Ты своего тоже не упустил, а уж капитан скакал, что твой кролик. Оказывается, и у дворян на заднице чирьи бывают.

Уил единственным духом осушил полкружки. Крепкое пиво начинало туманить голову.

— Никогда этого раньше не делал и впредь не буду. Лета дожидаться не стану, завтра же уеду на юг. И какая нелегкая меня сюда занесла!

— У тебя кровь на руке. Укусила, да?

Уил дернулся и вытер засохшую кровь о штаны.

— Это не моя. — Он отвернулся, но Релф заметил, что по щекам у него катятся слезы.

— Что на тебя нашло? Ты из-за мальчика? Он поправился, Уил, вот увидишь. Брось, на тебя это не похоже. Дай-ка еще налью. — Релф встал, но Уил удержал его за руку.

— А тебе ничего? Ее всю избили, изрезали, опоганили, а тебе ничего?

— Ты тоже не сильно терзался тогда, да и с чего терзаться? Завтра ей еще и не так достанется. По крайней мере удовольствие получила. Наше дело маленькое, нам капитан приказал. Чертовы зубы, Уил, для чего ж еще созданы шлюхи?

Релф ушел за новой порцией. Уил мутным взглядом смотрел ему вслед, слушал хохот выпивох и представлял свою жену в той темнице.

Релф пришел с двумя кружками.

— На вот, хлебни, полегчает. В казарме скоро будут в кости играть — не хочешь попытать счастья?

— Нет, я домой. Скажу Бетси, чтобы укладывалась.

— Подумай как следует, Уил. На юге наемники никому не нужны — как жить будешь?

— Как-нибудь.

— Эк сказанул! У тебя семья, сынишка хворает. Как ты его повезешь, за что их погубить хочешь? Прямо не знаю, чего

тебя так разбирает. Ну, сунул хрящик в мягонькое, так что ж теперь, всей жизни конец? Дурь это, братец. Ступай домой, выспись. Утром увидишь все по-другому.

— Где там. Мне сорок два, и я всегда жил по правилам, которые в меня вбил отец. Слышал ты когда, чтоб я лгал? Укрыл я хоть что-нибудь?

— Нет, ты у нас прямо святой — ну и что с того?

— Я предал все, чем жил раньше, вот что. Дурное дело мы совершили, хуже того — гнусное.

— Ну, понес. Можно подумать, она раньше мужика не видала. Да и какая разница? Утром ей все одно смерть. Ты же слышал, что капитан говорил — ей выжгут глаза и вывесят подыхать в клетке. Что мы такого сделали-то по сравнению с этим? Давай доведу тебя до дому, сам не дойдешь.

Оба заковыляли к двери.

— Надо было остановить это, — бормотал Уил, — а я сам... Что я Бетси скажу?

— А ничего. Придешь домой и спать ляжешь.

Сменного тюремщика звали Оуэн Хантер. Когда он заступил, ему рассказали о пропущенной им забаве. Оуэн был нижнесторонний, и в жены ему досталась настоящая ведьма. Сидя за столом при свете факела, он попытался вспомнить, давно ли получал от женщины удовольствие. Выходило, что больше трех лет назад, если не считать той шлюхи из переулка.

Слушая смачный рассказ своего товарища, он улыбнулся и даже сказал: «Эх, жиэнь». Все это могло случиться, когда караул нес сам Оуэн, кабы он не поменялся с другим.

Сейчас, в одинокие часы службы, его грызла досада. Мало ли баб, так нет, угораздило его жениться на Клорри, языкатой подлюге. Одно паскудство кругом. Он, как и другие солдаты, слышал, что приключилось с бароном. Лекари и теперь с ним возились, поили его дорогими снадобьями от боли.

В подземелье было тихо, только факел шипел. Оуэн встал, потянулся, вспомнил слова счастливца-предшественника: «А задница-то! Говорю тебе, Оуэн, такое не забывается».

Он снял со стены факел, прошел мимо четырех пустых камер к запертой двери. Открыл решетчатый глазок, заглянул внутрь. Окна там не было, факел светил плохо. Он отодвинул засов, открыл дверь. Женщина лежала на полу, раскинув ноги. На лице, на ляжках, на груди запеклась кровь. Оуэн подошел ближе. Она еще не пришла в чувство. Он видел, какая она красивая, несмотря на раны. Волосы при свете мерцали серебристо-красными бликами, даже лобок был серебряный. Сама стройная, высокая, груди крепкие. Один сосок еще кривоточил. Оуэн опустился на колени, провел рукой по бедру женщины. Погладил серебряный бугорок, просунул внутрь указательный палец.

Он решился, встал, поместил факел в кольцо на стене. Стянул штаны, пристроился меж ее ног, притянул к себе ее бедра. Всем можно, а ему нет? Почему бы Оуэну Хантеру тоже не поразвлечься немного?

Она взвилась, и это было последнее, что он видел в жизни. Руки у него были заняты, и женщина ткнула двумя пальцами правой ему в глаза. Мир исчез в ярком, невыносимо мучительном сиянии.

Сигурни застонала. Ребра болели, но это было ничто по сравнению с режущей болью внутри. Она отпихнула тюремщика, поднялась на колени, и ее вырвало. Все ее существо молило об отдыхе, о покое, но она заставила себя встать. Стражник заворочался. Она сняла у него с пояса кинжал и вонзила ему в затылок. Он дрыгнул ногами, зацепил койку, захлебываясь собственной кровью. Она вытащила кинжал, приставила к его спине, надавила всей своей тяжестью. Лезвие вошло между ребер в легкие. Теперь он затих. Под телом расплывалась лужа мочи. Сигурни присела на койку, оглядела

камеру, примечая каждый камень, каждую крысиную нору. Увидела свои брошенные в угол штаны, надела. Тесемки на поясе перерезали. Она сняла ремень с тюремщика, проткнула ножом еще одну дырку, подпоясалась.

Болело все. Губы распухли, щеки посинели. На правой ягодице и левом бедре обнаружились ножевые порезы. Тюремщик снова зашевелился. Ей не верилось, что он все еще жив. Она вытащила нож из спины, полоснула его по горлу. Кровь хлынула на каменный пол. Сигурни перевернула тело на спину, принялась кромсать низ живота. Остановилась она обессиленная, с покрытыми кровью руками.

— Надо выбираться отсюда, — сказала она себе. — Надо найти их.

Под конец, когда двое на нее помочились, она только притворялась, что лежит без сознания. Тот мелкий, Релф, говорил о таверне «Синяя утка». Она знала это заведение, расположенное неподалеку от Рыночной улицы.

С ножом в руке она вышла в коридор. Ноги подогнулись, и ее снова вырвало.

— Будь сильной, — с укором сказала она. — Ты Сигурни-Охотница, не какая-нибудь неженка.

Дойдя до темной лестницы, она начала подниматься. На середине послышались чьи-то шаги, и она остановилась, прижавшись к стене.

— Эй, Оуэн, — позвал кто-то сверху, — я уж домой соbralся, да подумал, не отчехвостить ли ту бабу еще разок. Хочешь?

Из темноты появился здоровенный пузатый стражник. Сигурни вонзила кинжал прямо в пузо, рванула вверх.

— О Боже! — вскрикнул солдат, плюхнувшись на ступеньку.

Она выдернула нож, подошла вплотную.

— Хочешь меня отчехвостить, равнинный житель? Хочешь со мной полюбиться?

— Сжалься, не убивай!

— Это ты укусил меня за грудь, жирный ублюдок. Отвей-
дай-ка этого! — Она просунула нож между его зубов, вогнала
по самую рукоять.

Стражник замолотил руками, но она уже села ему на грудь
и перерезала горло. Когда он перестал биться, она оскопила
его так же, как первого. Медленно поднялась наверх, отвори-
ла дверь. Освещенный луной двор был пуст, лишь в воротах
сидел часовой, глядя в сторону города.

Он даже не успел понять, что умирает. Сигурни, слабая,
вся в крови, вышла на тихую улицу.

«Эбби погибла, пытаясь спасти меня. Я тоже все равно
что мертва, — думала Сигурни. — Они убьют меня, ибо у
меня недостанет сил разыскать их всех». Мысль о близкой
смерти не пугала ее. Она передвигала ноги лишь благодаря
жажде мщения, древней, как самые горы. В кланах нравы
суровые и нет краснобаев-законников. Обидчиков наказы-
вают сами обиженные, а с убийцами расправляются воины,
назначенные лордом-ловчим. Правосудие вершится быстро
и беспощадно.

Но у Сигурни нет никого, кроме старого Гвалча, растив-
шего ее после Кровавой Ночи. Нет родичей, которые отомстили
бы за нее.

Никого нет, только она.

Нож выпал из пальцев, и Сигурни, нагнувшись за ним,
упала сама.

— А, дьявол! — Она села, привалившись спиной к холо-
дной стене.

Звезды светили ярко, ночь веяла осенней прохладой. Из
недалекой таверны «Синяя утка» слышался шум. Что делать
дальше? Войти туда как есть, окровавленной, и ходить от сто-
ла к столу? Так или иначе, на рассвете ее все равно найдут и

потащат обратно в тюрьму, на новые муки. «В уме ли ты, девушка? Уходи, возвращайся в горы, наберись сил».

С двумя, однако, уже покончено. Надо убить хотя бы еще одного — там, в таверне.

Еще одного...

Принудив себя встать, она застонала. По ноге стекла струйка крови. Она облизнула губы сухим языком, постаралась превозмочь боль.

«Женщины созданы для забавы».

Так сказал солдат-коротышка. Все прочие засмеялись и опять взялись за свое. Тот переписчик — он так напугался, когда Эбби хотела клюнуть его. Сказал, что предпочитает зайцев. «Зайцы созданы для травли», — ответила Сигурни.

В мире пришельцев с равнин травле подвергаются все.

Отдых подкрепил ее, и она пошла дальше.

Таверна помещалась в старом доме с трухлявыми балками и белеными стенами. В нижнем этаже дубовая дверь, справа и слева по два окна. Одно открыто, и оттуда доносится пьяный шум. Сигурни заглянула и никого не узнала, но в окно ей была видна лишь часть залы. Она проползла под окном, посмотрела с другой стороны. Двое как раз шли к двери, и ее сердце заново преисполнилось гневом. Она вязла нож в левую руку, вытерла потную правую ладонь об одежду.

Дверь отворилась.

— Ты, главное, ноги переставляй, Уил. Путь неблизкий.

— Эй вы, закройте дверь! — крикнул кто-то.

Релф захлопнул ее, Уил прислонился к стенке.

— Ладно, постой, а я отолью. — Релф зажурчал. Сигурни подобралась к Уилу, перерезала ему горло. Перебежала к Релфу, ударила его ножом в спину, стукнула головой о стену. Он упал на колени, силясь обернуться. Она, все еще держа его за волосы, извлекла нож, запрокинула ему голову.

— Женщины созданы для забавы. — Кинжал вскрыл яремную жилу.

Релф опрокинулся навзничь, задергался. Уил так и стоял у стены, истекая кровью. Когда она подошла, он медленно опустился на колени. В его глазах не было ни страха, ни ненависти. Одними губами он выговорил что-то — два слова. Сигурни, едва удержавшись от смеха, пнула его в висок, и он сполз на булыжник.

Теперь остался только один, капитан — только где он?

Ты обезумела, женщина, сказал голос у нее в голове. Уходи сейчас же!

— Нет, — возразила она вслух. — Я найду его.

Уходи. Он сам к тебе придет, обещаю. Если ты останешься, то умрешь, а он будет жить. Мое слово верное.

— Кто ты? Где ты? — Она стала озираться, всматриваясь во мрак.

Я с тобой, девушка. Нужно, чтобы ты мне поверила. Уходи. Умирать тебе не понравится. Я знаю, я уже пробовал. Иди же!

Растерянная Сигурни пошла переулком к северным городским воротам.

«Я совсем свихнулась из-за этих мерзавцев, — думалось ей. — Вот мне уже и голоса слышатся».

Позади, в замке, тревожно зазвонил колокол.

«Теперь я отсюда не выйду», — подумала Сигурни.

Выйдешь, заверил голос. Ты нужна своему народу.

Барон Ранульф Готассон стонал в забытьи. Острая боль граничила с наслаждением. В ярких снах, вызванных дурманными зельями, он вновь видел гибель куширских городов, слышал вопли и мольбы о пощаде. Горожане спасались в ужасе из горящих домов, победители пронзали их, безоружных, мечами.

Славные кровавые дни, победоносное шествие через пустыни, горы, зеленые пажити.

Они прошли весь Кушир, и поход закончился.

Поначалу все было не так уж плохо: триумфальное возвращение в столицу, ликующие толпы на улицах, праздничные пиры во дворце, оргии...

Барон застонал, и кто-то приподнял ему голову, приложил к губам холодный металлический кубок. Он испил и опять погрузился в грэзы.

Затем в империи произошли перемены. Наместником Кушира и всех восточных земель назначили Плессиуса, жирного дурня без единой унции честолюбия. Неудивительно, впрочем. Кушир лежит в трех тысячах лиг от столицы, и восстаний там не предвидится. Ранульф дал понять, что он сам хочет управлять севером, где только и есть, что лес и большие стада. Зима там холодная, лето вряд ли может считаться летом. Кроме угольных залежей, больше нет никаких — ни золота, ни серебра, ни даже железной руды. Народ бедный и смиренный после недавнего поражения.

Ранульф был уверен, что уж на север-то его не пошлют. Король слишком хитер, чтобы удовлетворять желания своих военачальников.

В доме Джести у него был шпион, и Ранульф знал, что граф стремится на запад. Семнадцать богатых городов, многочисленные рудники, семь портов, процветающая торговля. Отличные возможности, чтобы начать войну против короля. Сколько угодно денег для покупки наемников, корабли для перевозки войск и припасов.

Как же смеялся Ранульф, когда Джести сделали верховным шерифом столицы. Всегда при дворе, под боком у короля — прощайте мечты о крупной наживе.

Но на следующий день, когда во дворец позвали Ранульфа, красавец Джести встретил его улыбкой. Воспоминание об

этом пронзило раненого новой болью. Он шел по длинному проходу церкви Благословенного Меча, где ждал король со всеми придворными. *Джасти* стоял по правую руку монарха. Ранульф преклонил колени, встретил взгляд темных змеиных глаз.

— Мне доложили, что ты, дорогой друг, желаешь стать правителем севера, — сказал король. — Твои заслуги перед королевством достойны великой награды, и я не могу придумать ничего лучше, чем удовлетворить это твое желание. Встань, барон Ранульф Готассон, граф Северный, полномочный правитель горного края.

Ранульф, сам себе удивляясь, умудрился изобразить на лице улыбку — не столь, правда, искреннюю, как у *Джасти*. Запад достался новому королевскому фавориту, Эстельму.

Последовавший за этим пир новоиспеченному барону был горек. Король посадил его рядом с *Джасти*, и от одного этого все блюда имели вкус желчи.

— Поздравляю, Ранульф, — сказал граф. — Мы не часто видимся с глазу на глаз, но тебе приятно будет узнать, что я немало способствовал твоему назначению. Я полагал, что это немного убавит вражду между нами.

Ранульф посмотрел в его искрящиеся весельем глаза.

— Вражду, кузен? Что ты, право. Слова «дружеское соперничество» были бы уместней, я думаю.

— Возможно. Как бы то ни было, теперь это в прошлом. Ты поедешь в свое королевство, а я буду корпеть над законами в окружении клириков. Ах, как я тебе завидую!

Ранульф улыбался, представляя, как вонзает *Джасти* в живот раскаленный кинжал.

Вернувшись домой, он прошел в библиотеку, где висела на стене карта. Империя заполняла ее от океана до океана. Ворту у него пересохло, руки дрожали. Спина и ягодицы еще не совсем зажили, но Ранульф знал, что без плетки не успокоится. Он кликнул слугу, велел привести Кориса.

— Виноват, ваша милость, — побледнел тот, — но Корис собрал свои вещи и утром уехал.

— Как так уехал?

Слуга сглотнул.

— Он нашел себе... новое место.

Ранульфа из жара бросило в холод. Корис, которому он верил как никому, которого любил больше, чем любую из женщин. Ясно как день, какое место нашел себе этот мальчишка — у Джасти!

Барон отпустил слугу, распахнул окно, вдохнул холодный ночной воздух.

«Я не хочу на север, Ранульф. Там холодно и нет никаких развлечений». — «Мы не поедем туда, мой милый». — «Но разве ты не этого хочешь?» — «Терпение. Скоро все прояснится». — «Ты мне не доверяешь». — «Еще как доверяю. Только не дуйся, терпеть этого не могу».

И он рассказал Корису о своих планах, поделился своими мечтами, накрепко уверенный, что тот, единственный во всей империи, любит его.

Два дня спустя Кориса, в путах и с кляпом во рту, принесли в тайную подземную комнату Ранульфова дома. Руки пленника привязали к двум столбам, ноги приковали к стене. Ранульф отпустил доставивших его солдат, снял колпак с красивого лица юноши.

— Ранульф, умоляю, не делай мне больно!

Барон положил свой кинжал на горячие угли в жаровне.

— Пока лезвие раскаляется, мы поговорим о любви и доверии.

... Теперь, вопреки всем снадобьям, он вновь ощутил страшную боль в глазнице. Корису в ту долгую-долгую ночь никто не давал болеутоляющих снадобий.

Кто-то молотил в дверь таверны. Колларин-Искатель, сладко почивавший между двумя девицами, зевнул, потя-

нулся, зацепил рукой пышное плечо справа. Пышка вздохнула и повернулась на другой бок, худышка слева сонно осведомилась:

— Что там стряслось?

Колларин сел. Огонь давно погас, комната выстыла.

— Не знаю, но кому-то неймется войти.

Хозяин таверны, ругаясь, топал вниз по ступенькам.

— Иду уже, иду, чтоб вам пусто было!

Загрохотали засовы, и кто-то помянул Колларина. Настал его черед выругаться. Он перелез через худышку и стал надевать штаны. В этот самый миг в комнату ввалился капитан Редгаэр Гроза Кушира.

— Ты нужен нам, Искатель. На тюрьму совершено нападение.

Пышка проснулась и взвизгнула.

— Тихо ты! — взмолился, зажмурившись, Колларин. — И без того голова раскалывается.

— Что ему тут надо? — Женщина натянула одеяло на полные груди, позабавив Колларина этим целомудренным жестом.

— Неотложное дело, моя красавица, — пояснил он. — Этот господин хочет дать мне денег, чтобы я мог оплачивать твои прелести. Спи себе. — Он натянул сапоги, надел темно-зеленую рубаху из крашеной шерсти и овчинную безрукавку с кожаным верхом.

Колларин сошел по лестнице первым, капитан следом. Внизу дожидались двое солдат и надутый хозяин.

— Извини, дружище, — сказал ему Колларин. — Дело, похоже, не терпит. Уверен, что капитан тебе заплатит за беспокойство.

— Как же, жди, — проворчал тот, распахивая входную дверь.

На улице Редгаэр начал что-то объяснять, но Колларин перебил его:

— Не надо слов, капитан. Ведите меня на место.

В воротах крепости лежал труп. Колларин стал на колени, поддержал руку над зияющей раной на горле убитого.

— Началось все не здесь. — Через залитый луной двор он прошел к двери, ведущей в темницы. На лестнице обнаружился второй труп. Колларин приложил руку к его голове и пошел дальше.

Вместе с капитаном и солдатами он вошел в камеру, где лежал третий труп. Убитого оскопили, отрезанное естество затолкали в рот. Колларин снова опустился на колени, положил ладонь на холодный пол, закрыл глаза. В голове замелькали картины. Он отогнал их, встал, спросил капитана:

— Что вы хотите знать?

— Сколько их было и куда они подевались.

— Никакого нападения не было, капитан. На месте этого человека лежала женщина, изображая глубокий обморок. Ее только что изнасиловали. Когда убитый тоже захотел получить свое, она, как изволите видеть, выколола ему глаза. — Капитан не стал смотреть на покойника. — Пальцами. Потом она зарезала мужчину его же кинжалом. Сама она чувствовала себя очень плохо, но это вам должно быть известно. Ее вырвало, и она ненадолго присела на койку. — Колларин вышел в коридор. — Затем, с кинжалом в руке, она двинулась к лестнице. Навстречу ей шел другой стражник. Он что-то сказал — не совсем понимаю, что. Она убила его, поднялась наверх. — Колларин прикоснулся к размазанной по стене крови и снова закрыл глаза. — Здесь она задержалась. На уме у нее два солдата и вы, капитан. Она хочет разыскать и убить всех троих. Но она слаба, у нее идет кровь. Этого стражника она тоже кастрирует, но силы ее на исходе. Она пытается вспомнить, где находится некая таверна. Она слышала, что ее обидчики собирались провести вечер там.

— «Синяя утка», — сказал один из солдат.

— Туда она и направилась? — спросил капитан.

Колларин кивнул:

— Да, но с тех пор прошло некоторое время.

Редгаэр резво взбежал наверх, солдаты затопотали за ним, Колларин поднялся следом.

У «Синей утки», вокруг двух мертвых тел, толпился народ. Колларин протолкался вперед, присел на корточки.

— Когда это случилось? — спросил капитан.

— Только что, — ответил кто-то. — Это была женщина.

Мы видели, как она уходила.

Колларин потрогал кровавое горло Уила Стампера, и внезапная судорога прошла по его телу. *Задержи их!* — грянуло в голове. Не приказ, но и не просьба.

Неведомый голос не слишком потряс Колларина — духи умерших и раньше говорили с ним, хотя и не столь властно. На миг перед ним мелькнул крючконосый лик с серыми, глубоко посаженными глазами и серебряной бородой — мелькнул и пропал. Колларин помедлил. Он искатель, охотник. В этом деле ему равных нет, он ни разу не терпел поражений и дорожит своей репутацией. Это так, но до сих пор он выслеживал воров, насильников, убийц и разбойников. За жертвой насилия он никогда еще не гонялся, и дух покойного короля никогда еще не являлся ему в роли заступника.

Колларин встал, расправил спину.

— Куда она пошла? — наседал капитан.

— Не знаю. Она сама не понимала толком, куда идет.

— Как так не знаешь? За что ж тебе деньги платят?

Колларин видел, как она прошла через северные ворота. Еще полмили, и лес укроет ее.

— Убивая этих мужчин, она думала о вас, капитан, — с улыбкой произнес он. — Представляла, как найдет вас и отрежет ваше естество острым ножом. — Редгаэр вздрогнул. — Потом она ушла в этот вот переулок. Может, она и теперь там — ждет.

— Он ведет к северным воротам, — сказал солдат. — Там есть конюшня. Можно взять лошадей.

— За мной, — бросил капитан и бегом пустился по переулку.

Колларин остался на месте, глядя на мертвого Уила. Умирающие часто думают о сущих пустяках, но этот перед смертью пытался что-то сказать — два слова.

Самое время просить прощения, покачал головой Колларин.

Чем больше размышлял Фелл о таинственной встрече, тем больше уверивался, что это ему приснилось. Почему же он тогда мерзнет в ожидании рассвета под стенами Цитадели? Фелл поворотил костер палкой, стараясь вернуть его к жизни. Овчинный плащ промок под дождем, и огонь, шипящий, едва тлеющий, помогал плохо. Рассветет не раньше, как через час, прикинул лесничий. Он сидел спиной к валуну, а костер горел напротив, у такого же камня. Собранный хворост тоже порядком отсырел. Слева мерцали дрожащие огоньки звездокрылов — Фелл надеялся, что они не станут к нему приближаться. Только горьких воспоминаний ему и недоставало. Золотые крыльшки, собравшиеся под толстой дубовой веткой, трепетали во тьме. Ребенком Фелл поймал одного звездокрыла и побежал с ним домой. Там, при свете лампы, он увидел у себя в руке мертвую ночную бабочку с волосатым тельцем и погасшими крыльшками.

«Счастье твое, сынок, что на твоей памяти нет пока никакого горя, — сказал отец. — Вот подрастешь и будешь звездокрылов за версту обходить».

Прав он был. В шестнадцать лет Фелл как-то ночью шел по следу хромого волка. Звездокрылы порхали рядом, и он вдруг увидел перед собой тонущего Маттика. Ребенка ташило на быструну, он протягивал к Феллу руки, но Фелл не умел

плавать и лишь смотрел беспомощно, как кипят вокруг мальчика буруны. «Я не виноват!» — вскричал он, заливаясь слезами. С того времени он и вправду стал избегать звездокрылов.

Дождь зарядил снова, и они пропали из виду.

— Дурака я свалял, вот что, — сказал лесничий, глядя на свой мокнувший лук. Тетива лежала у него в кошеле, колчан с дюжиной стрел он укрыл под плащом, но лука все равно было жалко. Его сделал мастер, Керет из Вингораса. Наконечники у него роговые, тянувшая сила около девяноста фунтов. Фелл, хотя и не лучший в Лоде стрелок, ни разу не промахнулся с тех пор, как его купил. Стрела, слетая с него, пела и входила глубоко в плоть. Очень важно, чтобы олень умер быстро. Лучше всего, чтобы он вовсе не понял, что умирает — тогда мясо будет нежным и сочным. Если же зверь пугается перед смертью, мускулы у него напрягиваются и остаются твердыми. Лук Керета поставлял наилучшее в горах мясо. — Зачем я послушался сна, в который не верю? — Фелл ясно помнил приснившиеся ему слова: *Через три дня под стенами Цитадели взвивается меч, и красный плащ затрепещет снова. Будь там, Фелл. Через три дня, на рассвете. Когда взойдет солнце, родится легенда.*

Дождь перестал. Сквозь тучи проглянула луна, и звездокрылы опять закружили под дубом. Фелл обтер лук, все шесть футов гнутого дерева. Костер, о диво, вдруг разгорелся. Протянув к нему руки, Фелл ощутил желанное тепло.

— Так-то лучше, — произнес Талиесен. Фелл прянул, как вспугнутая белка. Старик появился мгновенно, непонятно откуда. — Раньше я любил ночной лес, — продолжал друид, чей плащ из перьев сиял при луне, — но последнюю сотню лет кровь уже не греет меня.

— Не мог по-человечески подойти? — возмутился Фелл.

— Я ведь не совсем человек. Что толку быть одаренным, если никто не восхищается твоим даром? Легко же ты подда-

ешься страху, мой мальчик. — Талиесен огладил седую бороду. — Ничего не варишь на этот раз? Что ж, тем лучше.

— Ты тогда не притронулся к еде, вот и молчи. Ты не настоящий, не из плоти и крови. — Фелл, осмелев, протянул руку, и она прошла сквозь морщинистое лицо старика.

— Ты не глуп, но все-таки заблуждаешься. Это здесь я бесплотен. Талиесен из плоти и крови сейчас далеко — он сидит у себя в пещере, в другом времени, в другом месте. Чтобы открыть Врата для плоти, требуется громадная мощь, астральному же телу ничего такого не надо. Для разговора с тобой вполне довольно и духа.

— У тебя слов, как у нищего вшей, — рассердился Фелл. — Не желаю я с чародеями толковать. Говори что хотел и проваливай.

— Ш-ш, мальчик, что за манеры? Старших как будто уважают и в ваш просвещенный век. Разве родители тебя этому не учили? Отец твой, насколько я помню, был хорошо воспитан.

— Ради всего святого, говори дело. Твои поучения мне поперек горла стоят.

— Хорошо, — сказал, помолчав, Талиесен, — только запомни как следует. Во-первых, когда я уйду, привяжи тетиву на свой лук. Он тебе вскоре понадобится. Во-вторых — знаешь ли ты водопад Альвена?

— Где Железнорукий перешел в иной мир? Конечно, знаю. Каждому ребенку в Лоде известно, где он.

— Когда стрелы будут пущены и кровь прольется на землю, ты проводишь туда человека в плаще. Понятно?

— Ничегошеньки мне не понятно. Во-первых, я ни в кого не собираюсь стрелять, во-вторых, кто такой человек в плаще?

— Терпение, Фелл. Если ты не станешь стрелять, умрет тот, кто тебе очень дорог. Поверь мне на слово, мальчик. И помни о водопаде.

Старик исчез, и костер погас в тот же миг.

Фелл выругался ему вслед, однако тетиву привязал.

Птицы защебетали, предвещая рассвет. Фелл повесил колчан на плечо и взошел на пригорок, откуда была видна Цитадель.

Смотреть было не на что — одни серые стены да торчащий над крышами замок. Но небо прояснилось, и он увидел крошечную фигурку, которая вышла из северных ворот и побежала к холмам. Фелл прищурился, не узнавая бегущего, и тут первый луч зари упал на серебристую голову...

Сигурни не успела преодолеть и трехсот ярдов, как из ворот выехали три всадника. На первом и третьем были шлемы и панцири, но внимание Фелла привлек второй, верхом на сером коне, с воздетым мечом и в красном плаще.

Сигурни бежала что есть силы, но всадники нагоняли ее. Зачем они обнажили мечи? Фелл вдруг с жестокой ясностью понял, что сейчас они затравят ее и убьют.

Передовой всадник был в пятидесяти ярдах от девушки, когда Фелл наложил стрелу. Нелегко будет попасть в быстро скачущую цель, стреляя вниз при недостаточно сильном свете.

Фелл сознавал всю трудность своей задачи, но не испытывал колебаний. Он плавно отвел тетиву к самому подбородку и между двумя вдохами, сохраняя полную неподвижность, прицелился и пустил стрелу. Она запела, и на долю мгновения Фелл подумал, что промахнулся. Но стрела вошла точнехонько в левый глаз всадника и выбила его из седла. Фелл, выбежав вперед, достал вторую стрелу, но выстрелил слишком быстро. Стрела миновала офицера в красном плаще и оцарапала лошадь третьего всадника. Она взвилась на дыбы, солдат рухнул наземь.

Офицер уже настигал беглянку. Она обернулась и вдруг бросилась наперерез коню, размахивая руками и громко крича. Серый вильнул, всадник скособочился влево. Сигурни

прыгнула на него. В правой ее руке блеснул клинок, левой она вцепилась в плащ и стащила преследователя с седла. Нож поднялся и опустился. Из раны на шее наездника хлынула кровь, а нож все подымался и падал.

Сигурни поднялась, держа в руках плащ убитого. Оглянулась на Цитадель. Множество народу высыпало на стены. Она набросила плащ на себя, завязала разрезанные тесемки, взяла меч мертвца и направила его в сторону крепости.

Взошедшее солнце омыло ее золотым светом, и меч загорелся серебром заодно с ее волосами. Фелл понял, что эта картина навсегда останется в его памяти. Человек в плаще — это Сигурни, и легенда — тоже она. Из груди лесничего вырвался тихий протяжный вздох.

Сигурни воткнула меч в землю, медленно поднялась в седло. Третий солдат так и сидел на земле. Не глядя на него, она направила коня к лесу и к Феллу.

Он видел кровь на ее одежде, видел синее, в порезах, лицо — но взгляд притягивало не это, а красный плащ у нее на плечах.

— Что теперь с нами будет, Сигурни? — спросил он, когда она подъехала близко. — С нами со всеми?

Она, казалось, не слышала его и смотрела куда-то в пространство. С лица ее сошли все краски, и оно сделалось восковым. Конь знал себе шел через лес. Лесничий, подоспев как раз вовремя, бросил лук и поймал падающую всадницу. Высвободил ее ногу из стремени, сел на коня сам. Правой рукой он прижал к себе лишившуюся чувств Сигурни, левой держал поводья.

Старый колдун велел доставить ее к водопаду, но конь оставил на сырой земле четкий след, а за беглянкой, быть может, уже снарядили погоню. Раздумывать было некогда. Фелл пустил коня рысью в самую чащу. Держась оленых троп и забирая все время в гору, он проехал несколько миль. На севе-

ре собирались черные тучи, плоские сверху, как наковальня. Они сулили грозу, и Фелл возблагодарил небо. Потом натянул поводья, слез, перекинул Сигурни через плечо. На здешней почве, каменистой и твердой, не оставалось следов. Фелл хлопнул коня по крупу, и тот понесся вниз по склону, в долину. Сам он шел теперь напрямик, через подлесок. Земля снова сделалась мягкой, идти с ношей было тяжело. Фелл ступал осторожно, скользя, держась за деревья. Спустившись до середины склона, он услышал на верхней дороге погоню и притаился в кустах. Солдаты, больше тридцати человек, проскакали мимо.

Фелл, кряхтя, встал и потащился дальше. До водопада, по его прикидке, оставалось четыре мили, если идти по прямой на восток, но круговая дорога, которую выбрал он, занимала добрых шесть миль. Он шел, огибая крутые склоны и открытые луговины.

К концу первой мили он взмок от пота, на второй в ногах появилась дрожь. Дойдя до ручья, он опустил на берег Сигурни, которая за все это время не издала ни звука. Она была все так же бледна, пульс бился слабо. Он осмотрел ее, раскрыв поврежденную рубашку. На груди виднелись следы чьих-то зубов, на ребрах и плечах багровели кровоподтеки, но глубокие раны отсутствовали. «Надо ее согреть, — сказал себе Фелл. — Надо найти место, где я смогу ее выходить».

— Ты в безопасности, любимая. — Он нежно погладил ее побитую щеку. — Держись. Держись ради меня. — Он закутал ее в красный плащ и снова взвалил на плечи. После битвы под стенами города прошло почти два часа, а идти осталось целых четыре мили. Фелл шел, стараясь не думать о ноющих мышцах и горящих огнем икрах.

Еще три мучительных часа он тащил Сигурни через лес, и она по-прежнему не подавала признаков жизни.

Когда он наконец вышел к Альвенскому водопаду, чародея там не было.

Фелл развел костер в гроте близ заводи, укрыл Сигурни собственным овчинным плащом.

— Ох и влипли же мы, — говорил он, сжимая ее вялые пальцы. — Мы теперь все равно что волки, любимая. Хотел бы я знать почему. Зачем они гнались за тобой? Кто тебя так избил? Ну ладно. Ты сама мне расскажешь, когда время придет. Лука вот только жаль. Такого у меня еще не было. Но не мог же я держать и его, и тебя, да еще конем править. Какая ты красавица, Сигурни. Никогда не видел таких, как ты. Что же с тобой приключилось? Может, какой-то вельможа с нижних земель так возжелал тебя, что решил взять силой? Не тот ли рыжебородый, которому ты перерезала глотку? — Фелл подавил в костер хвороста, подошел к устью грота.

Что ему теперь делать? Куда идти?

У него были родичи среди Фарленов и Вингорасов, но теперь, будучи вне закона, он не хотел ставить их под удар. «Нет, Фелл, — сказал он себе, — надейся на себя одного. Ты убил нижнестороннего, и тебя будут травить до смертного часа». В небе прокатился гром, сверкнула молния. Фелл поежился, глядя, как лупит по заводи дождь, и вернулся к Сигурни.

— Мы уедем за море, милая. Я сделаю то, что давно должен был сделать. Мы поженимся и построим себе дом в других, не наших горах.

— Э, нет, — сказал Талиесен у входа. Плащ из перьев промок нас kvозь, жидкие волосы прилипли к черепу. В руках он держал длинный посох, обернутый в мешковину.

— Вот это другое дело, — улыбнулся лесничий. — Теперь я верю, что ты человек из плоти и крови.

Старик сбросил плащ, присел у огня, протянул к нему скрюченные руки.

— Молодец, мальчик, от первой погони избавился. Но они пошлют новых, искусных охотников, и с ними пойдет Искатель, чтец мыслей и душ. Если ты и с ними справишься,

что сомнительно, на тебя нашлют ночных тварей, порождение бездны.

— Зачем ты рассказываешь мне сказки с хорошим концом? Я уже взрослый, говори все как есть.

Талиесен смачно плонул в огонь.

— Нет у меня времени шутки с тобой шутить. Мы должны спасти ее, Фелл. Даже сказать не могу, до чего это важно. Отправляйся к ней домой, собери все оружие, запасную одежду и отдавай карлику. Расскажи ему и другим обо всем, что случилось. Потом тебе придется встретить погоню и увести ее в горы, как можно дальше.

Пораженный Фелл тяжело перевел дух.

— Увести в горы? Может, мне попросту пойти в одиночку на Цитадель и снести ее до основания? Или позаимствовать твой пернатый плащ, полететь на юг, убить короля? С ума ты спятил, старик. Что я сделаю против тридцати-то солдат?

— Сделаешь что сможешь. — Талиесен смотрел Феллу прямо в глаза, холодный как лед, неуступчивый как кремень.

— Семьи у тебя нет, плакать по тебе некому, и замена тебе тоже найдется. Все заменимы, кроме Сигурни. Ты должен выиграть время, чтобы она поправилась и кое-чему научилась. Она и есть тот вождь, которого твой народ так жаждет. Лишь в ее власти вернуть горцам свободу.

— Никогда они не пойдут за женщиной! Уж что-что, а это я знаю.

— Пошли же они четыреста лет назад за Королевой-Колдунией. И умирали за нее по ту сторону Врат. Насмерть стояли против врага, который превосходил их во много раз. И за Сигурни пойдут.

— Та была чародейкой, а Сигурни обыкновенная женщина.

— Как же ты слеп, как закоснел в мужской своей спеси! Эту женщину жестоко избили и изнасиловали пятеро человек. Ее бросили в тюрьму и накинулись на нее, как звери...

— Не желаю слышать об этом! — взревел, поднимаясь, Фелл.

— Ты выслушаешь! — закричал в ответ старец. — Они били ее, и резали острыми ножами, и вытворяли такое, что язык не поворачивается сказать. А потом бросили на холодном полу темницы, в луже собственной рвоты и крови. Ужасайся сколько угодно — это мужские дела, Фелл. Около часу спустя к ней пришел еще один стражник, тоже желавший получить удовольствие. Она убила его, Фелл, а потом взялась за других. Одного зарезала на лестнице в подземелье, еще двух у таверны. Последнего, в красивом красном плаще, ты сам видел. Его она искромсала чуть ли не в клочья. Боги Девяти Миров! Хороша обыкновенная женщина, которая полуживая убила пятерых сильных мужчин!

Фелл перевел взгляд на Сигурни и гордо сказал:

— Что ж, недаром она горянка. Но даже после этого мужчины за ней не пойдут.

— Увидим. А теперь ступай к ней домой, пока солдаты туда не нагрянули. Пришли сюда карлика с оружием и одеждой.

— А ты? Останешься с ней?

— Останусь.

Фелл повесил колчан на плечо, посмотрел на недвижное тело женщины.

— Буду держать ее в тепле, — заверил Талиесен. — Вот, кстати, твой лук, я его подобрал. — Старик размотал мешковину и отдал изумленному лесничему то, что Фелл принял за посох.

— И сухой к тому же! Ну, спасибо, кудесник. С луком мне ничего не страшно.

Талиесен, не глядя на него больше, взял безжизненную руку Сигурни в свою.

Фелл накинул плащ и вышел в дождливую ночь.

* * *

Сигурни, стоя у серой стены пещеры, слушала разговор старика и Фелла. Она слышала их слова, видела лица и даже каким-то образом разделяла их чувства. Фелл был испуган, но старался не показывать виду, как это подобает мужчине. Старик, Талиесен, устал, но в нем бурлило едва сдерживающее волнение. Видела она и себя, избитую, поруганную, с распухшим синим лицом, завернутую в красный плащ своего насильника. «Я умираю, — подумалось ей. — Мой дух покинул тело, и впереди Пустота». Она не испытывала ни страха, ни ужаса — лишь печалилась, что не суждено сбыться ее мечтам.

Фелл взял у старика лук и ушел. Она позвала его, но он не услышал. «Никто больше не слышит меня, кроме разве что мертвых», — подумала Сигурни.

Но она ошибалась. Как только Фелл вышел, старик устремился на нее блестящими, похожими на пуговицы глазами.

— А теперь потолкуем. Как ты?

Сигурни удивилась и смутилась одновременно. Старик держал за руку ее тело, но смотрел прямо в глаза Сигурни-духу. Это сбивало с толку.

— Я ничего не чувствую. Это и есть смерть?

Его смешок напоминал шорох сухих листьев, потревоженных ветром.

— Перед тобой человек, который сражается со смертью много веков. Даже говорить о ней не желаю. Помнишь ли ты, как пробудился твой дух?

— Да. Кто-то позвал меня, но когда я открыла глаза, его уже не было. Как это получается, старче?

— Боюсь, ответ будет слишком сложен для неученой горянки. Скажу главное: твой разум отказался думать об измученном теле. Ты впала в сон, и твоя... ну, скажем, душа вышла на волю. Ты не ощущаешь ни боли, ни стыда, не чувствуешь

себя виноватой, а твое тело между тем выздоравливает. Я своим искусством ускорил его исцеление. Однако, когда ты снова очутишься в своей телесной тюрьме, тебе, скажем так, придется несладко.

— Я тебя знаю? — спросила она.

— А как тебе кажется?

— Я помню, как ты держал меня, прижимая к себе. У тебя бородавка на подбородке. Я гляжу на тебя и вижу другого человека, необыкновенно высокого и плечистого. На нем рубашка оленьей кожи с изображением красного яструба.

— Воспоминания детства, — кивнул Талиесен. — Да, милая, ты меня знаешь. Того другого звали Касваллон. Когда-нибудь, если Бог даст, ты снова встретишься с ним.

— Вы с ним спасали меня от демонов — там, у заводи. Мне Гвалчмай рассказывал. Кто вы, Талиесен, и почему пришли мне на помощь?

— Я всего лишь человек — хотя и великий, заметь себе. И помогал тебе из чистого себялюбия. Но не время сейчас говорить о прошлом. Грядет волшебное время, Сигурни, время крови и смерти.

— Я хочу быть частью этого времени.

— У тебя и выбора особого нет, но когда ты очнешься, то будешь думать иначе. В духовном виде ты освобождаешься не только от плоти. У человеческого тела много орудий. Ярость, наполняющая силой мышцы, страх, обостряющий ум, любовь, связующая железными узами, ненависть, способная двигать горы. И так далее, и так далее. Но в астральной форме твоя связь с этими чувствами очень слаба. Ярость и жажда мщения спасли твою жизнь и побудили тебя надеть красное. Эта ярость никуда не ушла, Сигурни. Это пламя нет нужды раздувать, оно пылает ярко и осветит тебе дорогу к величию, стоит лишь вернуться обратно в плоть.

— Ты был прав, старче. Я понимаю не все, что ты говоришь. Как я могу вернуться обратно?

— Для начала тебе надо спуститься к заводи.

— Нет, — потрясла головой она. — Там призрак.

— Да. Иди, позови его.

Не успела она отказатьсь, друид воздел руку, и огонь превратился в стену футов четырех вышиной. Маленькое пятнышко в ее середине образовала сияющий круг. Сперва белый, как снег, он обрел голубизну летнего неба, и завороженная Сигурни вдруг увидела в нем себя, говорящую с Гвалчмаем в своей хижине.

— Кто он был, этот призрак?

— Пойди и спроси его сама, женщина. Позови его.

Она, содрогнувшись, отвела глаза в сторону.

— Не могу.

— Нет на свете такого, чего ты не можешь, Сигурни. Нет.

Она ласково погладила его руку.

— Полно, Гвалч, мы же друзья. Почему ты не хочешь помочь?

— Я тебе помогаю. Советом. Ты не помнишь Кровавую Ночь, но вспомнишь, когда придет время. Мы заперли твою память, когда нашли тебя там, у заводи. Ты была безумна, дитя. Сидела в луже собственной мочи, раскрыв рот, с пустыми глазами. Меня сопровождал друг по имени Талиесен. Это он расправился с убийцами, он — и еще один человек. Он сказал, что надо закрыть на замок твою память и вернуть тебя в мир живых. Это самое мы и сделали. Когда ты станешь достаточно сильной, чтобы повернуть ключ, дверь откроется — так он сказал мне.

Круг снова преобразился в точку, и костер вернулся в прежнее состояние.

— Достаточно ли я сильна, чтобы повернуть ключ? — спросила Сигурни.

— Ступай к заводи и узнаешь. Позови его!

Сигурни постояла немного и вышла из грота. Дождь продолжал лить, но она не чувствовала его. Ветер гнул деревья, сверкала молния, но она не слышала ни водопада, ни грома, ни ливня.

— Я пришла! — крикнула она, выйдя на берег.

Ответа не было.

— Назови его имя, — сказал внутри нее голос Талиесена.

Она знала, какое имя нужно назвать, и дивилась, что так долго не понимала столь очевидной вещи.

— Железнорукий! — позвала она. — Это я, Сигурни.

Вода забурлила, и забившая ввысь струя образовала магические Врата. В них появился гигант с серебряной, заплетенной в две косицы бородой и стянутыми в хвост волосами. Доспехи его тоже сияли серебром, длинный широкий меч словно выковали из лунного света. Человек приветственно поднял его, спрятал в ножны и сказал зычным, раскатистым голосом:

— Иди ко мне, Сигурни. Прогуляйся со мной немного.

— Это ты говорил со мной в Цитадели. Приказывал мне бежать.

— Да.

— Ты защищал меня, когда я была ребенком. Убил последнего дуплозуба.

— И это верно.

— Но почему?

— Ради любви, Сигурни. Ради любви, отрицающей смерть. Согласна ты погулять со мной?

— Да, — сквозь подступающие слезы сказала она и пошла к нему по воде.

6

Барон Ранульф Готассон, несмотря на мучительную боль в пустой глазнице, наслаждался смятением подвластных ему людей. Его пальцы рассеянно поглаживали драконьи когти на ручке кресла. Те двадцать человек, что собирались перед его высоким сиденьем, волновались не зря. Они оплошали, упустили женщину, из-за которой он потерял глаз. Он злобно смотрел на них единственным, налившимся кровью оком.

— Я хотел бы услышать, что женщина и ее пособник на конец пойманы, — тихим шипящим голосом произнес он.

Высокий офицер с подстриженной квадратом бородкой откашлялся. На его кольчужных штанах засохла грязь, правая рука была кое-как забинтована.

— Мы пока еще не схватили их, ваша милость. Я привел людей обратно, чтобы запастись провизией.

— Не схватили, — повторил, поднявшись с кресла, барон. — Женщину и лесничего, едущих вдвоем на крашеном жеребце. — Медленно сойдя с трех ступенек, он встал перед офицером. Тот понурился и промямлил что-то себе под нос. — Говори громче, Чард, пусть все послушают.

Офицер, покраснев, поднял голову и заговорил во весь голос:

— Они обманули нас. Отпустили коня и пошли напрямик. Потом началась гроза, и мы сбились со следа, однако продолжали погоню, полагая, что женщина вернулась к своим. Предатель-лесничий, Фелл, обстрелял нас из засады и ранил двоих. Мы погнались за ним, но тяжелая кавалерия для лесной чащи мало пригодна. Мы оставили лошадей и пошли дальше пешими, но это было все равно, что гоняться за призраком. Лучников я при себе не имел. Он снова начал стрелять и попал в троих. Доспехи, к счастью, уберегли их от

тяжких ран, но у наемника Лавы до сих пор сидит в плече наконечник стрелы.

Барон кивнул:

— Ты хочешь сказать, что тридцать солдат не сумели сладить с женщиной и тупым мужиком из горного клана.

— Нет, ваша милость, я хотел сказать, что...

— Молчать! Ты пропадал целых четыре дня и не додумался послать в Цитадель за следопытами? За Колларином-Искателем? Не додумался бросить на поиски Фелла его же односельчан?

— Односельчан...

Барон развернулся и заехал Чарду в зубы. Тот пошатнулся, рухнул, ударился головой о постамент статуи и лишился сознания.

— Вы все меня подвели, — сказал барон, — но он виноват больше всех и будет наказан. Теперь ты, — обернулся Ранульф к могучему воину с коротко стрижеными светлыми волосами. — Обрин Южанин, не так ли?

— Да, ваша милость.

— Тебе, как я помню, уже доводилось воевать с варварами. Кушир, Палол, Умбрия, Клития?

— Так точно! Я и в Пеште служил, под началом у вашей милости. Простым солдатом в ту пору. Присутствовал при взятии вами стены.

— Теперь ты сержант. Если ответишь толково, возглагавши розыски и будешь произведен в капитаны. Скажи: в чем ошибся болван, который валяется на полу?

Обрин набрал в грудь воздуху и задумался. Барон улыбался — он знал, что творится сейчас у него в голове. Ни один солдат-ветеран не хочет быть офицером. Жалованье не такое уж и большое, а из него и за стол платить надо, и коня справлять, и доспехи, и слугу нанимать. Наконец Обрин, побледнев, дал свой ответ:

— Когда разразилась гроза, след простила, ваша милость. Нам следовало поехать в Силфаллен и взять заложников, тогда лесники сами выследили бы своего начальника. Еще бы я назначил награду за поимку беглецов — так, на всякий случай. В горах денег мало, а ублюдок, который родную мать продаст за пару грошей, найдется всегда. — Обрин потер подбородок. — Вы изволили помянуть Колларина, а вот я, скажу честно, о нем не подумал. Увольте, ваша милость, не ставьте меня вместо капитана Чарда. Я не из благородных и на такой пост не гожусь. Мозгов маловато. В сержантах мне самое место.

Барон, ничего ему не сказав, снова сел в кресло. Огненные языки из глазницы били прямиком в череп, но он не показывал, как ему больно.

— Возьмешь с собой пятьдесят человек. Колларина тоже. Отряд разобьешь на две партии. Одна поедет в Силфаллен, объявит награду в сотню золотых гиней и доставит в Цитадель четырех заложников. Другая, с Колларином и с тобой во главе, отправится в хижину этой женщины и начнет поиски оттуда. Перед отъездом ты привяжешь капитана Чарда к столбу и отсчитаешь ему пятьдесят плетей. При каждом ударе говори себе следующее: если я оплошаю, со мной сделают то же самое.

— Слушаюсь, — пробормотал Обрин.

Барон махнул рукой, отпуская всех.

— Ты, Леофрик, останься. Закрой дверь и приходи ко мне в кабинет. — Барон через боковую дверь вышел на лестницу, поднялся на самый верх. Там его уже ждал кубок с темным, мерзким на вид питьем. Ранульф терпеть не мог никаких лекарств, а болеутоляющих в особенности. Но боль мешала ему мыслить ясно, поэтому он осушил кубок и сел спиной к распахнутому окну.

Вошел, постучавшись, Леофрик.

— Сочувствую вашим страданиям, кузен. Жаль также, что вы потерпели разочарование, — робко проговорил он.

— Страдания пустяки, а разочарования я никакого не потерпел. Напротив. — Барон жестом пригласил юношу сесть. — Повод для войны с горцами слетел ко мне с неба на крыльях ястреба. Суди сам: за нападение на королевского наместника арестована женщина. Горцы вторгаются в тюрьму и освобождают ее, убивая королевских солдат. Король, когда эта весть дойдет до него, пришлет мне на подмогу еще пять тысяч, и мы, пройдя от Цитадели до моря, раз и навсегда покончим с горными кланами.

— Но я не вижу, какую опасность эти кланы могут представлять для империи. У них нет государственного механизма, нет армии. Они даже восстания не поднимали.

— Значит, победа нам обеспечена, верно? — улыбнулся барон. — А я получу армию такой же величины, как у Джастиса. Король стареет, теряет хватку. Ты думаешь, Джастис сам не планирует захватить трон? Еще как планирует, а я, пока торчу в этой Богом забытой глухи, не в силах ему помешать. Война с кланами — как раз то, что мне нужно. На юге все еще боятся этих северных дикарей: старики помнят, как те с визгом обрушились на наши равнины, оставляя за собой смерть и пепел. Ты сам убедишься, Леофрик: как только в империи узнают о последних событиях, земли к югу от границы мигом подешевеют. Хозяева, струсив, начнут продавать их, и паника охватит пограничные города.

— Это я как раз понимаю, — сказал Леофрик, — но что, если горцы сами схватят Фелла и эту женщину? Выдадут их нам в обмен на заложников?

— Не выдадут. Гордость не позволяет. Заложников я повешу, как только их привезут в Цитадель — на северной стене, чтобы все видели. А если они и тогда не зашевелятся, сожгу Силфаллен и пару других деревень.

— Какую же задачу вы предназначили для меня, кузен?

— Настоящий горный поход начнется не раньше весны. Пусть у нас на родине как следует наберутся страху. Я намерен повести в горы шесть тысяч бойцов и пятьсот саперов. Подумай, как мы будем снабжать эту армию на ее пути к морю. Еще изучи карты и наметь, где можно поставить три форта. Они, как ты понимаешь, должны быть расположены на землях Паллида и Фарлена. Места выбирай открытые, но близко от леса, чтобы легче было стены рубить. Тебе все ясно?

— Относительно фортов. Есть образцы для карательных походов на вражеской территории, но это временные постройки, рассчитанные всего на несколько дней. Могу ли я руководствоваться этими чертежами?

Барон задумался. Известно, какие страшные в горах зимы, а форты между тем надо будет заселить еще до вторжения. Да и горцы, что еще важнее, могут атаковать их. Когда снег засыпает перевалы, подкрепление туда уже не отправишь.

— Я вижу, ты недостаточно хорошо меня понял, — сказал он. — Нам предстоит не карательный поход, а большая война. Каждый форт должен быть снабжен земляным валом не ниже десяти футов и бревенчатыми стенами не ниже пятнадцати. Предусмотри также ворота с подъемной решеткой. Такие чертежи у тебя найдутся?

— Да, конечно. Их сделал Дриада в прошлом веке, во время Клитийской войны, но тогдашние знания могли слегка...

— Уроки истории мне не нужны, Леофрик. Возьмешь двести саперов, триста пехотинцев, отправишься в горы и будешь наблюдать за постройкой. В фортах должны быть склады, хорошо защищенные от воды. Я не хочу обнаружить протухшее мясо и гнилое зерно, когда приду туда с армией.

— Благодарю за доверие, кузен. — Леофрик встал, поклонился. — Можете на меня положиться.

* * *

Открыв глаза, Сигурни увидела тени, пляшущие на своде пещеры. Еще миг — и ее израненное тело заполнила боль.

— Очнулась, — сказал кто-то. — Налей ей бульону. — Сигурни повернула голову влево и обнаружила дряхлого старика.

— Талиесен? — шепотом спросила она.

— Он самый, милая. Как ты?

— У меня все болит. Отчего это?

— Ты не помнишь, что с тобой случилось в тюрьме?

— Конечно, помню, — зажмурилась Сигурни, — но ведь это было давным-давно. Почему же сейчас мне так больно?

Талиесен помог ей сесть. Боль прошила правый бок, и Сигурни застонала.

— У тебя ребро треснуло, но скоро оно заживет. — В поле ее зрения появился еще один человек — бородатый, но ростом с ребенка. Он подал ей деревянную миску и ложку. Бульон был наваристый, хорошо посоленный, и Сигурни, вдруг проголодавшись, съела все без остатка. Баллистар налил ей еще. К ней возвращались силы, но она все еще не могла понять, что к чему.

— Почему ты заговорил про тюрьму? — спросила она Талиесена.

— Потому что это было три дня назад. Твой дух блуждал там, где времени не существует, вот ты и запуталась.

— Я помню. Он взял меня за руку...

— Кто? — удивился Баллистар, но Талиесен замахал на него: молчи, мол.

— Да, ты бродила с ним... — Талиесен протянул руку, но Сигурни отшатнулась.

— Не прикасайся! Ни один мужчина больше не тронет меня! — В ее голосе звучала такая злоба, что Баллистар выронил миску, с грохотом покатившуюся по полу.

— Прости мне эту оплошность, девочка, — невозмутимо сказал Талиесен. — Многому ли ты научилась за то время, что с ним провела?

— Теперь это все как в тумане, — сонно проговорила она. — Но он обещал, что будет и дальше меня учить... что все время будет со мной. — Сигурни снова легла, закрыла глаза. Талиесен укрыл ее шерстяным одеялом.

— О чём это она? — спросил карлик. — Где она бродила и с кем?

— Надо собрать еще хвороста, — заметил друид.

— С кем? — повторил Баллистар.

— Не твоего ума дело, карлик. Ступай собирать хворост. Скоро здесь будет черный, и тогда ты узнаешь еще кое-что.

— Я тебе не слуга, — отрезал Баллистар, — и по твоей указке через обруч не стану прыгать.

— Воля твоя, но девушку надо держать в тепле. Я уже стар, чтобы за валежником по лесу лазать, а вот тебе ноги ближе недалеко.

— Ради нее я пойду, но ты мне совсем не нравишься, так и знай.

— Это доказывает, что ты человек разумный.

Баллистар вышел. Светило солнце. Валежника после бури было полным-полно, и он с час или больше таскал в пещеру охапки дров. Талиесен все это время просидел возле спящей Сигурни. Баллистару стало скучно, и он пошел к водопаду. В спокойной заводи отражались верхушками вверх деревья. Баллистар опустился на колени, посмотрел в карие глаза своего отражения.

— Ну, как тебе там, в перевернутом мире? — спросил он. — Хорошо или плохо? — Лицо в воде произносило те же слова.

Баллистар отошел и сел, прислонившись к плакучей иве.

По склону спускался верхом на коне Асмидир в одежде коричнево-рыжих тонов, в темно-зеленом плаще. Вместо привычной накидки на голове у него был шлем с серебряной маковкой. Увидев Баллистара, он натянул поводья и спешился.

— Где она?

Баллистар показал на грот.

— Там еще колдун сидит, противный такой старикашка.

— Что с ней?

— Она избита и поругана, но скоро выздравеет, я знаю.

— Ты прав, — кивнул чернокожий. — Что слышно от Фелла?

— Я уже три дня здесь и не слыхал ничего. Но вряд ли они сумеют его поймать. Фелл хитрый, и он сильнее, чем думает сам.

— Ты видишь многое, Баллистар, тебя не обманешь. Я забираю Сигурни к себе — едем с нами! Думаю, она захочет, чтобы ты был рядом с ней.

— Быть может, она не захочет ни меня, ни тебя. Она только что сказала Талиесену, что ни один мужчина ее больше не тронет — может, теперь за грехи немногих она ненавидит нас всех.

— Для этого она слишком умна, дружище. Ну как, согласен?

— Конечно. Она мой друг.

— Мой тоже. Я за нее жизнь отдам, веришь?

Баллистар заглянул Асмидиру в глаза:

— Верю. Я не люблю тебя, черный, но верю.

— Любить меня не за что, Баллистар. Я был жестким человеком, порой даже жестоким, но друзей не предавал никогда. Предательство чуждо моей натуре. Я хочу помочь Сигурни, научить ее всему, что сам знаю.

— Чему же ты можешь ее научить?

— Военному делу.

* * *

Пятеро мужчин почти не разговаривали, идя через лес — каждый был погружен в свои мысли. Пекарь Тови думал о своем старшем сыне, взятом в заложники. Мальчик держался прямо и не показывал, как ему страшно. «Совсем как я в молодости, — с гордостью думал отец. — Даже лучше. Он много взял от матери, а она происходит из хорошего рода».

Грейм-кузнец, пока солдаты отбирали заложников, употребил всю свою железную волю на то, чтобы не кинуться на улыбчивого офицера и не вышибить ему мозги своим молотом. «Дожили, — думал он. — Чужеземцы без опаски являются в наши деревни и забирают наших людей». Кузнецу казалось, что этот позор тяготеет на нем одном.

Впереди двое лесников вели Фелла. Бакрис Беззубый шел слева, Гвин Черноглазый справа. Гвин, любивший Фелла больше собственных братьев, ломал голову над тем, как бы помешать лесничему сдаться властям. Но что тут придумаешь, когда речь идет о четырех жизнях? Сын Тови, вдова Маффри, пастух Клемет и толстушка Нами, дочь Маккуса. Фелл — человек чести. Услышав о заложниках, он не мог поступить иначе, но сердце Гвина разрывалось на части.

Бакрис думал о том, что будет, когда задаваку Фелла повесят. Уж верно его, Бакриса, заслуги примут во внимание, и лесничим теперь станет он.

Сам Фелл думал только о Сигурни, о том, что могло бы быть. Талиесен велел ему увести за собой погоню, и он сделал это, ранив несколько человек. Дважды его чуть не поймали, но он спасся благодаря проворству и умению жить в лесу. Что же с ним будет дальше? Вспомнит ли его Сигурни добрым словом?

Он видел себя на эшафоте, с пеньковой веревкой на шее. «Сумеешь ли ты умереть гордо, как подобает мужчине,

Фелл?» — «Да, — отвечал он себе, не кривя душой. — Не дождаться низинникам, чтобы горец молил о пощаде».

Он смотрел вверх, на листья, на солнце, кропившее лес золотыми пятнышками. В просветах величественно стоял Хайдруин.

— Будь со мною, отец! — прошептал ему Фелл.

— Что? Прости, не рассыпал, — сказал Гвин.

— Это я так, сам с собой. Славный день для прогулки, правда?

— Оно так, но лучше б мы шли на север.

— Нельзя. Я не позволю, чтобы кто-то из горцев умер за мои прегрешения.

— Какие там прегрешения, — догнав их, проворчал Грейм. — Они ее изнасиловали, а потом охотились на нее, как на зверя. Кем они себя возомнили, эти иноземцы? Сначала барон позарился на ее ястреба, потом у нее отняли честь...

— Как же, честь, — ухмыльнулся Бакрис. — Нашел о чем вспомнить. Да ее дырявили чаще, чем мишень для стрельбы.

— Замолчи, — бросил ему Фелл, а Грейму сказал: — Кем они себя возомнили, ты спрашиваешь? Победителями, вот кем. Законы здесь диктуют они, и мы вместе с нашими горами отданы им на милость.

— Говорят, у нас будет великий вождь, — сказал Тови. — Молю Бога, чтобы он пришел поскорее.

— Уже пришел. Вернее, пришла, — заявил Фелл. Все остальные, недоуменно переглянувшись, уставились на него. — Вы думаете, что я несу вздор, но мне явился кудесник и велел быть у стен Цитадели на рассвете некого дня. Сказал, что я увижу там меч и доблестный красный плащ. Я отправился к Цитадели, ребята, и видел, как Сигурни облачилась в красный плащ, видел, как она убила нижнестороннего. Она и есть

обещанный вождь. Я не доживу до дней ее славы, но вы — дело иное.

— Ты, парень, часом не спятил? — воскликнул Грейм. — Что она понимает в войне и сражениях? Кто пойдет за этим ребенком?

— Я, — сказал Фелл.

— А значит, и я тоже, — подхватил Гвин.

— В постель бы я с ней пошел хоть сейчас, — ослабился Бакрис.

— Вы увидите своими глазами, что это правда, — сказал Фелл, — а теперь поторопимся. Я хочу прийти в Цитадель засветло.

— Я тебя не держу, парень. — Тови опустил свою ручищу ему на плечо. — Я бы на все пошел, чтобы вернуть домой сына. Но если ты, пока еще есть время, изберешь иной путь, я не стану думать о тебе хуже, ты понял?

— Понял, лорд-ловчий. Но я убил нижнестороннего, и они требуют крови. Не получат моей — прольют чью-то еще, такой уж у них обычай. Я прошу лишь поддержать Сигурни и помочь ей всеми своими силами. Вы с Греймом — закаленные в боях воины. Вы пережили то, о чем мы все только слышали. Вы знаете, что сердце чувствует перед битвой, знаете, как выдыхается мужество. Знаете, как стоять, не уступая врагу ни пяди. Это знание в грядущие дни может стать решающим. Моя смерть даст вам краткую передышку для раздумий, но не больше того.

— Может, и передышки не даст, — сказал Гвин. — Им нужна и Сигурни тоже. Они возьмут тебя, а заложников не вернут.

— Я думал об этом. Будем надеяться, что и в бароне теплится искра чести.

— Ты поступаешь правильно, Фелл, — сказал Бакрис. — Я на твоем месте сделал бы то же самое.

— Тогда пошли, — решительно молвил лесничий. — Нам остался всего один холм.

Пятеро двинулись в гору и взошли на вершину, когда солнце над западными горами сделалось красным. В отдалении виднелась крепостная стена Цитадели и высокий замок над городом.

У северных ворот висели в клетках четыре трупа. Вороны облепили их. Лиц на расстоянии не было видно, но черное поношенное платье вдовы Маффри узнали все.

— Боже, они уже казнены! — прошептал Тови. — Всего два дня прошло, а нам обещали неделю!

— Искра чести, Фелл? — повторил Гвин. — Теперь мы видим, чего стоит честь иноземца.

— Они поплатятся за это тысячекратно, клянусь, — произнес лесничий.

Сигурни в красном плаще сидела на потешной стене Асмидирова замка и смотрела на юг, где лежали покрытые лесом холмы. Рядом, опершись на зубчатый парапет, стоял Асмидир.

— Ну что, цель ясна? — спросил он.

— Да. Убивать иноземцев, — ответила она холодно.

— Нет! — вспылил он. — Это первый урок, который тебе предстоит усвоить. Война и убийство — разные вещи. Военачальник, не понимающий этого, сам будет убит — не врагом, так собственными людьми.

— Людьми? Где ты видишь людей? Я одна как перст и живу лишь ради того, чтобы перебить как можно больше этих мерзавцев. — Она поднялась, и ее светлые глаза впились в его черные. — Тебе не понять, что они со мной сделали, что отняли у меня. Ты мужчина. Весь этот мир сотворен для вашего удовольствия. Женщины либо служат вашей похоти, либо вынашивают ваше отродье, чтоб было кого на бойню вести че-

рез сколько-то лет. Сигурни плод не выносит, но в вашу игру сыграет.

— Нельзя играть, не зная, за что ты ведешь игру, — сказал Асмидир с печальной улыбкой. — Ты должна поставить перед собой цель, иначе стратегия невозможна.

— Что за цель, если нет армии? Но изволь, вот тебе цель. Избавить горы от чужеземного правления. Прогнать врага вовсю и еще дальше. Войти на их земли со стотысячным войском и взять их столицу. Довольно с тебя?

— Вполне. Теперь подумай, как этой цели можно достичнуть.

— Нет у меня времени переливать из пустого в порожнее. Войска-то нет.

— Так создай его.

Сигурни повернулась на каблуках, прошагала по стене, спустилась во двор. Не взглянув на склонившегося слугу, вошла в дом. Перед чучелом медведя стоял, задрав голову, Баллистар.

— Как живой, правда?

Она, не отвечая, проследовала в чертог, села в кожаное кресло у горящего очага. Асмидир и Баллистар вошли следом за ней.

— Почему они все мне кланяются? — спросила Сигурни. — Ни слова не говорят, только кланяются.

— Это я приказал им, — сказал Асмидир. — Привыкай к поклонению. Отныне и до конца жизни ты будешь стоять выше простых людей. Тебе предназначено стать королевой, Сигурни.

— Королевой потаскух, не иначе. Один черный ублюдок, помнится, так и сказал: «Ты, Сигурни, шлюха».

Асмидир придвинул кресло, сел напротив нее.

— Твой гнев оправдан. Я не знал тогда, что вождь, о котором, говорится в пророчестве — ты. За это я прошу у тебя

прощения. И еще об одном прошу: направь свою ярость в верную сторону, не позволяй ей затмить твой разум. Если пророчество правдиво, а я верю, что это так, ты должна быть готова к действиям. Мудрый полководец знает, что запас бойцов и оружия можно восполнить, но утраченного времени назад не вернешь.

— Но кто пойдет за мной, Асмидир? Кто последует за Сигурни-шлюхой?

Баллиstar, став между ними, отвесил ей низкий поклон.

— Я, если ты мне дозволишь стать первым, — сказал он и упал на одно колено.

— Ты мой друг, — устало, уже без гнева, возразила она. — Разве этого мало?

— Мало. Я верю в то, что черный сказал. Кудесник говорил то же самое. Я не создан быть воином, не могу вести людей в бой. Зато я хорошо стряпаю, и голова у меня работает. Я не дурак, Сигурни, хотя природа дала мне шутовской облик. Другие мужчины, воины кланов, падут перед тобой на колени, и ты наберешь свое войско. И если нам всем суждено умереть, то умрем мы в бою, а до того часа будем жить гордо.

Сигурни протянула ему руки, помогла встать.

— Считай себя первым, Баллиstar.

Он подцеповал ей руку, покраснел и шагнул назад.

— Теперь я оставлю вас. Пойду приготовлю завтрак. На пустой желудок нельзя заниматься стратегией.

— Он сказал очень мудрую вещь, Сигурни, — заметил Асмидир, когда карлик вышел.

Она помолчала. В пламени ей виделась гибель Эбби, виделась страшная сцена в тюрьме.

— Что же за войско у нас получится?

— Вот так-то лучше, — улыбнулся хозяин замка. — В Лоде народу едва ли две тысячи, из которых сражаться способны не более шестисот, да и то вряд ли. Людям нужно па-

хать и сеять, нужно собирать урожай. Ближе к правде будет триста бойцов. У Паллида более шести тысяч — значит, наберутся тысячи две мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти. О Фарленах полных сведений у меня пока нет, но судя по величине заселенных ими земель, их должно быть не меньше четырех тысяч. Вингорас — самый маленький клан, но и он может выставить человек двести. Итого получается четырехтысячное примерно воинство.

— Но нельзя же держать их всех в одном месте. Если враг не захочет сражения и ускользнет, наши города и деревни останутся без всякой защиты.

— Хорошо! — Асмидир похлопал в ладоши. — Ты начинаешь думать. Скажи тогда, что нам следует прежде всего изучить?

— Характер вражеского военачальника, — не колеблясь сказала она и нахмурилась.

— У тебя снова что-то болит?

— Нет, просто вспомнила. Как это странно. Будто смотришь в окно и видишь себя. А со мной он, мой наставник. Вот что он мне сказал: «Изучи того, кто командует вражеской армией, ибо он — ее сердце и мозг. Тело может быть крепким, несокрушимым, но слабые сердце и мозг приведут его к поражению».

— Кто говорил тебе это? Когда? — удивленно спросил Асмидир.

— Стародавний король. В пещере, пока я спала.

— Ну вот, теперь начались загадки.

— Я не хочу быть таинственной. Оставим это пока. Он сказал еще, что перед войной нужно учесть пять основных условий: дух войска, погоду, местность, командование и доктрину.

— А о семи стихиях, случайно, не было разговору? — в полнейшем изумлении спросил Асмидир.

— Нет. Он сказал, что это оставляет тебе.

— Да ты, похоже, смеешься надо мной, женщина?

— Нет, я говорю чистую правду. — Она плавно поднялась с кресла. — А вождя, между прочим, неприлично называть «женщиной».

Она улыбалась, но Асмидир не улыбнулся в ответ. Он опустился перед ней на колени и склонил голову.

— Прошу прощения, госпожа моя. Дозволь мне стать вторым человеком, который тебе присягнет на верность.

— Теперь ты надо мной смеешься, — с упреком проговорила она.

— Я в жизни не говорил серьезнее, Сигурни, — возразил он, подняв глаза. — Я предлагаю тебе мой меч, мой опыт, а если понадобится, и мою жизнь. Все это твое — отныне и на всегда.

— Да будет так, — неожиданно для себя сказала она.

В чертог вошел слуга, поклонился и доложил:

— Сюда едут солдаты, господин, около тридцати человек.

С ними тот, о котором вы говорили — в зеленом наряде.

Асмидир тихо выругался.

— Побудь в другой комнате, Сигурни. Положение может стать щекотливым.

— Кто этот человек в зеленом? — спросила она.

— Искатель. Он почувствует, что ты здесь. Один из слуг проводит тебя куда нужно, а я приду к тебе, как только смогу.

Обрин снял шлем и откинул кольчужный наголовник, подставив лицо и волосы свежему горному ветерку. Пристроил шлем на плоский прибрежный камень, положил сверху кожаные перчатки.

— Красивые места, — заметил Колларин-Искатель. Он тоже присел у ручья и стал умываться.

— Как у меня на родине, — сказал сержант и отошел посмотреть лошадей. Их разместили чуть выше по течению, при них стоял часовой. — Дай им остыть, а потом напои, — приказал Обрин.

— Так точно, мой капитан.

— Сержант! — рявкнул Обрин.

— Виноват, сержант.

У Обрина на душе сделалось совсем скверно. Ну, начались, думал он. Слух о его временном повышении разошелся быстро. Солдаты думают, что это забавно, но ему самому не до шуток. При их отъезде из казарм Цитадели присутствовало несколько офицеров, и толстый лейтенант Масирик, троюродный брат барона, во всеуслышание сострил: «Свинья, наряженная в шелка, все равно остается свиньей — верно, друзья?»

Обрин сделал вид, что не слышит. О его капитанстве скоро забудут, а наживать себе такого врага, как Масирик, совсем ни к чему.

Они стали лагерем в лощине, где тек ручей. Разведенные здесь костры издали не будут заметны, а часовой на ближнем холме предупредит о любых враждебных поползновениях. Вряд ли, конечно, кто-то будет пытаться освободить пленного, но устав предписывает командиру, при отсутствии укрепленного лагеря, принять определенные меры. Два костра уже горели, из котелков над ними пахло мясной похлебкой. Обрин поднялся на холм, сел на камень. Отсюда он видел Колларина у ручья и солдат, занятых своими делами. Пленника, связанного по рукам и ногам, посадили у вяза на краю лагеря. Лицо у него было в крови, один глаз подбит.

Обрин смотрел на него с неловким чувством. Он знал Фелла около четырех лет, и тот ему нравился. Сержант хорошо разбирался в людях и видел, что этот горец человек сильный, гордый и честный, уж никак не злодей. Но кому

какое дело до того, что думает какой-то сержант? Приказ есть приказ, его надо выполнить, вот и весь разговор. В пещеру, где прятался Фелл, их привел Колларин. Лесничего взяли спящим, и с того времени он не сказал ни слова. Успел, однако, разбить нос Баккеру и сломать челюсть новобранцу Клеббу. «Так тебе, Баккер, и надо, — ухмыльнулся про себя Обрин. — Твою жирную рожу с бегающими глазками расплющенный нос только краше сделает».

Колларин стал подниматься в гору, и Обрин ругнулся. С этим малым ему было не по себе. Когда Искатель приблизился, сержант, не скрываясь, осенил себя знаком Хранящего Рога.

Человек в зеленом только улыбнулся на это.

— Если мне не платят за чтение мыслей, я их и не читаю. Твоим секретам ничего не грозит.

— Нет у меня секретов, Искатель. Я никого не обманываю, а уж себя и подавно.

— Зачем же тогда этот знак?

— Чтобы тебя поддеть, — чистосердечно сознался Обрин.

— Я тебе не по вкусу, сержант. Ты думаешь, что Феллу надо было дать возможность сразиться, а не брать его беззащитным. Вероятно, ты прав, но я скажу тебе вот что. Всех нас воспитывают на примере великих героев, поэтов, философов. «Будьте такими же, как они, — говорят нам, — иначе прощенному миру наступит конец». Все это очень благородно и достойно всяческой похвалы. Потом мы вырастаем и понимаем, что это чушь.

— Нет, не чушь. Герои нужны всегда.

— Нужны-то нужны, но порой они оказываются в стане наших врагов. И что тогда делать, Обрин?

— Я не философ. Живу по собственным правилам. Чужого не беру, ничего дурного не делаю. Бог рассудит меня, когда время придет.

— Как и всех нас грешных, дружище. Но что, по-твоему, Бог скажет о нас с тобой, когда перед Ним предстанет дух замученного, искалеченного на дыбе Фелла?

Обрин почувствовал себя еще хуже. Ему хотелось уйти, но он не ушел.

— Откуда мне знать.

— Думаю, ты догадываешься, — грустно произнес Колларин.

— Я знаю, какого ответа ты хочешь! — разгорячился Обрин. — Изволь, я отвечу. Справедливо ли поступают с Феллом? Нет. Заслуживает ли он смерти? Нет, не заслуживает. И что же? Я исполняю приказ барона, нашего повелителя, потому что это мой долг, а ты согласился выследить горца за деньги. Почему, спрашивается?

— Не без причины, Обрин, — улыбнулся Искатель. — Ты слышал, что случилось с той женщиной?

— Говорят, ее изнасиловали, но я не верю. Уил Стампер был не такой человек. Я знал его. Мы дружили.

— Однако он в этом участвовал. Я был в той камере и прочел это по следам крови. Они все насиловали ее. И резали, и кусали, и избивали. Из-за того лишь, что она отказалась отдать барону своего ястреба. Герои ребята, правда?

Обрин ответил не сразу. День угасал, костры становились все ярче.

— Я не могу изменить этот мир, — наконец сказал он. — Фелл спас женщину, и я этому рад. Теперь он поплатится за ее спасение, и это меня печалит. За свою жизнь я не раз видел, как гибнут хорошие люди и преуспевают плохие. Так устроен мир, Колларин.

— Скоро ты еще и не то увидишь, — холодно молвил Искатель.

— О чём это ты?

— О весеннем походе, когда барон примется истреблять горцев. Ты увидишь пылающие дома, услышишь крики жен-

щин и детей, будешь смотреть, как жиরует воронье на трупах землепашцев и пастухов.

— Это всего лишь слухи, к тому же глупые, — отрезал Обрин. — Там не с кем сражаться.

— Я Колларин-Искатель, — сказал человек в зеленом. — И никогда не лгу, как и ты.

Обрин спустился вниз, в лагерь. Солдат дал ему миску с похлебкой, и он посидел со своими людьми, слушая про баб, с которыми у них были шашни, и про земли, в которых они воевали. Потом налил в миску еще похлебки и пошел к Феллу. Горец молча взглянул на него.

— Вот, принес тебе поесть. — Обрин поднес миску к ору плениного. Тот отвернулся. — Ты извини меня, Фелл. Я думаю, ты правильно поступил. Надеюсь, что женщина успела уйти подальше. — Фелл посмотрел ему прямо в глаза, но вновь не сказал ни слова.

Вернувшись к костру, Обрин распорядился помыть котелки и выставить часовых на ночь. Колларин снова сидел у ручья, завернувшись в зеленый плащ.

Обрин приспособил вместо подушки седло, снял кольчужный наголовник и панцирь, отстегнул пояс с мечом и кинжалом. Он всегда засыпал легко, все семнадцать лет, что провел на военной службе. Палящий зной куширских равнин, пронизывающая стужа клитийских гор, качка на корабле в бурю — ничто ему не мешало. Для ветерана это самое главное. Сон восстанавливает силы, успокаивает душу. Усталому, невыспавшемуся солдату удачи в бою не видать.

Но в эту ночь сон к нему не спешил. Обрин лежал на спине, глядя на звезды и яркую, как фонарь, луну.

Он шел по узкой тропе, под переплетенными ветвями громадных деревьев. Оглянувшись, он увидел бесконечный, уходящий во тьму туннель с редкими пятнами лунного света.

Обрин пошел дальше. В ночи он не слышал ни крика сов, ни шороха листьев — лишь собственные тихие шаги. Впереди, на перекрестке, показался яркий лунный колодец. Там, на камне у края тропы, сидел воин — огромный, с серебряющимися при луне волосами. Белая борода, заплетенная в две косицы, ниспадала на серебряный панцирь. В земле рядом с ним торчал двуручный палаш-клеймор с серебряной рукоятью и большим багровым камнем в эфесе.

— Красивый клинок, — сказал Обрин.

Воин встал, оказавшись на добрый фут выше него, и проговорил зычным басом:

— Он хорошо послужил мне.

Обрин заглянул в его глубоко посаженные, холодные глаза цвета ненастного неба, но страха не ощутил.

— Где это мы? — спросил он.

Воин обвел рукой три дороги, берущие начало в колодце света, и сказал:

— На распутье.

Обрин заметил, что у незнакомца только одна перчатка — выкованная из железа, но на вид гибкая, точно кожаная, — и спросил:

— Кто ты?

— Странник, побывавший во многих краях. Я поднимался на горы и скакал по равнинам. Одни дороги прямые, другие извилистые, но легких среди них нет.

— Да, воинские дороги. Мне ли не знать их. Ни очага, ни дома, ни близких. Железный Путь. — Обрин почувствовал усталость и сел.

Воин опустился на камень рядом.

— Каким же путем ты идешь теперь?

— Иду, куда мне велят. Какой еще выбор может быть у солдата? Семнадцать лет я служу барону. Я видел, как умирали друзья, и пыль многих стран ложилась на мои са-

поги. Плечо у меня болит, колено не любит долгой ходьбы. Еще три года, и я могу обратиться за своим гектаром земли. Может, и обращусь — если еще не забуду к тому времени, как ее обрабатывать, землю. Ну, а ты куда путь держишь?

— Новых дорог для меня больше нет. Я тоже хотел возделывать землю, выращивать скот, но меня попросили исправить одно мелкое зло. Охота одного дворянина, скака через поле, растоптала игравшего там ребенка. Девочке переломали все ноги, а заплатить за лечение викке родителям было нечем. Я пошел к тому дворянину и потребовал правосудия.

— Можешь не продолжать, — вздохнул Обрин. — Правосудия для бедняков не было, нет и не будет. Он, должно быть, рассмеялся тебе в лицо?

— Нет. Он велел меня высечь за дерзость.

— А девочка?

— Она осталась жива. Я пошел к дворянину еще раз, и он заплатил.

— Что же побудило его передумать?

— Он не передумал. Остался при своем мнении. Я насадил его голову на пике и спалил его дом. Пожар пылал ярко — он освещал небо на много миль и зажигал людские сердца. Тридцать лет это пламя не угасало.

— Боже! На тебя объявили охоту?

— Само собой. А потом я сам стал охотником.

— И удача сопутствовала тебе?

— Всегда. До последнего дня.

— А что случилось в последний день?

Воин лениво вытащил меч из земли. Рубин горел, как свежая кровь, в клинке отражалась луна.

— Мы выиграли войну. Наша земля стала свободной. Я думал, что никого из моих врагов больше нет в живых —

непростительная ошибка для воина. Однажды я ехал и смотрел, как собираются тучи над вершиной Хай-Друина. Меня застали врасплох. Мой благородный конь донес меня до опушки леса и только тогда пал мертвым. Люди, напавшие на меня, сражались когда-то на моей стороне и даже бывали отличены. Не друзья, но товарищи по оружию — ты понимаешь. У меня сердце разрывалось, когда я убивал кого-то из них. Телесные раны по сравнению с этим не значили ничего.

— Но за что они так на тебя ополчились?

Воин пожал плечами и снова вонзил палаш в землю.

— Я был королем, Обрин. Держался высокомерно. К одним снисходил, других не замечал вовсе. Каждый день ко мне приходили с просьбами не меньше десяти человек. Освободив их от власти тирана, я сам в их глазах стал тираном. Быть может, они были правы, кто знает. Я их не сужу.

— Как же ты выжил, сражаясь против стольких врагов?

— Я не выжил.

— Значит... ты дух? — поразился Обрин.

— Мы оба с тобой духи, Обрин, только ты можешь вернуться в живую плоть, а я нет.

— Ничего не понимаю. Зачем я здесь?

— По моему зову.

— Для чего ты позвал меня? Я не король, я ни для кого ничего не значу.

— Слишком уж ты к себе строг. — Рука в железной перчатке легла на плечо Обрина. — Ты всего лишь сбился с пути. Сейчас ты стоишь на распутье и волен выбрать другую дорогу.

Обрин огляделся. Все дороги казались одинаковыми, все уходили под древесные своды.

— Но я не вижу между ними никакой разницы.

— Ты прав, — кивнул король. — Все дороги ведут к смерти, Обрин. Ее не избежишь, но один верный путь все-таки есть.

— Как же найти его? — невесело засмеялся Обрин.

— Если сам не знаешь, найди человека, который уже идет этой дорогой, и следуй за ним. Следуй за своим сердцем, Обрин. Его огонь осветит тебе путь.

Обрин вздрогнул и пробудился. Светало, но звезды еще не погасли. Мысли мутились, во рту стоял такой вкус, точно он съел барсука. Сев, он не сдержал стона. Правое плечо разболелось. Обрин вылез из-под одеял, помочился у соседнего дерева. Все, считая и пленника, еще спали. Он сплюнул и стал разминать правую руку.

Часовой спустился с холма, отдал честь.

— Никаких происшествий, сержант, только на юге замечены всадники.

— Горцы? — Хотя едва ли, подумал Обрин. В горах лошадей мало.

— Никак нет. Думаю, это солдаты из Цитадели. Далеко очень, толком не разглядишь.

— Разводи огонь, надо завтрак готовить. — Обрин пошел к ручью, разделился до пояса, обмылся холодной водой. Колларин присоединился к нему.

— Хорошо ли спалось, сержант?

— Мне всегда хорошо спится.

— Во сне ничего не снилось?

Обрин набрал воды в пригоршни и шумно напился. Иска-тель говорил странно, будто о чем-то просил.

— Снилось кое-что, — ответил сержант. — А тебе?

Искатель кивнул и снова задал вопрос:

— Понял ты, к чему этот сон?

— А разве во снах есть какой-то смысл?

Колларин, понизив голос, заговорил шепотом:

— Он уже приходил ко мне. В Цитадели, когда я шел по следу той женщины. Сказал, чтобы я оставил ее в покое. Я и оставил, только лесничего согласился выследить. Знаешь, кто этот человек?

— Я думал, ты читаешь мысли только за деньги. — Обрин, поеживаясь на утреннем холодке, торопливо надел рубаху, вернулся к месту ночлега и облачился в доспехи. Колларин остался на берегу.

— Ночь прошла спокойно, — гнусаво доложил еще один караульный.

— Как твой нос, Баккер?

— Болит, проклятый. Чуть не перерезал этому паскуднику глотку, но потом решил: попрошусь на часы в темницу и погляжу, как палач будет его обрабатывать.

— Через час выезжаем, — предупредил Обрин.

На завтрак ели овсянку и черный хлеб. Пленник от еды упорно отказывался. Миски с котелками вымыли, уложили и подготовились ехать в обратный путь.

— Всадники! — крикнул кто-то, и Обрин увидел десяток кавалеристов с лейтенантом Масириком во главе. Офицер спешился, Обрин отдал ему честь.

— Вижу, вы поймали его, сержант, — оставив приветствие без внимания, бросил Масирик. — Что ж, давно пора. Сказал он тебе, где девчонка?

— Никак нет, лейтенант. Я получил приказ доставить его, допрашивать мне не приказывали.

— Оставь, пусть горит, — велел Масирик Баккеру, который собирался залить костер. Вынул из ножен кинжал, кинул солдату. — Раскали его докрасна.

Подойдя к Феллу, Масирик пнул его в живот так, что пленник скрючился пополам.

— Это так, цветочки, а скоро поспеют и ягодки. Слышишь меня, горец?

Фелл молча смотрел на него. Офицер встал на колени и двинул его кулаком в лицо. Фелл стукнулся затылком о дерево.

— Ты убил моего кузена. Он, правда, слова доброго не стоил, но остался мне должен. Тут мне не повезло, но если я найду женщину и доставлю ее барону, то получу куда больше. А ты мне в этом поможешь. Вы, горцы, думаете, что крепче вас нет никого на свете, но поверь: когда я выжгу тебе левый глаз, ты пойдешь на все, чтобы сохранить правый.

Солдаты расположились полукругом около дерева. Обрин видел, что им не терпится насладиться зреющим. Колларин с непроницаемым лицом стоял позади. Баккер принес раскаленный шипящий нож, прихватив рукоять тряпкой.

— Лейтенант! — рявкнул Обрин.

Масирик, вздрогнув, чуть не выронил нож.

— Что такое? Быстрей только, не то железо остынет.

— Оставьте его в покое!

Масирик, не слушая, поднес острие к глазу Фелла. Обрин ударил его ногой в лицо и швырнул наземь. Солдаты ахнули. Масирик привстал на колени, нечаянно задел рукой упавший в траву кинжал, завопил и вскочил на ноги.

— Ты за это поплатишься, клянусь Богом!

— Я действующий капитан, самим бароном назначенный, а ты лейтенант, не подчинившийся приказу старшего офицера. Что скажешь на это, ты, жаба надутая?

— Да ты никак спятил, — заухмылялся Масирик. — Я добьюсь, чтобы тебя за это повесили. Простолюдин, будь он хоть генералом, не смеет бить дворянина. Этот пинок тебе дорого обойдется.

— Эх, что за ягненка висеть, что за овцу. — Сказав это, Обрин с широкой улыбкой шагнул вперед, двинул лейтенанта кулаком в зубы и сбил его с ног. Потом обнажил кинжал, вознамерившись прирезать Масирика — и зашатался от страш-

ногого удара по черепу. Он успел обернуться, увидел дубинку в руке Баккера и провалился во тьму.

Очнувшись, он увидел, что привязан к седлу. Отряд с Масириком во главе близился к небольшому замку. Фелл шел рядом со связанными руками и веревкой на шее. Конец веревки держал едущий впереди всадник.

— Ты своего добился, сержант, — сказал кто-то слева — Баккер. — На этот раз тебя точно повесят, и давно пора. В печенках ты у меня сидишь. Хватит, натерпелись.

Обрин молчал, глядя вперед, на ворота замка.

7

Волшебство Асмидиру давалось трудно. Сосредоточиваться он умел хорошо и обладал богатым воображением, но ему недоставало того, что его наставники называли «чувством свободы». Маг, говорили они, должен отрешиться от себя самого и сливаться с силами за пределами своих пяти чувств. Асмидир при всех своих способностях так и не научился «освобождаться» полностью. Он сидел в главном чертоге, раскрыв на коленях огромный фолиант в кожаном переплете, и с натугой разбирал древние куширские письмена, выведенные золотом на пергаменте.

Через некоторое время Асмидир закрыл книгу. На длинном овальном столе стояли три свечки, а поверх них — золотое блюдо. Куширец обнажил кинжал и начал произносить слова. Глубокое дыхание колебало его грудь, глаза были закрыты. Кинжал полоснул по руке, и кровь зашипела, падая на горячее блюдо. Асмидир открыл глаза, с дрожью перевел дух. Все, дело сделано. Не блестяще и нельзя сказать, чтобы мастерски, но ничего, лишь бы сработало. Он спрятал кинжал в

ножны, зажал пальцем ранку. Вошел слуга. Асмидир вытянул руку, и тот ловко забинтовал ее полотном.

— Проводи ко мне офицера, Ари, — распорядился хозяин. — И человека в зеленом тоже. Солдатам угощение приготовлено?

— Да, господин, как вы приказывали.

Ари забрал блюдо и вышел, Асмидир вернулся в свое кресло у очага. По камню застучали шаги, пахнуло холодом — это в замок вошли солдаты.

Асмидир встал в то самое время, когда в дверях показались лейтенант Масирик с Колларином-Искателем. Лейтенант нес впереди себя толстый живот. Лицо у него было в синяках, губы разбиты.

— Добрый день. — Асмидир протянул ему руку. — Рад видеть вас снова, Масирик. — Лейтенант ограничился кратким рукопожатием. — Подай гостям вина, Ари.

Масирик небрежно швырнул свой шлем на тщательно отполированный стол.

— Барон желает вас видеть, — заявил он. — Поедете в Цитадель вместе с нами.

— Вы, вероятно, хотели сказать, что барон *просит* меня приехать.

— Я сказал именно то, что хотел сказать. Он велел мне привезти вас, и я привезу. — Масирик потрогал расквашенную губу. — Со мной двое пленных. Найдется здесь что-то вроде темниц?

— Нет, — ответил Асмидир. — А вы, должно быть, Искатель? — повернулся он к Колларину. — Раз вы везете пленных, можно заключить, что ваш поход был успешен.

— Верно. — Колларин взял со столика фолиант, раскрыл наугад. — Ага. Куширский магический трактат. Давно не держал в руках ничего такого. Превосходные чернила: камедь присыпана золотом и покрыта лаком.

— Вы читаете на куширском? — Асмидир сохранял на лице вежливый интерес, хотя его сердце стучало о ребра, как боевой барабан.

— Как и на всех прочих известных языках. Не считите это похвальбой, ведь *Дар* послан мне от рождения — собственными трудами я не приобрел ничего.

Ари принес вина. Масирик, взяв свой кубок, обошелся без благодарности, Колларин слегка кивнул.

— А вы, Асмидир, с нами не выпьете? — спросил лейтенант.

— Нет, — ответил тот и вновь обратился к Колларину: — Чем думаете заняться дальше, после столь успешной охоты?

— Успешной? — повторил Колларин.

— Ну да, вы ведь взяли двоих — надо полагать, тех самых мужчину с женщиной, которых разыскивали.

— Женщину мы пока еще не поймали, но она от нас не уйдет, — вмешался Масирик. — Мы взяли лесничего, Фелла, а второй пленник — предатель. Он ударил меня, расшатал пару зубов. В *Цитадели* он расплатится за это сполна, клянусь Богом.

— Вид у вас в самом деле неважный, — согласился Асмидир. — Ари, принеси господину *нашу* ромашковую мазь. — Куширец старался не смотреть на Колларина, который медленно листал волшебную книгу. — Для чего я так срочно понадобился барону? — спросил он Масирика.

— Это он скажет вам лично. Так где же мне разместить арестантов? Есть у вас комнаты, запирающиеся на замок?

— Увы. Предлагаю привести их сюда — так они по крайней мере будут у вас на глазах, пока вы не уедете.

— Пока мы не уедем, — поправил Масирик.

Асмидир встал и подошел к лейтенанту, которого был выше на целый фут.

— Я могу понять, дорогой мой, что побои и сопряженная с ними боль заставили вас позабыть о хороших манерах, но по-

мните: мое терпение не безгранично. Не следует также забывать, что вы всего лишь троюродный брат барона, а я — друг самого короля. Ступайте за вашими пленниками. Мне нужно поговорить с Искателем.

Челюсть у Масирика отвисла, глаза злобно прищурились.

— Подумай, прежде чем отвечать, болван, — добавил вполголоса Асмидир. — Неприятно ведь получить за один день сразу две зуботычины.

Масирик слогнулся, попятился и вышел вон.

— Защитные чары вам не понадобятся, — тихо заметил Колларин. — Я отказался выслеживать эту женщину.

— Вы поступили мудро. В Цитадели вам передадут сто серебряных крон.

— Вы очень добры, — произнес Искатель, глядя своими зелеными глазами прямо на Асмидира, — но я в Цитадель не вернусь.

— Я тоже, — усмехнулся углом рта Асмидир.

Вошел Масирик и приказал двум конвоирам посадить пленных у дальней стены.

— Боюсь, вы были правы, лорд Асмидир, — сказал он. — Недавние события выбили меня из колеи. Прошу прощения за свою резкость. — Смотрел он все так же злобно, но Асмидир улыбнулся ему в ответ:

— Не будем больше говорить об этом, мой дорогой. Ваших людей накормили?

— Да, благодарю вас. Когда вы будете готовы к отъезду?

Асмидир, не отвечая, подошел к арестантам и сказал Обрину:

— Я тебя знаю. Прошлой зимой ты участвовал в кулачных боях и проиграл в заключительном оттого, что споткнулся.

— У вас хорошая память, — ответил Обрин. — Двинь я тогда тому клитийцу, как этому вот козлу, я бы выиграл.

— Молчать, мерзавец! — Масирик подлетел к ним и пнул сержанта в плечо.

— Он и лягается, как козел, — засмеялся тот.

— Сейчас я вырежу твой паскудный язык, — пригрозил Масирик, вынимая кинжал.

— Не здесь, друг мой, — удержал его Асмидир. — К чему портить дорогие ковры, привезенные из Кушира?

Масирик, бледный, с трясущимися руками, послушался и спрятал клинок.

Вернувшийся Ари с поклоном подал ему фарфоровую баночку.

— Чего тебе надо? Что это?

— Целебный бальзам, — сказал Асмидир. — Помажьте губы и сами увидите.

Масирик окунул палец в похожую на сливки мазь, нанес на губу.

— И вправду хорошо успокаивает. Где вы ее берете?

— Все мои слуги аль-джинны, искусные зельевары.

Колларин слушал их разговор краем уха, но слово «аль-джинны» пронзило его, как ледяной меч. Он уставился на Ари — высокого, стройного, с кожей цвета мореного дуба. Нос у него был не приплюснутый, как у Асмидира, а орлиный, крючком. Как мог Колларин принять его за слугу? Искатель перевел взгляд на свой винный кубок, полный почти до краев. Сколько он выпил — глоток, два?

Темный взор Ари пригвоздил его к месту.

— Что с вами, господин? — спросил слуга, скользнув через комнату. — Вы так побледнели.

— Ничего, все в порядке. — Искатель, пользуясь своим Даром, проник в мысли Ари и тут же отпрянул, словно сунул руку в огонь.

— Вы бы присели, — предложил Ари.

Я умру? — мысленно спросил его Колларин.

Как будет угодно моему господину, ответил Ари, а вслух произнес:

— Прошу извинить, я должен вернуться к своим обязанностям.

— Да, конечно. — На этот раз Колларин протянул свой мысленный щуп к солдатам за стенами зала. Он представил себе крепыша Клебба, но ответа не получил.

Не добился он отклика и от других. Быть может, их мысли ограждены кем-то?

Закрыв глаза, он опустился на второй уровень, к неодувневленным астральным волнам. Ощутил древность этого замка, ощутил лес и дыхание вечности за его стенами.

Отсюда было недалеко до третьего уровня. Ужаснувшись, Искачелю явился сонм беспокойных духов — убитые, еще не осознавшие собственной смерти.

Глаза Колларина раскрылись. Все двадцать восемь солдат одурманены, а после задушины. Остались только два конвояра в чертоге и сам Масирик. Во рту пересохло. Колларин потянулся к кубку с вином и тут же одернул себя. Неужели и ему вынесен приговор?

— Что-то ты разволновался, мой мальчик, — сказал, подойдя к нему, Асмидир.

Колларин поднял глаза на черный, властный, жестокий лик.

— Ваши аль-джинны завершили свою работу. Что у вас предусмотрено для меня?

— А тебе чего бы хотелось?

— Жить.

— О чём это вы там шепчетесь? — Масирик взял кубок Колларина, осушил до дна и сел.

— О жизни и смерти, Масирик, — ответил ему Асмидир. — О тонкой грани, отделяющей одну от другой.

— Подумаешь, грань. Все зависит от воинского мастерства и отваги.

— А как же удача? Что, если человек окажется в неподходящем месте в неподходящее время?

— Свою удачу человек творит сам.

— Не уверен, но мы можем провести испытание. Счастьем или несчастьем для вас было бы найти ту женщину, Сигурни?

— Конечно, счастьем. Вы знаете, где она?

— Знаю. — Асмидир дважды хлопнул в ладоши, и в зал чередой вошли воины в черных плащах и шлемах, с блестящими саблями. Черные кольчуги спускались до бедер, полоски черной стали укрепляли черные сапоги. На широкой перевязи, пересекающей грудь каждого воина, висели три метательных ножа в угольно-черных ножнах. Колларин прижался к стене. Он узнал среди них Ари, хотя слуга больше походил теперь на принца из сказки.

— Что все это значит? — спросил Масирик.

— Убейте стражу, — спокойно, почти с сожалением приказал Асмидир.

Колларин смотрел, будто зачарованный. Два воина достали ножи и медленно повернулись. Один из конвоиров, с распухшим носом, попытался выхватить меч, но рукоять ножа выросла у него в горле, и он сполз по стене. Второй пустился бежать, и нож вонзился ему в затылок. Солдат повалился лицом на стол, уронив шлем. Воины забрали свои ножи и вернулись в строй.

Масирик сделался пепельно-серым — Колларин даже пожалел его.

— Ари, — произнес Асмидир, — готова ли наша гостья почтить нас своим присутствием?

— Готова, мой господин.

Ари вышел, и настала жуткая тишина. Масирик вспотел, руки у него дрожали. Он утратил всякое сходство с человеком военного звания, несмотря на свои доспехи.

— Я не хочу умирать, Асмидир, — заскулил он, обливаясь слезами. — Пожалуйста, не убивай! — За показавшимся в дверях Ари шел еще один воин. У Колларина захватило дух при виде высокой женщины с серебряными волосами и в серебряной же кольчуге. На черных кожаных штанах выше колен такие же кольчужные звенья, на плечах красный плащ. Колларин в жизни не видел такой красоты. Все воины вместе с Асмидиром низко ей поклонились. Колларин последовал их примеру.

Масирик, вцепившись в подлокотники кресла, хотел встать, но повалился обратно и задергался в судорогах.

— Твоя охота увенчалась успехом, Масирик, — нагнулся к нему Асмидир. — Сигурни здесь. Умри же счастливым!

На губах Масирика выступила пена, глаза выкатились, и он застыл неподвижно.

— Он умер от страха? — спросила одетая в серебро женщина.

— Нет. От яда, которым намазал губы.

Взгляд женщины упал на Колларина. Он вновь согнулся в поклоне.

— А этот отчего еще жив?

— Сам толком не знаю, — ответил Асмидир. — Он — непонятно почему — отказался тебя выслеживать. Это Искатель по имени Колларин. Прикажешь его умертвить?

— Почему же ты отказался? — спросила она.

— На это не так легко ответить, моя госпожа, — на удивление твердым голосом произнес Колларин. — Некий человек явился мне и просил об этом.

— Опиши его.

— Сильное лицо с глубоко посаженными голубыми глазами. Волосы серебристые, как у вас, борода заплетена в две косы.

— Пусть живет, — проронила женщина.

* * *

Асмидир хотел сказать что-то, но передумал и предоставил распоряжаться ей. Серебристые доспехи он привез из Кушира с намерением преподнести их вождю, о котором сказал пророк. Он представлял их себе на мускулистом юноше, но теперь не мог поверить, что покупал их, ничего не зная о Сигурни. Весь ее облик являл истинно королевскую стать — странно, как он не замечал этого раньше.

Аль-джинны освободили пленников. Фелл почтительно склонил голову, но Сигурни смотрела только на иноземного солдата. Ее пальцы сомкнулись на рукояти кинжала, лезвие с шорохом вышло из ножен, и она с обманчивой грацией двинулась к Обрину.

— Не надо, Сигурни. — Фелл, единственный, кто понял ее намерение, заслонил сержанта собой. — Он спас меня от пытки, рискуя собственной жизнью.

— Ни один нижнесторонний не будет оставлен в живых, — мягко, почти без гнева сказала она. — Отойди, Фелл.

— Я объявляю кормак на этого человека.

Асмидир не понял, о чем идет речь. Сигурни же, помедлив, спросила с холодной улыбкой:

— На врага?

— Да. Я сидел связанный, и раскаленный клинок приближался к моим глазам. Обрин остановил офицера, ударив его по лицу, и за это сам подлежал мучительной казни. Плохо бы я отблагодарил своего заступника, позволив его зарезать. Я прошу подарить его жизнь мне.

— Отойди, Фелл. Я поговорю с ним.

Фелл поколебался и отступил. Асмидир не видел на лице Обрина никаких признаков страха.

— Известно тебе, что такое кормак? — спросила Сигурни.

— О ваших варварских обычаях я ничего не знаю, сударыня. Я простой, неученый солдат. Может, вы сами мне скажете?

Асмидир видел, как вынуждает себя к спокойствию Сигурни, глядя на человека в ненавистном мундире. «Она убьет его, — думал он. — Стоит ему сказать одно неверное слово, и она вонзит ему нож в горло».

— Это значит, что он усыновляет тебя. Сколько тебе лет?

— Тридцать семь по моему счету. Могу ошибаться на пару годков в ту или другую сторону.

— Стало быть, твой названный отец моложе тебя лет на пятнадцать. Хочешь стать его сыном, нижнесторонний?

— А выбор у меня есть?

— Выбор есть всегда. — Сигурни подступила совсем близко к нему. — Ты спас Фелла, поэтому я у тебя в долгу. Можешь идти на все четыре стороны. Мне хочется убить тебя, хочется посмотреть, как твоя кровь хлынет на пол, но слово мое нерушимо. Если уйдешь, никто не тронет тебя.

— А если останусь?

— У тебя на это духу не хватит. Уходи, не испытывай моего терпения!

— Значит, я могу горцем стать? — засмеялся Обрин. — Бунтовщиком против барона и короля? Вот он, перекресток дорог. Хочешь взять меня в сыновья, парень? Неплохо придумано, клянусь Богом! Я пойду твоей дорогой, хотя все мы знаем, куда она приведет. Что я должен сделать, сударыня? Кому присягнуть?

Изумленная Сигурни молчала, но Асмидир что-то произнес по-куширски, и все двенадцать аль-джиннов преклонили колени вокруг женщины в серебристой броне.

— Ты стоишь перед госпожой Сигурни, предводительницей горных кланов, — сказал он Обрину. — Ей и надлежит присягнуть.

Обрин опустился на одно колено и приставил кинжал Сигурни к своему горлу.

— С этого дня я ваш раб, сударыня. Я отдаю свою жизнь в ваши руки и однажды приму за вас смерть. В этом клянется перед Богом Обрин, сын Энгиста.

Сигурни взглянула на Фелла, который один остался стоять, и он упал на колени.

— Моя жизнь отныне и навеки принадлежит тебе, Сигурни.

Она кивнула и обернулась к Асмидиру:

— Надо поговорить.

Они оба покинули зал. Обрин с Феллом поднялись на ноги.

— Спасибо, парень, — сказал солдат. — Ты об этом не пожалеешь.

— Я-то нет, а вот ты? Что будет, когда ты сойдешься в бою со своими соотечественниками? Это ведь не пустяк.

— За меня не тревожься, Фелл. Это для вас все мы низинники, а на самом деле мы из разных краев. Сам я тоже принадлежу к горному народу, завоеванному лет сто назад. Никого из моих соплеменников в Цитадели нет, но дело даже не в этом. Есть вещи, за которые человек обязан сразиться. Это самое, думаю, и хотел мне сказать Колларин. Так ведь? — спросил Обрин человека в зеленом.

— Так. — Искатель подошел к ним, перешагнув через трупы. — Всегда спрашивал себя, каково это быть героем.

Аль-джинны молча забрали тела и вышли.

Поднимаясь по устланной ковром лестнице в комнату, где Ари показал ей доспехи, Сигурни чувствовала себя как во сне. Идущий рядом Асмидир молчал. Комната была маленькая, пятнадцать на двадцать футов. Большое окно выходило на Хайдрун. Для своего выхода Сигурни надела кольчугу, поножи и сапоги, но меч, шлем и панцирь оставила здесь. Панцирю придали форму живота и груди молодого атлета, шлем был для нее слишком велик.

Она отворила окно, впустив в комнату прохладный, но легкий ветер. Гибель Эбби причиняла ей почти такую же боль, как зло, от которого она сама потерпела. Но еще сильнее горевала Сигурни по своей утраченной жизни — по уединенной хижине, по охоте в горах, по тихим ночам. Она жалела, что не послушалась Грейма, который предупреждал ее о нраве барона. Потеряла бы пару грошей, зато жила бы вольготно, как прежде. Путь, который ей указывает судьба теперь, приведет к смерти и ее, и всех других горцев. Ей представился могучий олень, окруженный волками. Так и ее народ: либо они обращаются в бегство и ненадолго продлят себе жизнь, либо сразятся и падут тут же на месте.

Тучи над Хай-Друином напоминали корону, венчающую седовласую голову.

— Выскажи, что у тебя на душе, госпожа, — попросил Асмидир.

— Незачем называть меня так, — ответила она, по-прежнему глядя в окно. — Здесь нас никто не слышит.

— Начало положено, Сигурни. Пора задуматься, как быть дальше.

— Знаю. Что предлагаешь?

— Свой совет я выскажу позже. Хочу сначала послушать тебя.

Она подавила охвативший ее гнев.

— Стратег и воитель здесь ты, по твоим же словам. Чего ты ждешь от меня?

— Пойми меня правильно, Сигурни. Это уже не игра. Ты та, о ком говорил пророк. Если это не каприз богов, что возможно, ты должна быть наделена каким-то особым даром. Выйти против самой мощной армии в мире мы можем лишь с тобой во главе, понимаешь? Ты должна побороть горечь и праведный гнев, которые одолевают тебя сейчас, и найти в себе

королеву-воительнице. Без нее мы проиграем войну еще до начала боевых действий.

Сигурни опустилась на стул с высокой спинкой.

— Я не знаю, что сказать, не знаю, с чего начать. Не нахожу в себе никакого дара. Я не то чтобы поддалась панике, но при мысли о будущем у меня колотится сердце и дыхание перехватывает. Внутри нет ничего, кроме сожалений и памяти о перенесенных обидах.

Асмидир, сев напротив, протянул к ней руку, но Сигурни отпрянула, больно задев его этим.

— Займемся самыми безотлагательными делами. Мои люди разведали, что барон строит укрепления в долинах и на перевалах к югу от нас. Там будут оставлены припасы, чтобы подошедшая армия могла беспрепятственно углубиться в горы. Первый форт строится в каких-нибудь десяти милях отсюда, в долине Дьюнах. Полагаю, что удар по нему должен стать нашей первой задачей. Для этого нам понадобятся люди. Мы уже обсуждали с тобой, где взять их. Обратись за помощью к лорду-ловчemu Паллида, Фиону Острому Топору.

Сигурни вернулась к окну. В просветы между тучами светило солнце, где-то вдали прокатывался гром.

— Нет, — сказала она наконец. — Укрепления могут и подождать. Я на месте Фиона не стала бы давать своих людей какой-то неизвестной женщине из другого клана. Пришли ко мне Фелла.

— Что ты задумала? — спросил Асмидир.

— Мы это обсудим после.

Асмидир улыбнулся, низко поклонился и вышел. Сигурни достала из серебряных ножен меч, вернее саблю — тридцати дюймов длиной, отполированную до блеска и острую как бритва. Обмотка из серой пятнистой кожи на рукояти была скреплена серебряной проволокой. Сигурни нашла оружие

удивительно легким и превосходно уравновешенным. Со свистом махнув саблей в воздухе, она услышала шаги Фелла и положила обнаженный клинок на стол. Лесничий вошел и неуклюже отвесил поклон.

— Вот как все обернулось, — сказала она. Он кивнул, и его улыбка, несмотря на покрытое синяками лицо, напомнила ей того горца, которого она любила когда-то. Она пригласила его сесть и отвернулась, чтобы собраться с мыслями. — Сколько лесников ты можешь нам обеспечить?

— Немного, едва ли шестерых из пятидесяти. Ты пойми, Сигурни: все они люди семейные, а у войны с нижнесторонними исход только один. Многие постараются избежать ее всеми мерами, даже и после расправы.

— Какой расправы?

Фелл рассказал ей о заложниках, о своем решении сдаться властям.

— Да только они обещанную неделю не стали ждать. На следующее утро все четверо уже висели на стене крепости. Думаю, к нам примкнут Тови, Грейм и еще половина мужчин Силфаллена. Какие у тебя планы?

— Я хочу, чтобы ты немедленно отправился в путь. Найди тех шестерых и других захвати, всех, кому доверяешь. Встретимся у моей хижины через четыре дня. Хватит тебе этого времени?

— Маловато, но я буду там в срок.

— Ступай же и пришли сюда нижнестороннего.

Гвалчмай достал из тележки кувшин. Холмы, лежавшие впереди, вели к Цитадели. Собаки, Шемол и Кабрис, спали на солнышке. Гвалч вытащил из кувшина затычку и сел рядом с молчаливым, задумчивым Тови. Солнце светило ярко, горы радовали взор, но пекарь был слеп к окружающей его красоте. Гвалч разделял его чувства.

— Славный мальчуган был твой сын. — Он поднес кувшин ко рту, сделал три долгих глотка.

— Ты же не знал его, — монотонно промолвил Тови.

— Я знаю тебя и вижу его твоими глазами. Ты гордился им, и по праву.

— Что теперь проку. Его мать все глаза выплакала, его братья и сестры сидят тихо, как мышки. Непонятны мне мужчины, способные повесить ни в чем не повинного мальчика. Они что, чудовища? Или демоны овладели ими?

— Достаточно одного чудовища, которое им приказывает. Если бросить щепоть яда в кувшин с вином, все вино превратится в отраву. Выпить хочешь?

— Нет. Надо, чтобы глаз был острым, когда появятся эти дьяволы. Знаешь, Гвалч, я даже ненавидеть их не могу. Ничего не чувствую. Постарел, что ли? Утратил что-то за все эти годы в пекарне?

— Мы все утратили что-то, дружище, но можем обрести это вновь. — Гвалч опять поднял кувшин, остановился и показал на юг. — Видишь там что-нибудь? Мои старые глаза подводят меня.

Тови прищурился:

— Да. Сталь блестит на солнце, враг приближается. Им понадобится не меньше часа, чтобы пересечь долину.

— Сколько их?

— Далековато, точно не скажешь. Возвращайся в Сил-Фаллен, скажи, что нижнесторонние идут.

— А ты? — Гвалч встал, собаки тоже зашевелились.

— Я их сосчитаю и пойду вслед за тобой.

Гвалч залез в тележку, не выпуская кувшина, тряхнул поводьями, тронул с места. Тови проводил его взглядом. Пекарю вспомнился Лоран из клана Паллад и его предостережения относительно нижнесторонних. Тогда Тови хо-

телось думать, что Паллад ошибается, но теперь он признал его правоту. Тогда, не так уж давно, жизнь была мирной, уютной, полнилась запахом свежевыпеченного хлеба и детским гомоном. Теперь вдали снова забрезжили кровавые времена.

Он поднял свой старый клеймор, упер острием в землю, повернулся на юг. Палаш когда-то хорошо послужил ему, но Тови, беря его в руки, не испытывал больше гордости и не радовался. Горе вытеснило все прочие чувства.

Всадники спускались по длинному склону в долину. Он их пересчитал без труда — сто пятьдесят солдат, пятеро офицеров. Такой большой отряд не пошлют брать заложников. Нет, этим приказано убивать. Полторы сотни солдат на деревню, где живут сорок семь мужчин, тридцать восемь женщин и пятьдесят один ребенок! При мысли о малышах Тови загорелся гневом и ожил. Большие руки сжали рукоять, подняли клеймор над головой. В свое время он мог зарубить трех-четырех человек. Посмотрим, много ли отняли у него годы.

Тови обернулся спиной к врагу, вскинул палаш на плечо и зашагал по дороге к дому. Домики Силфаллена казались крохотными против могучих гор и зеленых холмов. Они стояли плечом к плечу, как друзья — и каменные, что поновее, и древние срубы. Да, Силфаллен всем готов оказать дружеский прием. Не отгораживается стенами и валами, ведь его жители до недавних пор жили без страха.

Он доверчив, Силфаллен, и потому беззащитен. Тови знал, что никогда уже не увидит родную деревню прежними своими глазами. Теперь он примечал отсутствие укреплений, прикидывал, как кавалерия вторгнется с холмов прямо на площадь. Видел дома с недостаточно крепкими дверьми и простыми окнами вместо бойниц. Рва — и того нет, только ручей да белые камни, о которые женщины колотят белье.

Свою слабость Тови ощущал не менее остро. На хлебе с деревенским маслом живот вырос дальше некуда, правая рука уже устала держать палаш.

— Ничего, я найду в себе силы, — сказал он вслух.

Капитан Чард ехал медленно и держался в седле очень прямо. Исхлестанная спина, несмотря на медовый бальзам, горела так, словно ее постоянно жалили осы. Кольчуга усугубляла мучения, и настроение у капитана было прескверное. Окажись Обрин более ревностным палачом, ему бы и вовсе не жить: даже тридцать ударов плетью-трехвосткой, если бить сплеча, могут убить человека. Обрин щадил свою жертву, но свинец, вплетенный во все три хвоста, свое дело сделал. Чарду тошно было вспоминать, как он стоял у столба и грыз кожаный ремень. Он твердо решил, что кричать не будет, но не выдержал и кричал, пока не лишился сознания на тридцать четвертом ударе.

Спину ему намазали смесью вина и меда, три самых глубоких рубца пришлось даже зашить — однако вот и двух недель не прошло, а он уже сидит на коне и возглавляет отряд.

Милость барона он встретил благодарственным лепетом, но барон не пожелал его слушать.

— Смотри не подведи меня снова, Чард. Сколько тебе нужно людей?

— Триста, ваша милость.

— На одну деревушку? Бери уж тысячу, — засмеялся барон.

— Но их там двести человек!

Барон заглянул в свои записи.

— Около ста пятидесяти. Пятьдесят из них — дети до двенадцати лет, еще сорок — женщины. Мужчины все пахари, пастухи, ни единого воина. Даю тебе полторы сотни. Пленных не брать. Жителей для примера повесить, деревню сжечь.

— Слушаюсь. Ваша милость, говоря о пленных, подразумевали... мужчин?

— Убейте всех до единого. Твоих солдат я сам отбирал. Наёмники, сплошь подонки. Трудностей с ними не будет. Как управится, дай им пограбить. Молодых девок они, может, тоже не сразу прикончат. Пусть позабавятся, это хорошо поднимает боевой дух. — Барон устремил на Чарда холодный взгляд. — Что-то не так?

Чарду хотелось набраться мужества и сказать, как противна ему подобная бойня, но он лишь слегка сглотнул и промямлил:

— Никак нет.

— Как твоя спина?

— Заживает.

— Ты ведь не подведешь меня снова, Чард?

— О нет.

Солнце стояло высоко, рубцы щипало от пота. Отряд спустился на дно долины, и со стонущим Чардом поравнялся другой офицер.

— За теми холмами, что ли? — Глаза у офицера были навыкате, лицо рябое. Вокруг ноздрей сидели белые прыщики, на затылке зрел чирей. — Баб-то там много?

— Обеспечьте прикрытие с левого фланга, — приказал Чард.

— Зачем? Это ж деревня. Кому тут засаду устраивать?

— Выполняйте.

— Как скажете. — Офицер с плохо скрытой усмешкой повернулся в седле и крикнул: — Каждый второй налево, для прикрытия. Остальные направо. Насчет атаки какой приказ будет?

— Много ли есть способов, чтобы убивать безоружных?

— Зависит от того, знают они о нападении или нет. Если нет, просто собираете всех в одну кучу и знай руби. Если они

знают заранее, то запираются в домах или бегут в лес. Тут возможна и конная атака, и пешая. Вам решать.

— Эта деревня у вас не первая, верно?

— Я им уже и счет потерял. Вы не поверите, как хорошо узнаются люди в таких вот набегах! На это ведь не каждый способен. Был у нас один молодой парень, бесстрашный такой. Мечом и копьем владел превосходно, а как дошло до устремления, сплоховал. Мечтался туда-сюда, рыдал, как ребенок. Знаете, что с ним случилось? Какой-то мальчуган наскочил на него и перерезал ему глотку серпом. Жаль чертовски. Большие надежды подавал этот парень.

— Пошлите разведчика, пусть поглядит на деревню сверху.

Молодой солдат галопом въехал на холм и махнул остальным.

Чард с другим офицером поднялись к нему первыми. К югу от Силфаллена протекал узкий ручей с двумя мостиками. Чард полагал, что лошади преодолеют его без труда. За ручьем была подпорная стенка фута два высотой и тридцать длиной. Дальше начинались дома, которые ему предстояло сжечь. Из одного вышла молодая женщина с корзиной белья, опустилась у ручья на колени, стала стирать. Чард вздохнул и распорядился:

— Пятьдесят человек на север, чтобы отрезать им дорогу к холмам. Остальные атакуют деревню с юга.

Полусотня отправилась на северо-запад.

— Вам, Чард, я бы советовал подождать здесь, — вполголоса сказал младший офицер. — Я слышал, что у вас вся спина в ранах, поэтому в бою от вас пользы мало. Ну и... погрезиться, наверно, вы тоже не захотите. Предоставьте все мне и моим людям, согласны?

Чарду очень хотелось согласиться, но он сказал:

— Атаку предпримем вместе, а там уж... погрезитесь сколько угодно.

— Я просто помочь хотел, — с широкой ухмылкой ответил другой.

Когда пятьдесят кавалеристов вышли на свою заградительную позицию, Чард обнажил меч и сказал рябому:

— Командуйте.

— Пленных не брать! — крикнул тот. — Сначала дело, трофеи потом! Вперед!

Чард, подумав мельком, простит ли его когда-нибудь Бог, тронул коня шпорами. Кавалеристы, снаряженные легче, чем он, без шлемов и в кожаных панцирях, опережали его, формируя три атакующих клина.

Чард отстал от последнего корпусов на пятнадцать, когда первые ряды достигли ручья. Прачка бросила свою стирку, подобрала юбки и побежала к дому. Лошади под хриплые крики наездников врезались в воду, поднимая фонтаны алмазных брызг.

На середине ручья случилось непостижимое. Лошади кричали от страха и боли, всадники кувыркались с них.

Проволока! Они натянули ее под водой, понял ошеломленный Чард. Деревня подготовилась к набегу заранее.

Конные второй очереди осадили коней, но свалки не избежали. Чард тоже придержал своего. Опыт подсказывал ему, что проволокой дело не обойдется. Защитников он не видел нигде, однако...

Миг спустя из-за подпорной стены поднялись десятка два лучников и стали осыпать стрелами кишащих в ручье солдат. Наемники с воплями разбегались, а длинные стрелы пронзали их смехотворные латы насеквоздь.

— Спешиться! — закричал Чард. — В атаку шагом марш!

При всей своей низости бойцы они были хорошие. Бросив лошадей, они ринулись на стрелков, стоявших футах в тридцати за ручьем. Атакующих было около двадцати, но Чард

предчувствовал, что в рукопашном бою крестьяне сомнут их. Подскакав к ручью, он подбадривал солдат криками.

Из-за домов вывалила толпа: мужчины с клейморами, серпами, копьями, женщины с ножами и топориками. Не тратя времени, они обрушились на солдат. Толстый пекарь Тови разрубил одного чуть ли не пополам своим клеймором, белобородый кузнец Грейм схватил рябого офицера за горло и молотом вышиб ему мозги.

Наемники побежали, но бежать было некуда.

Чард проскакал вдоль ручья, пересек мост и помчался за полусотней, ушедшей на север. Они, как было приказано, расположились цепью ярдах в двадцати ниже опушки леса. С ними он мог переломить ход сражения.

Забыв о боли, он несся вверх по холму.

Еще немного, и он, охваченный ужасом, увидел, как солдаты падают с лошадей, пронзенные стрелами сзади.

Из леса шеренгой показались стрелки — смуглые всадники в черных, отделанных серебром доспехах. Приблизившись к ошеломленным наемникам, они бросили луки и выхватили горящие серебром сабли. Бой приняли лишь немногие из уцелевших солдат — остальные повернули коней.

Чард, понимая, что нового поражения ему не простят, кинулся в сечу. Из неприятельских рядов навстречу ему выехал всадник на вороном коне, в красном плаще поверх серебристых доспехов. Чард, подняв саблю, пришпорил усталого скакуна.

Кони сшиблись. Чард вылетел из седла, серебряный всадник соскочил сам. Отчаявшийся капитан, приподнявшись, махнул своим широким мечом. Воин ловко перепрыгнул через него и рубанул Чарда саблей по голове, сбив с капитана шлем.

Оглушенный, он повалился на спину. Острие сабли пронзило ему горло, пригвоздило его к земле.

Не успев почувствовать боли, он испытал какое-то странное облегчение. На его совести не будет убитых детей и замученных женщин. И Бог, быть может, простит его.

Асмидир отдал команду спуститься в деревню. Сигурни переступила через труп. Она тяжело дышала, но чувствовала во всем теле странную легкость.

— Ну как ты? — Асмидир положил руку ей на плечо.

— Не трогай меня! — прошипела она. Он оторопел, но что это значило в сравнении с паникой, охватившей ее? — Руки прочь!

— Сигурни, — с тревогой произнес он. — Меня ты можешь не опасаться. Бой окончен, и мы, я думаю, победили. Возьми себя в руки, пока остальные ничего не заметили.

Сигурни оправилась от мимолетного ужаса, и ее пробрала дрожь.

— Боже, что со мной такое творится? — Она бросила саблю, села на траву.

Асмидир опустился рядом.

— Можно сказать, что это бой на тебя так подействовал — хотя мы оба знаем, что это неправда. Не будем пока думать об этом и насладимся победой. Она твоя, и только твоя. Я горжусь тобой еще и потому, что сам, как известно, не верил в мудрость этого шага и думал, что время для открытого столкновения еще не настало. Ты доказала, что я был неправ. Быть может, теперь ты объяснишь мне причину своей уверенности?

Она улыбнулась, и ее отпустило.

— Дело не в уверенности. Ты говорил, что я должна обладать каким-то особым даром. Время покажет, так это или нет, но одно я знала: без победы за мной никто не пойдет. Кто я такая? Неопытная женщина в мире закаленных мужчин.

— Но почему Силфаллен? Откуда ты знала, что они сюда явятся? В горах десятки таких деревень.

— Это верно. Всем мы помочь не сумеем, но Силфаллен — моя деревня. Отсюда они взяли заложников. Дома стоят на открытом месте и ничем не защищены. Кроме того, на пути из Цитадели это первое большое селение.

— Да, но как ты могла знать, что они нападут?

— Я расспросила Обрина, как у них поступают в подобных случаях. Он полагал, что сюда пошлют от ста до двухсот солдат.

— Мы поставили все на один бросок, госпожа моя, и могли проиграться вчистую, — с улыбкой сказал Асмидир. — Больше так рисковать не советую.

Она встала и протянула руку ему. Он, боязливо посмотрев ей в глаза, сжал ее запястье, быстро поднялся и тут же убрал руку.

— Это потребовало немалой храбрости, верно? — спросил он.

Она кивнула:

— Извини, Асмидир. Ты мой друг и останешься им на всегда. Но у меня что-то отняли, и этого я назад вернуть не могу.

— Боюсь, что не отняли, а добавили. Влили в тебя яд, разъедающий твое сердце. Да, я твой друг, Сигурни. Больше того, я люблю тебя и готов за тебя умереть. Но своих мучителей способна победить только ты сама.

— Что значит «победить»? Я убила их!

— Ты не понимаешь. Они мертвы, но ты не в силах с ними расстаться. Они присутствуют во всех твоих мыслях, ты видишь их во всех мужчинах — даже твоих друзьях. Я ничего не могу тебе посоветовать, ибо не могу почувствовать в полной мере то, что испытала ты. Ты неприступна, словно крепость, для тех, кто любит тебя, а в стенах твоих затаился враг. Думай сама, как поднять решетку в воротах и позволить друзьям войти.

— Все это чушь. Нет никакой решетки, — сказала она и направилась к своему коню. — Едем в деревню.

Весь путь они проделали молча.

На узких улочках Силфаллена густо лежали трупы нижнесторонних. Сигурни, равнодушно глядя на них, правила к южной околице. С убитых наемников снимали оружие и связали их через мост на поле. На подпорной стенке у ручья сидел Фелл со своими лесниками. При виде Сигурни все встали, а она спешилась и подошла к ним.

— Молодцы, да и только. Потери есть?

— Трое наших ранены, но легко, у деревенских четверо убитых и одиннадцать раненых.

Сигурни знала всех людей Фелла, а трое из них недолгое время были ее любовниками. Они молчали и смотрели на нее с некоторой опаской.

— Вы видели, как нижнесторонние соблюдают мир. По весне они придут сюда со всем своим войском, чтобы истребить горцев, их жен и детей под корень. Я намерена дать им отпор — такой же, как нынче. Я залью горы их кровью. Нас пока мало, но скоро все переменится. Кто хочет служить мне, пусть скажет об этом Феллу. Кто не хочет, тому не место в горах. У нас теперь два лагеря — горцы и нижнесторонние. Кто не примкнет ко мне, будет считаться предателем и разделит участь врага. Это все, что я хотела сказать. Теперь, — повернулась она к Асмидиру, — мне нужно повидать Тови.

Пекарь, успевший разоружиться, растопил свои печи и замешивал тесто.

— В последний раз, — сказал он вошедшим со смущенной улыбкой. — Захотелось, вот и не удержался. — Он обвел взглядом пустые полки. — Вся жизнь здесь прошла.

— Теперь у тебя будет другая жизнь, — сурово молвила Сигурни. — Ты был воином, Тови, и знаешь, что такое дисциплина. Будешь вместе с Греймом и Феллом обучать муж-

чин Лоды военному делу. Вы всей деревней уйдете в лес. Отберете боеспособных, сделаете запасы на зиму, выставите разведчиков, чтобы помешать новым вражеским вылазкам. Тебе все ясно?

— Ясно одно: победы нам не видать.

— Как так? Мы только что победили!

Тови обтер тесто с пальцев, подошел к Сигурни.

— Победили отряд наемников с никудышным командиром. Заманили их в западню. Но что будет, когда сюда придет барон с регулярной армией? Я видел, как дрался сегодня твой Обрин — это же смерть. А нам придется иметь дело с тысячами таких, как он!

Глаза у Сигурни стали ледяные, голос резал, как нож.

— Я вижу, у тебя все мужество в жир ушло? Я Сигурни из королевского рода. На мне красный плащ. Я не обещаю победы, я обещаю войну и смерть. У тебя два выбора. Первый — забрать семью и бежать отсюда. Второй — преклонить колено и дать присягу служить мне до смертного часа. Решай немедля, лорд-ловчий!

Услышав этот титул, Тови осталбенел, и его глаза гневно вспыхнули.

— Ты побывала в одном сражении, Сигурни, я — во многих. Я знаю, что такое война и к чему она приводит. Это чумная язва. Она губит все и рождает ненависть, которая живет целыми поколениями. Но я лорд-ловчий и не оставлю свой народ в эту лихую годину.

— Тогда присягай, — приказала она.

Тови опустился перед ней на одно колено.

— Служу тебе мечом и жизнью моей.

— Да будет так, — ответила Сигурни и вышла на улицу.

Грейм сидел около своей кузни с завязанной выше локтя рукой. Сидевший рядом Гвалчмай встал, закачался, рыгнул и сел опять.

— Пьяный, — весело пояснил Грейм.

— Он всегда такой, — сказала она. — Согласен ты мне служить, Грейм?

Он поскреб густую белую бороду.

— Ты изменилась, девочка. Железо в тебе всегда было, но тебя пропустили через огонь, и ты стала что твой булат. Я согласен. Что для этого нужно?

— Присягнуть.

— Я уже присягал однажды, но король бежал с поля боя и бросил нас.

— Я не побегу, Грейм. Присягай.

Он посмотрел ей в глаза, согнулся колено.

— Служу тебе мечом и жизнью моей.

— Да будет так.

— С чего начинать? — поднявшись, спросил кузнец.

— Тови скажет тебе, чего я от вас хочу. Для начала соберите все оружие, возьмите провизию и ведите односельчан на земли Паллида. Когда это будет сделано, поговорим снова. Все мужчины, которые пойдут с вами, должны дать присягу, Грейм. Отныне мы снова становимся горцами, и чести у нас никто не отнимет. Ясно?

— Слава тебе, королева-воительница! — вскричал Гвалч, подняв кувшин.

Сигурни стало не по себе.

— Молчи, старый дурень. Оставь свой пьяный бред при себе.

— Он, может, и пьян, но не бредит, — возразил Грейм. — Только сюзерен может требовать, чтобы ему присягали, и только сюзерену принес бы я свою клятву. Ты королева, Сигурни, и назад пути нет.

Во время их разговора Фелл со своими людьми и крестьяне Силфаллена образовали широкий полукруг возле кузницы.

Все они слышали хмельную здравицу Гвалча и теперь смотрели на Сигурни растерянно и с тревогой.

Она медленно поднялась в седло и в полной тишине, провожаемая их взглядами, поехала шагом к холмам.

8

Милостивые боги послали зиму на дюжину дней раньше, чем следовало. Метели забушевали в горах, снег завалил перевалы и сделал опасными даже лучшие из дорог. Сигурни сидела высоко на склоне, завернувшись в овчину. В миле от нее брели по снегам три фигуры.

Силфалленская победа осталась далеко позади, скрылась под грудой дурных новостей. Нижнесторонние, взвешенные разгромом наемников, послали в горы три крупных отряда, на запад и на восток. В трех фарленских деревнях перебили больше четырехсот горцев, а палладское селение на востоке и несколько хуторов Лоды увеличили число жертв до пятисот.

За десять дней до этих событий Сигурни с Феллом и Асмидиром отправились в главный город Фарлена — набрать бойцов в свое растущее войско. Там ее ждал суровый урок. Глядя на идущих по снегу людей, она заставила себя припомнить все до последней мелочи.

На площади собралось больше пяти сотен народу во главе с лордом-ловчим, Торганом. Его черные курчавые волосы лежали на лбу острым мысом, на макушке светилась плесть. Худой и высокий, он встречал гостей на высоком сиденье среди площади. По бокам от него стояли шестеро воинов с посохами из черного, украшенного серебром дерева, у ног сидел белобородый старец в серой хламиде.

— Чего ты ищешь здесь, Лода? — бросил, не вставая, Торган, когда Сигурни спешилась.

— Этот человек — Одаренный Фарленского клана? — спросила она, указав на старца.

— Он самый, только тебе до этого дела нет.

Повернувшись к собравшимся, Сигурни увидела в толпе враждебные лица.

— Известно ли народу Фарлена, что видит он в своих снах?

— Известно. — Лорд-ловчий поднялся с места. — Он рассказывал нам о смутьянке, несущей смерть и разрушение кланам. О распутной Лодихе, которая вызвала ярость нижнесторонних, убив кого-то из них. И все в его снах — правда!

— Он не Одаренный, — спокойно, сдерживая гнев, ответила Сигурни. — Он обманщик и лжец. Больше я о нем говорить не буду. Услышьте, Фарлены: мы разбили иноземцев, которые вторглись в Силфаллен. Но они придут снова и будут убивать на своем пути всех, будь то Лода, Фарлен, Паллид или Вингорас. Все истинно Одаренные знают об этом, и скоро вы убедитесь в моей правоте. Я, Сигурни из рода королей, не говорю лживых слов.

— Мы тебя знаем, Сигурни, — засмеялся Торган. — Слава о твоих дарованиях дошла и сюда. Убирайся с фарленской земли и будь довольна, что мы не связали тебя и не выдали нижнесторонним для заслуженной казни. Ступай к своей шайке и скажи недоумкам, которые идут за тобой, что Фарленовы надуть не так просто.

— Как я могу им это сказать, если вы сами себя дурачите? — Сигурни снова села в седло и обернулась к Фарленам: — Есть и другие Одаренные, в других кланах. Будьте разумны и посоветуйтесь с ними. Настали кровавые времена, нас перебьют поодиночке, если мы не будем держаться вместе. Существует пророчество о вожде, который объединит кланы перед угрозой нашествия, и вождь этот — я.

— Ни одна шлюха не возглавит Фарленов! — крикнул лорд-ловчий. — Убирайся, пока тебя не побили камнями.

Теперь, сидя в сумерках среди холодных скал, она заново переживала испытанный тогда гнев. У Паллидов ее приняли лучше, но воинов тоже не дали. В долине Ларн, немного не доехав до города, ее встретил Лоран. Он поклонился ей.

— Добро пожаловать, госпожа, рад видеть тебя снова, — сказал он с поклоном. Тот день у водопада Железнорукого остался как будто в другой жизни, и она не сразу узнала белокурого красавца Паллида. — Доспехи тебе к лицу, — продолжал он. — Сожалею, что мы не построили Лоде более достойных пристанищ. Времени недостало.

— Ничего, — молвила она, и тут из леса вышел человек, крайне ее удививший. Выше шести футов, невероятно широкий в плечах, с шеей, равной по толщине ее, Сигурни, бедру. Усов он не носил, но бакенбарды, сливаясь с растущей на огромной голове гривой, делали его похожим на льва. — Боже! — пропела Сигурни. — Он настоящий?

— Это мой кузен Мерет, — хмыкнул Лоран, — и он настоящий, да.

— Она, что ли? — громыхнул Мерет, с прищуром глядя на женщину.

— Да, Мерет. Это Сигурни.

Гигант, едва не ткнувшись головой ей в лицо, одобрительно произнес:

— Красивая.

— Зрение у Мерета слабое, — объяснил Лоран, — но в остальном он сильнее всех, кого я когда-либо знал.

— Сильней всех, кто жил на земле, — гордо поправил Мерет. — Шест я метнул дальше Ленникса. Все говорили, что это невозможно, потому что он был великан, а я вот метнул. Ты у нас теперь королева?

— Погоди, Мерет. — Лоран мягко положил руку ему на плечо.

— Я просто спросил. Слышал, как лодский Одаренный назвал ее королевой, вот и спросил.

— Лодский Одаренный — пьянчуга. Поставь в стойло коня этой дамы, а потом приходи к Фиону.

— Я и драться тоже умею, — заверил Мерет. — Я ничего не боюсь.

Сигурни и Лоран пошли в город пешком.

— У него не только зрение слабое, — заметила она, когда Мерет скрылся из глаз.

— Ты слишком строга к нему. Он не простак, хотя умом и не блещет. Просто ему надо все хорошенько обдумать.

Фион Острый Топор принял ее в своем старом, красивом каменном доме под фигурной грифельной кровлей. Фион, Лоран и Мерет, сидя за длинным столом, внимательно слушали рассказ Сигурни о событиях, итогом которых стало сражение при Силфаллене. Когда она закончила, лорд-ловчий, воин могучего сложения с черной, пронизанной серебром бородой, поднял в ее честь кубок.

— Хвала тебе, Сигурни, за спасение людей своего клана. Но я не знаю пока, тот ли ты вождь, о котором говорится в пророчестве. Наши Одаренные говорят, что он должен прийти, но не могут назвать его имени. Я понимаю, что выбора у нас теперь нет — если мы хотим жить, то должны сражаться. Тебе я командовать не доверю, ведь военного опыта, несмотря на силфалленскую победу, у тебя нет. Притом ты женщина, и не пристало тебе вести мужчин в бой. Я говорю это не затем, чтобы унизить тебя. Я восхищаюсь твоим мужеством, но мной руководит здравый смысл. Без мужчин, в конце концов, обойтись можно. Если после войны в клане останется всего десять мужчин, но при этом будут и женщины, он выживет, но если женщин останется лишь десяток — клану конец. Мужчины созданы для охоты и войн, женщины для сбора плодов и деторождения. Так повелось в этом мире. Не вижу, как могут

Паллиды признать своим вождем женщину, пусть даже такую, как ты, отважную.

— Твои страхи мне понятны, — кивнула Сигурни, — но я хочу послушать, что скажет Лоран.

— Я, как и все, ждал обещанного вождя, — начал тот, — и был удивлен, когда Гвалчмай назвал твое имя. Мы, конечно, знаем, что в тебе есть кровь Гандарина, который по прямой линии происходит от Железнорукого. Твой сын стал бы наследником трона, но сына у тебя нет, и не было еще такого, чтобы во главе кланов стояла женщина.

— А как же Королева-Колдуња?

— Да, Королева-Колдуња... но ведь ее призвали из-за Врат с помощью волшебства. И она не осталась править нами — ушла в свою страну, когда война была выиграна.

— Не останусь и я, — заверила Сигурни.

— Так или иначе, я не готов вынести решение, — сказал Лоран. — Я вместе с лордом-ловчим возводю тебе хвалу за победу и осуждаю Фарленов, которые дурно с тобой обошлись, но переходить под твою руку Паллиды пока воздержатся. Прошу тебя не судить нас слишком сурово.

— Нет, Лоран, я тебя не сужу, — проговорила Сигурни, поднимаясь из-за стола. — Ты пришел к Тови и предупредил его о вторжении. Благодаря тебе он отправил к Паллидам достаточно много припасов, чтобы Лода могла перезимовать. Вы дали нам землю, построили нам дома. Я вам благодарна, понимаю вашу тревогу и охотно отказалась бы от роли вождя, но не могу. Теперь я знаю твердо, что в пророчестве сказано именно обо мне — знать бы еще, как убедить Паллидов. Чего вы от меня ждете?

— Хороший вопрос. — Фион тоже встал и перешел к горящему очагу. — Вот только ответа на него я не знаю. Нам нужен знак, Сигурни — а пока занимайся теми воинами, которые у тебя уже есть.

Десять дней спустя Фион приехал к ней в лагерь Лоды.

— Добро пожаловать, — сказала она, когда он вошел, пригнувшись, в низкий бревенчатый сруб, освещенный только жаровней. Чернокожий, сидевший там с Сигурни, вызвал у Фиона легкий испуг. — Это Асмидир, мой генерал и большой мастер военного дела.

Асмидир протянул Фиону руку, и тот, пожав ее, оповестил:

— Нижнесторонние напали на фарленские деревни. Убиты сотни людей, в том числе женщины и дети. Их лорд-ловчий со своими воинами вознамерился отомстить, но их окружили и изрубили на части. Торган ушел, потеряв больше трехсот бойцов. В этом он винит тебя — говорит, что ты наслала проклятие на его клан. А мои собственные разведчики доносят, что теперь нижнесторонние идут на нас. Не минует и пяти дней, как они будут здесь.

— Не дойдут, — уверенно молвила Сигурни. — Ветер пахнет снегом, метели их остановят.

— Пусть так, но что же будет весной?

— Будем надеяться, что к тому времени вы узрите свой знак, — холодно ответила она.

...Сигурни плотнее запахнулась в овчину. К ней прибежала Леди, и она, сняв теплую рукаицу, погладила собаку по голове.

— Скоро пойдем в тепло, девочка.

Леди, слыша ее голос, замотала хвостом по снегу.

Три пешехода достигли подножья горы, и Сигурни теперь ясно видела их. Это были Фелл, Гвин Черноглазый и Бакрис Беззубый. К ней они поднялись, когда стало темнеть. Густой снег повалил снова, засыпав голову и плечи лесничего.

— Ну что? — спросила его Сигурни.

— За твою голову назначили тысячу гиней. А к весне они ждут еще три тысячи войска.

— В Силфаллене был?

— Там камня на камне не оставили, — вздохнул Фелл. — Деревни как не бывало.

— Ладно, пойдем на зимовье. Остальное расскажешь там.

— Кое-что я хочу сказать сразу. — Он стряхнул снег с волос. — В Цитадель приехал чародей с юга, Якута-хан. О нем ходит много историй. Говорят, он способен вызывать демонов.

Сигурни прочла страх в глазах разведчиков и надеялась, что они не увидят того же в ее глазах.

— Я его не боюсь, — вырвалось у нее.

— Прошлой ночью он вдруг явился в пламени нашего костра, — подал голос Гвин. — Скажи ей, Фелл.

— Он велел передать тебе, что он идет. Сказал, что в ту ночь у водопада тебе повезло, но больше он не промахнется. Сказал, что ты его сразу вспомнишь: в прошлый раз он держал в руке сердце твоего отца. Сказал и исчез.

Сигурни отвернулась. Во рту у нее пересохло, сердце бешено колотилось. Вся во власти страха, едва держась на ногах, она ухватилась за дерево.

Демоны угрожали ей снова.

Для Тови наступление зимы стало настоящим кошмаром. Люди Лоды, числом около трех тысяч, расселились в двух долинах, в пяти лагерях. Их всех надо было чем-то кормить. Почти весь скот, угнанный на север после силфалленской битвы, забили на мясо, оставив лишь малое количество племенных животных. Но на одном мясе не проживешь. Беженцам недоставало овощей, недоставало сушеных фруктов. Старые, малые и хворые страдали расстройством кишок. В первый же месяц зимы Лода склонила одиннадцать стариков, но худшее было еще впереди. Когда молоко у коров иссякнет, начнется подлинный голод. Снег завалил дороги, и даже от одного ла-

геря до другого трудно стало добраться. Поставленные Палладами срубы, хотя и крепкие, плохо вато держали тепло и тошились по-черному.

Жалобы нарастили, моральный дух падал. Молодежь возмущалась Обрином: каждый день он гонял своих новобранцев нещадно, заставляя бегать, лазить по горам, сражаться попарно. Тови попытался втолковать нижнестороннему, что в горах так не заведено, да где там...

Лорд-ловчий поднялся, как всегда, на рассвете. Озябшая жена жалобно застонала, и он укрыл ее своим одеялом. Дети еще спали. Тови развернуши едва тлеющие угли, раздул, добавил растопку. Натянул сапоги, надел теплую рубаху. Приоткрыл дверь, которую завалило ночным снегопадом, притиснулся в щель, отгреб снег руками, закрыл снова.

Навстречу ему из своей хижины вылез Грейм в длинном овчинном тулупе, с топором дровосека.

— Небо ясное, — сказал он. — Сегодня вроде помягче.

— Худшее еще впереди, — пробормотал в ответ Тови.

— Сам знаю, — рявкнул кузнец, — да только незачем видеть всюду только плохое.

Тови покраснел, услышав этот упрек.

— А чему тут радоваться? Назови хоть одну причину, и я тебе джигу сплящу. Три тысячи человек сидят и ждут либо голодной смерти, либо того, что их весной перебьют. Не так, что ли?

— Может, так, а может, и нет. Сам подумай: у нас теперь пятьсот воинов, крепких ребят, горящих гневом и жаждой мести. К весне их будут тысячи, вот тогда и увидим. К чему отчаяваться? Ничего хорошего в этом нет.

— Не умею я скрывать свои чувства, Грейм. Я уже старый, и огня во мне не осталось. Сына моего убили, деревню сровняли с землей. Трудно жить с предчувствием, что всей оставшейся семье тоже суждена гибель.

— Ты не так уж и стар, а что до трудной жизни, то ты уже много лет не выглядел таким молодцом. Волка деревьев и постройка домов тебе на пользу пошла. По весне будешь махать клеймором, как гусиным перышком, вот огонь и загорится опять.

Улыбнувшись через силу, Тови обвел взглядом лагерь. Новый общинный дом к югу от них вырос уже футов на пять. Сруб просторный, восемьдесят футов на тридцать — когда его достроят, можно будет собираться вместе по вечерам, и люди воспрянут духом.

— Долго ли еще? — спросил он, кивнув на бревенчатые венцы.

— Дней пять. Нынче рубим лес на северном склоне. Если снегопада не будет, авось и за три управимся.

Народ потихоньку выходил из домов. Обрин, которому кто-то дал кожаные штаны и куртку, пристроился к дереву по малой нужде.

— Не люблю я его, — сказал Тови.

— Да, мужик что твое железо, — поддержал Грейм.

— Это бы пусть, а вот спесь его мне хуже репьев под шкурой. Ты глянь, как он ходит... точно он тут господин, а мы его крепостные.

— Придирчив ты больно. Фелл тоже так ходит. И Сигурни.

— Да, но они-то горцы.

Грейм расхохотался и хлопнул его по плечу.

— А это, по-твоему, не спесь, друг сердечный? Притом Обрин тоже горец. Сын Фелла.

— Надень на волка портки, волком он и останется.

— С тобой сегодня не сговоришься, лорд-ловчий, — сказал Грейм и пошел прочь по снегу.

Тови почувствовал себя виноватым. Кому же ободрять всех остальных, как не лорду-ловчему? Обрин, раздевшись до по-

яса, обтирался снегом, и Тови различил множество шрамов на его груди и плечах.

— Доброе утро, — холодно молвил нижнесторонний.

— И тебе доброе, Обрин. Что твои парни, постигают науку?

Обрин надел рубашку и куртку.

— Шесть отрядов еще туда-сюда, а остальные... Не могу же я заставлять их учиться, если они не хотят.

— Горца нет нужды учить драться.

Обрин улыбнулся, что случалось с ним редко — но лицо его от этого не смягчилось, а сделалось еще более устрашающим.

— Что верно, то верно, лорд-ловчий. Драться они умеют и умирать тоже. Не понимают только, что воевать — значит не просто подраться и умереть. Что еще и победить требуется. Без дисциплины же ни одна армия победить не может. Когда полководец отдает какой-то приказ, то ему — в нашем случае ей — должны подчиняться беспрекословно. У нас не то. У нас имеется пять сотен героев, которые при виде врага хватаются за клейморы и идут умирать, как Фарлены.

Тови проглотил подступивший гнев. Что смыслит нижнесторонний в клановой гордости и воинской чести? Для чужеземцев война не доблесть, а ремесло. При всем при том этот вояка честен и нельзя сказать, чтобы совсем не прав.

— Ты пойми, Обрин, — мягко заговорил он. — У нас каждый человек на особицу. Споры между кланами всегда решались единоборством, и никакой тактики мы отродясь не знали. Даже воюя с вами... мы просто шли в бой и гибли. Так мы сражались на протяжении поколений. Не знаю уж, способны ли те, что постарше, усвоить твою науку. Так что наберись терпения и попробуй как-то убедить молодых.

— Я уже все доводы исчерпал, — упорствовал Обрин. — Мало им разве примера Фарленов?

— Мы люди гордые. По доброй воле мы пойдем хоть в преисподнюю, но силком нас никуда не загонишь, понял?

— Я подумаю над этим, — сдался нижнесторонний. — Ты ведь знаешь, я не офицер, не военачальник. Всему, что знаю, научился сам за семнадцать военных лет. Но я подумаю.

— С вашего позволения, лорд-ловчий, — с учтивым реверансом сказала девушка, закутанная в теплую шаль. — Мой дедушка слег и подняться не может. Не зайдете ли к нам?

— Иду, девочка, — устало ответил Тови.

Его усталость не укрылась от внимания Обрина. Неверие лежит у него на плечах, как плащ, подумал бывший сержант. С этой мыслью он стал подниматься по склону в пещеру, где собирались его бойцы. Трое, пришедших первыми, уже развели костер. С появлением Обрина разговор оборвался. Два свертика, которые он принес сюда раньше, остались нетронутыми. Мало-помалу, кто поодиночке, кто парами, пришли все двадцать пять человек, сущие дети. На Обрина они смотрели угрюмо и настороженно.

— Сегодня учений не будет, — сказал он. — Мы просто поговорим. Говорить я не мастак, а учитель из меня и того хуже. Но лучшего у вас все равно нет, так что послушайте.

— Зачем это? — осведомился из первого ряда юнец лет четырнадцати. — Ты велишь нам камни таскать — мы таскаем. Велишь бегать — мы бегаем. Охота была слушать речи предателя-нижнестороннего. Твое дело приказывать, наше исполнять.

— Слушать — это и есть мой приказ, — спокойно ответил Обрин. — Мне плевать, нравлюсь я вам или нет. Тут не дружеская пирюшка. Я одного добиваюсь — чтобы вы худобедно научились защищать своих близких от могущественного врага. Умереть вы готовы хоть сейчас, это я знаю. Фарлены всем показали, как мало горец дорожит своей жизнью. Но ваша

смерть победы не обеспечит — победить можно, когда умирает твой враг. Неужели это так трудно понять? Лорд-ловчий говорит, что слишком горда ничего не заставишь делать. Это и к ученью относится? Тогда непонятно, как горцы строят дома, ткут шерсть, куют мечи и гнут луки. Всему нужно учиться, и военному делу тоже. Это точно такое же искусство, умение делать ход и отвечать на него. Нижнесторонние, как вы их называете, отлично это умеют.

— Мясники они, вот что, — сказал кто-то сзади.

— Да, мясники, если хочешь. Но в бою они действуют слаженно. Это называется дисциплиной. Дисциплина не имеет ничего общего с честью и доблестью, но лежит в основе всякой победы. — Обрин размотал первый сверток. В одеяле лежала дюжина палочек с большой палец толщиной и в локоть длиной. Он раздал их тем, что поближе, и приказал: — Ломайте!

— Зачем? — ухмыльнулся кто-то.

— Ломайте, и все тут.

Затрещало дерево, и чей-то голос под общий смех подытожил:

— Ну вот, одной премудростью меньше. Научились палки ломать.

— Легко ведь, правда? — беззлобно подхватил Обрин. — Даже ребенку под силу. Именно так, дорогие мои, нижнесторонние с вами и разделяются. Дело тут не в отваге, не в доблести, а в том, что вы разобщены, как эти вот палочки. А вот как воюют нижнесторонние. — Он достал из второго свертка связку точно таких же палочек и бросил ее шутнику. — Покажи, чему научился — сломай их!

Тот хрестнул связкой через колено. Несколько палочек сломалось, но пучок не распался, и юноша сердито кинул его в огонь.

— И что же это доказывает? Дай мне клеймор и увидишь, на что я способен!

— Сядь, парень. В твоем мужестве я не сомневаюсь, а урок мой прост. Вы только что видели две связки по дюжине палочек каждая. Одна ломается, другая нет. Так же и с армиями. На Золотом поле кланы сражались единственным известным им способом: стояли плечом к плечу и махали клейморами, а лучники, пращники, копейщики, тяжелая кавалерия и пехотинцы в броне валили их сотнями. Нет, они не побежали, они остались стоять и погибли, как подобает мужчинам. Сколько мужества потрачено втуне, Бог мой! Видел ли кто-нибудь из вас гибель Фарленов?

Отозвались несколько человек, и Обрин, кивнув, сделал им знак молчать.

— Я и без слов знаю, как было дело. Нижнесторонние находились в долине, и Фарлены напали на них сверху, сверкая клейморами на утреннем солнце. Нижнесторонние образовали стену, сомкнув щиты и выставив копья. Фарлены попытались пробиться сквозь эти копья, и тут из лесу справа появилась конница, а слева лучники. На горцев посыпалась стрелы. Сколько длился бой? Не час и даже не полчаса. Все, по словам Фелла, было кончено в считанные минуты. Своих убитых нижнесторонние сложили в одну-единственную повозку — десять, пятнадцать, много двадцать солдат. Фарленов полегло несколько сотен. Большая нужна глупость, чтобы ни-чему не выучиться на таких вот ошибках. — Теперь все слушали внимательно, не сводя с Обрина глаз. — Вам хорошо известны привычки лесного зверья. Олень, увидев стаю волков, спасается бегством. Волки пускаются в погоню, медленно изматывают его, потом окружают и нападают со всех сторон. Кого-то он убьет своими рогами, а после умрет сам. Олень этот — вы, а волки — нижнесторонние, только они будут по-хуже волков. От волка у них хитрость и выносливость, от оле-

ня рога, от медведя когти, от льва клыки. Чтобы победить их, мы должны стать такими же, как они.

— А как? — спросил недавний шутник.

— Хороший вопрос для начала, — похвалил Обрин. — Понимание между нами — вот главное. Скажу вам так: любая война строится на обмане. Если ты слаб, заставь врага поверить в твою силу, если силен — убеди его в твоей слабости. Пусть враг думает, что ты близко, когда ты далеко, и думает, что далеко, когда ты близко. Так нижнесторонние обманули Фарленов. Разведчики донесли им, что клан на подходе, и они спрятали своих конных и лучников. Фарлены увидели пехоту в невыгодной позиции, атаковали ее — и попали в железные челюсти. Мы не станем следовать их примеру. Мы будем драться на своих условиях и в удобной нам местности. Если понадобится, можем и отступить. Отныне оленем будут они, а волками мы.

Это потребует большой дисциплины и великого мужества, но победа достигается только так. Поговорите между собой и выберите офицера, который будет вами командовать. Передайте в другие отряды, чтобы они сделали то же самое. Завтра на рассвете все командиры должны явиться ко мне сюда.

И вот еще что, ребята, — сказал Обрин, когда все поднялись. — Я тоже горец, только с других гор, южных. Мой народ зовется арекки. На ближайшие триста миль я единственный воин своего клана. Я не лгу, не обманываю и не ворую. Я в жизни не предавал друга, ни разу не бежал от врага. Тот, кто назовет меня предателем еще раз, умрет. А теперь ступайте!

Мокрый снег хлестал в окна. Асмидир, сидя за своим письменным столом, корпел над картами горной страны. При мягком свете двух ламп он всматривался в древний пергамент и старался представить себе Дуанский перевал. К востоку кру-

той, к западу отлогий, выходит в два каньона и на длинную узкую равнину. Асмидир обмакнул перо и сделал чертеж, присовокупив к нему величины расстояний и высот.

Вошел Ари в черных с серебром доспехах, спросил с поклоном:

— Кушанье подать сюда, господин?

— Я не хочу есть. Присядь-ка.

Ари сел и стал рассматривать чертеж Асмидира.

— Дуанский перевал... Хорошее место для боя, если защитников больше двух тысяч. Пятьсот человек не удержат склон, их обойдут с запада. Кавалерия возьмет их в кольцо и отрежет пути к отступлению.

— Да, это задача. Надо набрать побольше людей. Половину имущества отдал бы за то, чтобы Каллия со своим полком оказалась здесь.

Ари позволил себе улыбнуться:

— Каллия и Сигурни? Пантера и ястреб... Да, любопытно бы посмотреть.

— Она теперь за три тысячи миль от нас, если еще жива. Но ты прав, занятно было бы увидеть их рядом. Эти карты ты знаешь не хуже меня — откуда, по-твоему, нанесут первый удар?

Ари перебрал пергаментные листы.

— Армия выступит в первый из построенных ими фортоў. Оттуда они, думаю, двинутся на северо-восток, в глубину фарленских земель. Если силы решатся разделить, то второе войско пойдет на северо-запад, к Паллидам. Дуан вы, полагаю, выбрали верно: он расположен в трех милях южнее первого форта.

Асмидир потер глаза, красные от усталости.

— Дуан просто создан для сражения. Враг зажат внизу и отступить может лишь в одну сторону, защитники стоят спиной к горам и уходят при первых же признаках поражения.

Однако здесь, как ты говоришь, нам нужны две тысячи воинов. Где еще можно дать бой?

— Если с пятью сотнями, то нигде.

— Я того же мнения. Барон не дурак, он будет примерно знать, сколько нас. — Асмидир подвинул Ари рисунок с подробным изображением форта. — Может, взять его до прихода армии? На сколько мы сможем задержать их, лишив припасов?

— На четыре-пять дней. Но у них ведь не один форт, а целых три. Они попросту окружат нас и больше не выпустят. Победа и в этом случае невозможна.

Асмидир подошел к окну. Снег валил, заметая свинцовую раму.

— Голова идет кругом. Скажи мне хоть что-нибудь хорошее, все равно что.

— Наш противник — барон, — усмехнулся Ари. — Он горяч, бесшабашен, нетерпелив и до первого боя в грош нас не ставит. Уже хорошо.

— Хорошо, но мало для того, чтобы дать ему по носу. Первый бой должен стать решающим.

— Значит, Дуанский перевал.

— О чём барон, конечно же, догадается. Какие же мы с тобой дураки, Ари, — засмеялся Асмидир. — Ждали столько времени, чтобы умереть на какой-то чужой горе.

— Где-то умирать все равно надо, — заметил аль-джинн.

— Я к этому еще не готов. Я поклялся, что заставлю нижнесторонних расплатиться за гибель Кушира, и должен сдержать клятву — иначе мой дух будет вечно блуждать в Долине Отчаяния.

— Я тоже клялся в этом, мой господин. Мы все клялись. Вся наша надежда теперь на серебряную женщину.

Асмидир заглянул в глаза Ари.

— Что ты о ней думаешь? В самом ли деле она Та, настоящая?

— Ответа на второй вопрос я не знаю, что же до первого — я восхищаюсь ею, вот и все.

— Тебя не смущает, что Избранный оказался женщиной?

— Каллия тоже женщина, однако сражалась на многих войнах. А Сигурни составила гениальный план силфалленской битвы. Дерзкий, на грани гибели, но гениальный.

Асмидир собрал карты и чертежи.

— Завтра поеду в горы. Повидаюсь с ней.

— Это займет около четырех дней, — предупредил Ари. — Многие перевалы стали непроходимыми из-за снега. Не подождать ли вам хорошей погоды?

— Эти горы не знают хорошей погоды. Даже летом ветер до костей пробирает.

— Суровая земля, — согласился Ари, — которая возвращает суровых людей. Вот вам еще одно преимущество в нашу пользу.

Вошел новый воин.

— К вам какой-то человек, господин, — доложил он. — Явился прямо из снежной бури.

— Ты его знаешь?

— Нет. Он очень стар и носит плащ, сшитый из перьев.

— Хорошо, пусть войдет.

Воин пропустил в комнату Талиесена. Тот, не тряся времени на поклоны, пошел прямиком к столу. На его плаще лежал снег, брови и ресницы заиндевели.

— Ее нет, — известил он. — Демоны близко, а она куда-то пропала!

Буря, смешавшая снег с дождем, налетела неожиданно. Заслоняя глаза рукой, Сигурни искала укрытия. Остаться под открытым небом значило умереть. Капюшон ее промокшего плаща покрывался льдом, снежная крупа обжигала щеки.

Она не поддалась панике и вскоре разглядела невдалеке огромную ель, наполовину заметенную снегом. Проваливаясь в сугробы, Сигурни подошла к дереву с подветренной стороны. Хвойные ветки, отстоящие от ствола футов на десять, должны были заменить ей шалаш. Она принялась разгребать снег и вскоре провалилась в ямку, прикрытую сверху, как кровлей, еловыми лапами. Переведя дух, Сигурни достала огниво и зажгла крошево из сухой коры, а от него затеплила толстый свечной огарок. Поставила свечку рядом с собой, прислонилась к стволу.

Маленький огонек не мог растопить снег в пещерке, но не давал и замерзнуть. Наверху, хлеща землю ледяными плетьями, завывала выюга.

Спасена, подумала Сигурни, закрывая глаза. Спасена ли? Разве только от выюги.

Фелл обещал, что не покинет ее вопреки всем чародеям и демонам, но она видела, как ему страшно. Она понимала его, потому что теперь ясно помнила ночь, ставшую ужасом ее детства.

...Когда они ужинали, все лампы внезапно погасли, словно на них дунул ветер. Ветра между тем не было, однако леденящий холод наполнил комнату, поглотив тепло очага. Лицо матери исказилось от страха, но она не стала кричать. Она сорвала со стены клеймор и кинула отцу, который стоял, не сводя глаз с двери. Он казался таким сильным, и его густая рыжая борода при свете очага отливалась красным.

— Лезь под стол, дочка, — приказал он, но шестилетняя Сигурни уцепилась за юбку матери. Та держала в обеих руках ножи.

— Дай и мне ножик, — попросила Сигурни.

Мать с вымученной улыбкой посмотрела на отца. Лишь много лет спустя поняла взрослая Сигурни значение этого взгляда. Поняла, что родители ею гордились.

Дверь распахнулась, и вошел кто-то высокий, весь в красном. Сигурни запомнилось мясистое лицо, маленькие глазки, толстые губы. Оружия у вошедшего не было.

— Я вижу, вы все приготовились к смерти, — сказал он. — Будь по-вашему!

В боку матери открылась вдруг длинная рана. Хлынула кровь. Отец метнулся вперед, но чьи-то когти прошлись по его шее, а платье Сигурни на плече порвалось.

Отец рубанул клеймом что-то невидимое. В воздух брызнула черная кровь. С боевым кличем он размахнулся снова, и на этот раз меч завяз. Страшный удар раскроил грудь отца, сердце вылетело прочь и порхнуло на ладонь человека в красном. Мать метнула в пришельца нож, но промахнулась. Тогда она открыла окно, сгребла Сигурни в охапку и выбросила наружу.

Девочка упала, вскочила, оглянулась на хижину.

— Беги! — крикнула мать, и ее голова медленно сползла с плеч.

А Сигурни, скользя по мокрой земле, пустилась бежать и бежала до самого водопада.

...Она сняла рукавицы, протянула руки к свече. Фелл рассердится, что она ушла без него, но если он вздумает драться с демонами, его постигнет участь ее родителей. Раз уж ей суждено умереть, она умрет в одиночку — но попытается захватить с собой хоть кого-нибудь из врагов.

Так сидела она больше часа. Потом буря утихла, и на горы легла тишина. Сигурни задула свечу, вылезла из укрытия и пошла дальше, к заводи у водопада.

Снег изменил все вокруг, засыпал приметы. Тучи теперь разошлись, на небе сияли звезды. Мороз крепчал. Сигурни шла не быстро, опасаясь вспотеть: потный человек легко замерзает.

Близилась полночь, когда она одолела последний подъем. Водопад застыл в воздухе, заводь спала под снегом и льдом.

Сигурни спустилась к пещере, где ее выхаживал Талиесен. Там еще остались дрова, и она развела огонь. Кожу на лице от тепла стало пощипывать, распухшие пальцы слушались плохо.

Сигурни скинула плащ, раскрыла котомку и аккуратно разложила на полу ее содержимое.

Когда же начать — завтра? Или прямо сейчас? Сигурни не хотелось откладывать, но она всю жизнь провела в горах и знала, как изматывают путника снег и стужа.

Ночью она отдохнет, а за дело примется завтра.

Когда кто-то из воинов постучался в дверь Колларина, Баллистар проснулся и сел. Он слышал голоса, но не мог разобрать, о чем говорят. Одолеваемый любопытством, он вылез из постели, подошел к двери. Искатель, голый до пояса, с распущенными длинными волосами, разговаривал с бывшим слугой Ари.

— Ты нужен господину незамедлительно, — сказал тот.

— Среди ночи? До утра подождать нельзя?

— Нельзя. Дело срочное.

— Меня тоже зовут? — спросил Баллистар.

Ари оглянулся на карлика.

— Господин об этом ничего не сказал, но, думаю, твой совет будет кстати. Он ждет вас в большом чертоге.

Увидев у огня не только Асмидира, но и Талиесена, Баллистар тихо выругался.

— Это колдун, — прошипел он, дернув Колларина за полу камзола.

— Сигурни ушла из лагеря, — сказал Асмидир, приглашая сесть их обоих. — Ее необходимо найти как можно быстрее.

— Ушла? Зачем? — удивился Баллистар.

Асмидир посмотрел на Талиесена, и тот с глубоким вздохом спросил:

— Что тебе известно о ее детстве?

— Все, — сказал Баллистар.

— Тогда ты должен знать, как погибли ее... родители.

Сердце у Баллиста забилось чаще, во рту пересохло.

— Их... их убили демоны.

— Да, демоны — а вызвал их чародей по имени Якута-хан. Я могу сказать тебе далеко не все, но знай, что Якута вернулся. Он уже дважды пытался схватить Сигурни. В первый раз, когда она была совсем крошкой, я помешал ему с помощью Касваллона. Потом он разведал, где мы ее прячем, и убил опекавших ее людей. Тогда я решил, что с ним покончено, но он каким-то образом остался в живых. Мы должны найти Сигурни.

— Почему он хочет ее убить? Ему барон платит? — спросил Колларин.

— Нет. Это долгая история, и я, как уже говорил, не все могу рассказать. Главная причина в том, что Сигурни происходит из королевского рода. Тот, кто занимается мистическими науками, поймет, почему для Якуты это так важно.

Колларин кивнул, а Баллистар заявил:

— Может, кому и понятно, только не мне. Так почему же?

— Многие верят, что душа короля имеет великую силу, — объяснил Колларин. — Маг, принесший в жертву особу царственной крови, получит огромную власть. Говорят, что правитель демонов Салаймун завоевал мир, убив трех королей. Не знаю, правда ли это.

— В целом да, — сказал Талиесен. — У Салаймуна уговор с хозяевами преисподней: он кормит их кровью и душами в обмен на власть. Такой же договор заключил и Якута, но дважды потерпел неудачу.

— Неуспешный чародей, насколько я помню, расплачивается собственной душой, — вставил Асмидир. — Это одна из опасностей некромантии, верно?

— Предполагаю, что Якута для своих чар использовал проводника.

— Проводника? — повторил Баллистар.

— Чародей погружает в транс своего помощника, — опять пояснил Колларин, — и проводит чары через него. В случае неудачи демоны забирают душу помощника.

— Ну, хватит! — отрезал Талиесен. — Мы тут не для просвещения карлика собирались. Можешь ты найти ее, Колларин?

— Не отсюда. Духовный след можно взять лишь с того места, где она в последний раз ночевала.

— По снегу туда добираться три дня... хотя у тебя, Талиесен, это вышло быстрее, — сказал Асмидир. — Ты путешествуешь как-то иначе?

— Да, но вам этот путь заказан, — ответил тот.

— Тебе непременно надо там побывать, Колларин? — допытывался карлик. — Разве нельзя выследить ее по клочку одежды?

— Я тебе не ищейка, дурак. Снег мордой не рою.

— Как же ты тогда выходишь на след? — спросил Асмидир.

— Трудно объяснить. Человек всегда оставляет свой отпечаток в доме, где побывал. Со временем отпечаток стирается, но если зацепить его, можно идти до конца.

— Где же этот отпечаток держится сильнее всего?

— В постели. На любимом стуле. Порой на родственнике или на близком друге.

— Попав в ее хижину, сможешь ли ты определить цель ее путешествия?

— Нет, — признался Искатель. — Нужно идти по следу.

— Проклятие! Плохи наши дела, — огорчился Асмидир. — Ну, а ты, Талиесен? Ты ведь чародей. Говоришь, что способен видеть будущее, отчего же ее разыскать не можешь?

— Ты мыслишь слишком прямолинейно. Будущих тысячи, и с каждым мгновением зарождаются новые. Сигурни предстает избранницей в каждом из них, это правда. В некоторых она добивается временного успеха, но в большинстве гибнет, не достигнув зрелости. Сейчас я ищу одно-единственное будущее среди многих и многих. Я не знаю, где она, не знаю, зачем она убежала. Возможно, в этом будущем ей недостает мужества.

— Чепуха! — побагровел Баллистар. — Она никогда бы не стала спасаться бегством. Узнав о демонах, она начала бы думать, как с ними сразиться. Я ее знаю лучше любого из вас. Она ушла, чтобы выбрать место для боя.

— Весь вопрос в том, где оно, это место, — проговорил Асмидир. — И почему она не обратилась за помощью к нам?

— Ее отец был хороший воин, но его растерзали на части. Она не хотела, чтобы ее друзья подверглись такой же опасности. Кому из нас под силу бороться с демонами?

— Мне, — сказал Талиесен. — Только в ту пору меня здесь не было. Мой народ вел войну в другом времени, и я был нужен ему.

— Ей не к кому было обратиться, — настаивал карлик, — и она решила биться одна.

— Стойте! — просиял вдруг Талиесен. — Есть один, кого она может позвать на помощь. Я знаю, где она!

— Где же? — поторопил Асмидир.

— В пещере у водопада. Там у нее союзник. Мне пора! — поднялся с места друид.

— Погоди! — остановил его карлик. — Не знаешь ли, что она взяла с собой, когда уходила?

— Ножи, бечевку, немного еды, лук и стрелы. А что?

— Это значит больше, чем тебе кажется. Позволь мне сопровождать тебя.

Сигурни протянула руку к огню. Тепло успокаивало. В ночь убийства ее родителей огонь в очаге перестал греть. Если то же самое случится с костром в пещере, она поймет, что смерть близко. Ее ладони покрылись мозолями, кое-где на них пропастила кровь.

Свой второй день у замерзшего водопада она провела в трудах. Страх не оставлял ее, но в одиночестве почему-то легче было бороться с ним. У Сигурни-Охотницы теперь одна забота: оставаться в живых. А коли так, надо как-то исхитриться и победить чужестранного волшебника с его демонами.

Их можно убить, размышляла она. Отец ударил одного из них клеймором, и показалась кровь. Всякое существо с кровью в жилах смертно. Сигурни взяла точильный бруск, принялась острить саблю. Снаружи быстро темнело. Она повесила на плечо колчан, положила рядом лук.

Будет ли все, как в прошлый раз, когда сначала явился человек в красных одеждах? Сколько демонов приведет он с собой и сколько их было в хижине в ту давнюю ночь? Один, двое, еще больше? Кто знает. Отец нанес удар первым, а мать, возможно, была убита тем самым демоном, которого ранил он.

План Сигурни предусматривал трех.

Ветер крепчал, в пещеру залетали снежинки. Вдали завыл волк. Костер затрещал, Сигурни смахнула с колена искру. Дремота одолевала ее. С луком в руках она стала у входа, подышала холодным воздухом. Слишком долго она обходилась без сна. Если ночью они не придут, нужно будет прилечь днем на пару часов.

«Может быть, здесь они меня не найдут, — подумалось ей. — Может быть, мои страхи напрасны».

На ясном небе сияла луна, и снег, несомый ветром через скованную льдом заводь, светился, как белый туман. Воздух холодил щеки, но сзади шло благодатное тепло.

Одна в белой пустыне, Сигурни стала вспоминать свою жизнь. Жаль, что раньше она так мало ценила свои мирные радости, свое бродяжничество по горам вместе с Эбби и Леди. Девушка, которую она видела в прошлом, была не Сигурни, а ее близнец. Можно ли жить так весело, без всяких забот?

Бернт, милый Бернт... Комок в горле, слезы на глазах. Он любил ее, а она была бессердечной. Не за то ли прогневался на нее Бог, что она так обошлась с Бернтом? Если так, она не станет роптать.

Над деревьями пронеслась белая сова, тихий убийца. Сигурни вспомнила, как увидела ее в первый раз. После гибели родителей девочку взял к себе старый Гвалчмай. Он часто водил ее ночью в лес, показывал разную ночную живность. Он был прекрасным отцом, старый пьяница — а к выпивке прокладывался, пока Сигурни спала.

Всего несколько месяцев назад она жила как хотела и думать не думала ни о ком, кроме себя самой. Теперь на ее попечении новорожденное войско, которое вряд ли дотянет до возмужания.

Да что там войско — самой бы до утра дотянуть.

Усталость гнула ее к земле, но лук в руке придавал бодрости. Она больше не ребенок, бегущий от смерти. Она Сигурни-Охотница, и пусть страшится тот, кто вздумает бросить ей вызов.

Подбив дров в костер, она снова заняла пост у входа.

Твой отец был великий воин, шептала непрошеное сомнение, а продержался всего пару мгновений.

— Он не знал, что они придут, — сказала вслух Сигурни. — Он не был готов.

Поможет ли готовность в сражении с силами тьмы?

— Они созданы из плоти, хотя и невидимы. Плоть боится клинка.

Она не стала подавлять вспыхнувший внутри страх. Страх — это жизнь. Он не дает уснуть.

Ты женщина. Ты одна как перст.

— Я горянка. Охотница. Во мне течет кровь героев, и они не допустят, чтобы я поддалась отчаянию. Не допустят!

Серебристая лиса вышла из леса, побежала по льду.

— Эй! — крикнула Сигурни. Испуганный зверь пропустил во всю прыть и на середине заводи вдруг вильнул влево. Глаза Сигурни сузились. Почему свернула лиса? Что она видела в непроницаемом молочном тумане? От костра по-прежнему шло тепло. Сигурни ждала, наложив стрелу на свой короткий охотничий лук.

Еще немного — и показался он, осторожно ступая по льду. Не такой высокий, как ей запомнилось, но тогда она смотрела на него глазами ребенка. Ниже Фелла, крепкий, живот выпирает под красной кожаной курткой. Черные волосы коротко стрижены, виски седые, лицо мясистое, круглое. Штаны, сапоги, длинный плащ — все красное.

Сигурни натянула тетиву, прицелилась. Человек заметил ее, но шагу не сбавил. Их разделяло всего сорок футов... тридцать. Сигурни пустила стрелу. Человек поднял руку, и стрела вспыхнула в воздухе. Сигурни взяла другую.

— Не трать попусту силы, дитя, — на удивление приятным голосом сказал он. — Нынче ты умрешь и увидишь миры, которые тебе и не снились. Необычайные приключения ждут тебя. Прими свою судьбу с радостью!

В пещере резко похолодало. Уловив какое-то движение за спиной, Сигурни выскочила вон и побежала по склону. На середине она повернула, укрылась за кустарником, оглянулась назад.

Рядом с ее следами на снегу как по волшебству появились другие, огромные. Она прицелилась повыше и выстрелила. Стрела пролетела около двадцати футов и остановилась, увязнув в чем-то до половины. Раздался жуткий визг, вокруг древка закипела темная кровь. Сигурни пустила вторую стрелу и снова попала в цель.

— Ну, давай, сукин ты сын!

Демон взревел и ринулся прямо на нее, сминая кусты. Невидимая нога зацепила натянутую бечевку, рычажок сработал, согнутое деревце распрымилось, и заостренные колья, привязанные к нему, вонзились в спину чудовища. Оно забилось, испуская страшные вопли. Деревце переломилось, но колья крепко засели в невидимой плоти. Демон упал. Его крики становились все тише и скоро затихли совсем.

Сигурни там уже не было — она бросилась бежать, как только враг угодил в западню. Забирай вверх и влево, она домчалась до вершины холма, где не росло ни кустов, ни деревьев. Пала на колени, наставила лук, стала ждать.

Очень скоро на снегу отпечатались сначала одна, потом две цепочки следов. Сигурни, которой гнев придавал решимости, осталась на месте. Первый преследователь споткнулся, и грубо сработанный длинный лук, укрытый под присыпанными снегом тонкими ветками, выстрелил. Четырехфутовый зазубренный кол вошел, судя по высоте, в брюхо, но порадоваться этому Сигурни не успела: второй демон был совсем близко.

Еще один самострел сработал — и промахнулся.

Сигурни бросила лук, прыгнула вниз и покатилась кубарем к заводи. Пояс с саблей оторвался на полпути. Шатаясь, она поднялась на ноги. Последняя западня была устроена чуть левее пещеры, чересчур далеко.

Следы приближалась к ней справа. Слева донесся чуть слышный шорох, и Сигурни в последний миг припала к земле.

Серебряная кольчуга, по которой скользнули когти, спасла плечо. Сигурни подлетела высоко в воздух и грохнулась на лед.

Оба врага надвигались на нее сверху.

Спрыгнувшись, она снова пустилась бежать. У нее осталась только одна надежда — что лед посреди заводи не выдержит обоих чудовищ.

Позади топотали когтистые лапы. Саблю она потеряла, однако нож остался при ней.

«Будь я проклята, если умру на бегу!» — решила она и повернулась, выставив перед собой охотничий нож. Летящий снег облепил демонов, и при луне они смахивали на безволосых медведей.

— На, укуси! — крикнула Сигурни, метнув нож. Лезвие воткнулось в брюхо тому, что бежал впереди. Он запрокинул башку, завыл, рухнул на лед.

Последний демон сделал пару шагов — и стал.

Слабый золотистый свет окутал его с головы до ног. Это и вправду был безволосый медведь, только с круглой головой. Нос и уши у него походили на человеческие, длинные кошачьи глаза смотрели злобно, щурясь от непонятного света.

— Убей ее! — закричал человек в красном, поспешая по льду. — Убей!

Чудище моргнуло и снова вперило взгляд в Сигурни. Зубастая пасть ощерилась, на длинных руках сверкнули острые когти.

— Отойди-ка, девочка, — спокойно произнес кто-то.

Перед демоном вырос Железнорукий, подняв двуручный меч. Глядя, как мерцает он при луне, Сигурни не могла поверить, что этот призрачный воин остановит чудовище. Демон прыгнул, и золотой меч рассек ему грудь. Ни крови, ни раны не было видно, но демон качнулся назад, упал и умер.

— Давненько не видались, Якута, — сказал Железнорукий пораженному чародею в красном.

— Ты не тронешь меня. Демона ты способен убить, но бессилен причинить вред живому.

— Мне и не нужно. Ты ведь уже третий раз пытаешься украсть душу Сигурни? Где же твой проводник?

Колдун побелел и обнажил кривой нож.

— Время еще есть. Против меня ей не устоять.

— Времени нет, Якута. Я уже вижу их.

На снегу отпечатались десятки тяжелых ног. Чародей выронил нож, побежал. Меньше чем через двадцать шагов его тело взметнулось в воздух. Руки и ноги оторвались, голова под душераздирающие крики покатилась на лед.

— Надо было позвать меня, — сказал Железнорукий остолбеневшей Сигурни.

— Я должна была сразиться с ними одна.

— Что ж, я не ждал меньшего от дочери горного короля.

Когда занялся рассвет, на склоне выше заледеневшего водопада возникло темное пятнышко. Из него, держа за руку Баллистара с завязанными глазами, вышел Талиесен. Карлик, весь дрожа, повалился на снег, сорвал с глаз повязку.

— Я же говорил, что тебе не понравится, — хмыкнул Талиесен.

— Боже, что это были за звуки? — прошептал Баллистар.

— Лучше тебе не знать. Давай-ка поищем Сигурни — очень уж холодно.

— Постой, — сказал Баллистар, стряхивая снег со штанов.

— Что еще?

— Тут должны быть ловушки. Она не прятаться сюда пришла — драться. Дай мне малость опомниться, и я приведу тебя к ней.

— В этом, думаю, уже нет нужды. — Талиесен указал вниз, на запятнанный кровью лед. Оба осторожно спустились по склону. Посреди заводи лежали две глыбы наподобие ва-

лунов. — Дуплоэубы, обитатели первой из преисподних, — сказал Талиесен.

Из снега торчала человеческая нога в сапоге.

— Не ее, — заметил друид. — Уже хорошо.

Баллистар попытился от зловещей находки и наступил на оторванную руку.

— Бог ты мой, что здесь такое творилось?

— Ага! — Талиесен, подняв за уши голову, заглянул в серое мертвое лицо Якуты-хана. — Явись мне, Якута!

Голова заморгала и зашевелила губами.

— Говорить-то тебе нечем, парень, — с жестокой усмешкой сказал Талиесен. — Я отозвал тебя от мучений, да? Они все еще гонятся за тобой? Ну еще бы. — На глазах мертвеца показались слезы. — В этом я тебе не помощник, но ты можешь передохнуть, вернувшись на время в свою злополучную черепушку. Согласен? — Он опустил голову на лед и заговорил на языке, которого Баллистар не знал. Лед вокруг головы начал таять. — Пока на костях есть мясо, тебе ничего не грозит, — став на колени, сказал Талиесен, — но когда рыбы обгладают череп, тебя потребуют назад в преисподнюю. — Лед раздался, и голова провалилась в воду.

— Так он жив? — спросил Баллистар.

— Моими стараниями — но боюсь, он недолго задержится в этом мире.

— Ты поступил с ним жестоко.

— Жестоко? — засмеялся Талиесен. — Знал бы ты, что происходило с ним там, откуда я его вызвал. Он обратился за помощью к жителям преисподней, обманул их и терпит за это вечные муки. А я дал ему отдохнуть.

— На дне замерзшего озера. Добрый ты человек.

— Я никогда и не говорил, что я добрый — и, уж конечно, не склонен оказывать милосердие таким, как Якута-хан. Он был виновником смерти Железнорукого и загубил династию,

которая могла изменить всю нашу историю. Он сделал это из жадности и теперь расплачивается. Уж не хочешь ли ты, чтобы я о нем горевал?

— Чем же ты в таком случае отличаешься от него, Талиесен? Ты радуешься его мукам и сам способствуешь им. Хорошо ли это?

— Кто ты такой, чтобы читать мне мораль, карлик? — сощурился Талиесен. — Я боролся со злом в десять раз дольше, чем ты живешь. Теперь потомки тех давних захватчиков снова ведут войну, грозящую гибелью сотням и тысячам моих земляков. Всю жалость, которая во мне есть, я отдаю своему народу и пойду на все, чтобы спасти его. Найди мне женщину, вот что!

Баллистар полез к пещере, ощупывая склон на каждом шагу.

— Ну что ты копаешься, — шипел Талиесен. — Заморозить меня хочешь?

Карлик, не отвечая, зарылся руками в снег.

— Что там еще?

Согнутое деревце со свистом выпрямилось. К нему были привязаны три острых кола.

— Ловушка для кабанов, только удар поставлен выше обычного, — сказал Баллистар. — Бечевка крепится к кольцу, и...

— Ладно-ладно, можешь не объяснять. Там есть еще что-нибудь в этом роде?

— Сейчас поглядим. — До пещеры было не больше сорока футов, но добирались они до нее полчаса. Талиесен первым вошел в грот, где у догорающего костра спала Сигурни, и сел рядом с ней.

Баллистар, уверившись, что она жива, снова собрался выйти.

— Куда ты?

— Поищу другие ловушки, чтобы кто не попал ненароком.

Радость переполняла его. Сигурни не погибла! Справа лежал труп огромного серого чудища — в груди две стрелы, в спине три кола. Одна ловушка сработала. Выше по склону виднелся еще один труп.

Баллиstar два часа обыскивал окрестности заводи, но ловушек больше не обнаружил. Сигурни все еще спала. Чародей дремал рядом с ней, но проснулся, когда вошел карлик.

— Четверо чудовищ убито, — доложил Баллиstar, протянув руки к огню. — Один получил нож в сердце, второй попался в кабанью западню, третьего уложил самострел. На четвертом никаких следов нет.

— Она потрудилась на славу.

— Понять не могу, как она проныкала их шкуру. Я не сумел вытащить ее нож — он точно в камне засел.

— Так и есть. Видел ты, как коченеют людские тела после смерти? — Баллиstar кивнул. — Мертвые дуплозубы застыгают намного сильнее. Они становятся серыми, словно камни, и через несколько дней разлагаются целиком, вместе с костями.

— Вместо этих придут другие?

— Вряд ли, хотя все может быть. Якута преследовал Сигурни через Врата Времени, потому что души своей не пожалел, чтобы ее умертвить. Других чародеев, которые охотились бы за ней, я не знаю.

— Почему он так хотел ее смерти?

— Может быть, она сама тебе расскажет, когда проснеться. Я тоже посплю. Принеси еще дров, будь так добр, и последи за костром.

Сигурни, стоя на крепостной стене рядом с Железноруким, смотрела на далекий Хай-Друин. Король опустил свою огромную руку ей на плечо. Под луной серебрилась его коль-

чуга и заплетенная в две косы борода. Идущая от него сила окутывала Сигурни надежным теплом.

— Где это мы? — спросила она.

— Не узнаёшь? — удивился он. — Я уверен, что воссоздал все в подлинном виде. Может, тебе снаружи взглянуть?

— Места эти мне знакомы, но никаких строений здесь нет, только лес.

— Быть не может! — Он обвел холмы своей железной рукой. — Это моя крепость, Эл-Друин. Здесь я сразился с Четырьмя Ратями, здесь победил их бойца Граила.

— Прости, Железнорукий. Я хожу по этим холмам всю свою жизнь. На месте, где мы сейчас стоим, лежат какие-то камни, но даже самые старые старики в Лоде не помнят, что было здесь раньше.

— Ну что ж, — он отвернулся от вида на горы, — это ведь только камень... Сейчас по крайней мере ты все видишь, как было. Пойдем внутрь, поговорим. У меня и огонь горит — он, правда, не греет, но смотреть на него приятно.

Картина вокруг замерцала, переменилась, и Сигурни увидела себя в комнате с бархатными занавесями на окнах. В очаге пыпал огонь, но тепла от него, как и предупреждал Железнорукий, не чувствовалось.

— Как это сделано? — спросила она.

— Это иллюзия. Все здесь призрачное, как и мы с тобой. — Воин, одетый теперь в простой зеленый камзол и кожаные штаны, сел в глубокое кресло, Сигурни опустилась на медвежью шкуру перед огнем. — Я долго учился создавать подобные вещи. Сам не знаю, как долго, ибо времени в этом мире не существует. По мне, прошла целая вечность. Это единственный мой дом, не считая заводи, где лежит мое тело. — Сигурни молчала, видя его печаль. — Водопад Железнорукого — красивое место, — с вымученной улыбкой продолжал он. — Не самое плохое, где может умереть человек. Много веков я

наблюдал, как растут и умирают деревья, свершая извечный круговорот жизни и смерти. Люди — охотники, бродяги, лудильщики, горцы, чужеземные солдаты — у меня на глазах делали то же самое. Ты, Сигурни, стрелой падала в мою глубину с водопадом. Я был там, когда ты нашла мои кости, но не мог ничего сказать, ведь ты еще не была готова услышать меня. Ты представить себе не можешь, какая это отрада — поговорить с кем-то.

— Здесь никого больше нет, кроме нас?

— Никого. Это мой мир, тихое королевство Железнорукого. Раньше сюда являлись злые духи и демоны, но я убил их, и никто не смеет больше вторгаться в мои владения.

— Тебе очень одиноко, должно быть.

— Пусть тебе никогда не доведется узнатъ, что это за одиночество. Я все бы отдал, охотно лег бы в уготованную всем смертным могилу, лишь бы побить часок с твоей матерью. Но время для этого еще не пришло, и я жду.

— Моя мать? Так ты знал ее?

— Разве ты не слушала меня там, у заводи? Ты моя дочь, Сигурни. Твоя мать Эларин была мне женой. Я вижу ее в тебе: та же гордость, то же стремление к цели.

— Но я не могу быть твоей дочерью! Ты жил много веков назад! Я росла со своими родителями, пока демоны их не убили.

— При всех моих недостатках, Сигурни, лжецом я никогда не был. Ни при жизни, ни тем более после смерти. Ты родилась в последний год моей жизни, когда враги, которых я принимал за друзей, сговаривались меня погубить. Узнав об их замыслах, я предложил Эларин бежать за море, но она отказалась. — Железнорукий улыбнулся, вспоминая. — «Мы поборемся с ними, — сказала она, — и победа снова будет за нами». И я боролся. Всех моих чародеев убили, лишив меня волшебной защиты — об этом позаботился Якута-хан. У во-

допада убийцам наконец удалось загнать меня в западню. Я погиб там, Эларин — в Кашаре. Об этом мне рассказал Талиесен, вызвавший мой дух у берегов заводи. Ты в ту пору была младенцем. Они с Касваллоном пронесли тебя через Врата и отдали приемным родителям, хорошим людям, не имевшим своих детей. Талиесен изменил цвет твоих волос, чтобы спрятать тебя. — Он провел ладонью по голове Сигурни. — В нашем роду все рождались с серебристыми волосами. Возможно, мы грешили гордыней, видя в этом знак нашей особости, а возможно, и нет. Как-никак, это был род королей, и враги, приходившие извне, ни разу не покоряли нас.

— Талиесен сказал тебе, как умерла моя мать?

— Да, сказал. Она умерла с мечом, обагренным вражеской кровью, с проклятием врагу на устах.

Сигурни, видя, как его великая сила уступает еще более великому горю, взяла его руку в свои и спросила нежно:

— Почему тебя оставили здесь? Почему не взяли в рай или... словом, туда, куда уходят герои?

— С этим придется подождать, Сигурни, — улыбнулся он. — Я дал священную клятву вернуться, когда мой народ будет нуждаться во мне. Много раз мне хотелось уйти отсюда, много раз манил меня сияющий вдали свет. Но на лебединую тропу я ступлю, лишь когда придет время.

— Быть может, там тебя ждет Эларин.

— Я часто думал об этом. Слово, которое я дал, долго связывало меня, но благодаря тебе я, быть может, сдержу его. Ты наследница Железнорукого, надежда горцев.

— Как же ты намерен помочь мне? Ты дух, призрак — что ты можешь свершить в мире плоти?

— Все мои замыслы будут вершиться твоими руками. Я и дальше буду наставлять тебя в науке правления. Буду показывать тебе стародавние битвы и учить тебя побеждать. Ты увидишь всю мою жизнь — друзей и предателей, добро

и обман, отвагу и малодушие. Здесь ты постигнешь все это и еще многое.

— Сколько же времени это займет?

— Тебе, как и прежде, покажется, что ты провела со мной годы, но в мире живых пройдет всего одна ночь. Доверься мне, дочь моя. Проснувшись, ты станешь ближе к той королеве-воительнице, о которой они мечтают.

— Я забыла почти все, что ты говорил мне тогда, в прошлый раз. Наяву это вспоминается смутно, как сон.

— Знание пребудет с тобой всегда. Разве в Силфаллене ты не одержала победу?

— Так это твоя заслуга?

— Нет, не моя, а твоя. Я лишь открыл тебе азы воинской науки. В свое время я не проиграл ни единой битвы, поскольку всегда предусматривал путь к отступлению и думал, как поступлю в том или ином случае. Быстрота мысли и действия также очень важна. У тебя есть все — и умение думать быстро, и мужество. Скоро твои враги научатся бояться тебя.

— Наша армия очень мала, а вражеская велика, хорошо вышколена и закалена в целой череде войн.

— Я начинал точно так же, и в этом есть свои преимущества. Армия, как человек, должна иметь голову, сердце, руки и ноги, здоровый желудок и крепкий хребет. Самое время позаботиться обо всем этом, покуда она мала.

— А полководец кто — голова или сердце?

— Ни то ни другое, — усмехнулся Железнорукий. — Полководец — это душа. Отбирай своих людей с большим тщанием, дочь моя. Одни хорошо командуют малыми отрядами и плохо — большими. Другие кажутся чересчур осторожными, но в бою дерутся, как черти.

— Как мне понять, кто на что способен?

— Доверяйся своему чутью и не теряй бдительности. О командире суди по его бойцам. Не столь важно, боятся они его

или любят. Главное то, насколько быстро они выполняют его приказы. Солдат есть продолжение своего капитана.

— Что она, собственно, должна делать, душа?

— Голова планирует, сердце вселяет отвагу, хребет дает силу, живот — уверенность. Душа определяет, за что сражаться. Люди идут в бой ради наживы, ради чести и доблести, но если они свое дело считают правым, равных им нет.

— Все это я понимаю, — вздохнула Сигурни, — но после начала войны мне недосуг будет бегать к водопаду и советоваться с тобой. Я останусь одна, и моя неопытность погубит нас всех.

— Я тоже не могу быть с тобой всегда, Сигурни. Это твое время, твой мир. Когда настанет весна, нырни в заводь снова. Возьми там осколок моей кости и носи его на себе. Никому не говори об этом и обращайся ко мне, лишь когда будешь одна. А теперь приступим к уроку.

Фелл стоял в новом длинном срубе, где Сигурни вместе с Асмидиором, Обрином, Тови и Греймом держала совет. Лоран из клана Паллид тоже был здесь, но ничего не говорил, только слушал. Рядом с ним возвышался Мерет. Гвин Черноглазый, Бакрис Беззубый и другие командиры отрядов сидели на полу перед Сигурни, занимавшей единственный стул. Всего в доме собралось около сорока человек. Феллу казалось, что собрание идет без складу и ладу, но Сигурни это, видимо, не смущало. Одни высказывались за взятие вражеских фортов, другие за отправку летучих отрядов на нижние земли. Мнения, самые разные, перетекали в бессмысленные споры.

Фелл, устав слушать, прислонился к бревенчатой стенке. С того летнего дня, когда он, раненый, пришел за помощью к Сигурни, протекла будто целая вечность. Тогда ее красота ослепила его, тяжким грузом легла на сердце. С тех пор Сигурни

сильно переменилась. Она натянута, как тетива, глаза ее смотрят холодно и отстраненно. Смех и беззаботная радость, всегда ей свойственные, исчезли бесследно. Своих сторонников она держит на расстоянии. На прошлой неделе Фелл, обсуждая с ней что-то, тронул ее за руку, и она шарахнулась от него, как ужаленная. Ничего ему не сказала, только пересела по дальше. Он сдержал обиду, зная, что к другим мужчинам она относится точно так же. Никого не подпускает к себе, кроме карлика. Ему одному позволяет сидеть у ее ног, вот как теперь.

Запасы съестного у них начали иссякать. Соли не хватало, и много мяса испортилось. Забивать немногий оставшийся скот значило в будущем обречь клан на голод. Довольно и того, что всю прочую скотину зарезали — взрослые мужчины из-за этого рыдали, как дети. Но что было делать, раз на всех сена недостает? Сохранить бы хоть тех племенных быков, которых выводили многими поколениями.

Середину зимы всегда тяжело пережить. Молоко у коров пропадает, мясо почти все съедено. Эта зима будет в десять раз хуже, а вслед за ней начнется война.

Фелл задремал и проснулся, когда все начали подниматься и в открытую дверь хлынул морозный воздух. Спросонья лесничий соображал плохо. Все, кроме Лорана, Асмидира, Обрина, Тови, Грейма и Баллистара, шли к выходу. Фелла, подавшегося следом за остальными, окликнула Сигурни.

— Мне поспать надо, — отговорился он.

— После выспишься.

Фелл присоединился к совету.

— Обрин отобрал двадцать пять звеньевых командиров, — встав с места, начала Сигурни. — Пора познакомить наших воинов с тем, как будет устроено войско. Оно делится на два крыла. Одним будет командовать Грейм, другим Фелл. Обрин отвечает за обучение и возглавляет третий, более мел-

кий отряд, о назначении которого я скажу позже. Ты, Тови, передашь титул лорда-ловчего мне и займешься снабжением нашей армии совместно с Лораном. Потом у тебя появится еще одна должность, но о ней мы поговорим завтра.

Бывший пекарь заметно побледнел. После ухода с родной земли он без отдыха трудился на благо клана. Лишиться почетного звания было тяжко — и унизительно, по мнению Фелла. Все молча ждали, что скажет Тови.

Но он обошелся без слов — просто встал и ушел.

— Неправильно это, — сказал Фелл, когда дверь закрылась за ним. — Жестоко. Он такого не заслужил.

— А разве его сын заслуживал смерти? — откликнулась Сигурни. — Или Лода нищенской жизни в горах? Заслуживала ли я... — Она снова села, и Фелл понял, что она борется с гневом. — Словом, решение принято. Два крыла возглавите ты и Грейм. Завтра Обрин разделит между вами боевые звенья — диспозицию обсудите с ним. После этого вы сами оцените своих офицеров и назначите других, если считете нужным.

— Отчего же Асмидиру ничего не досталось? — спросил Фелл. — Ведь он, кажется, раньше был генералом.

— Он будет моим советником. Однако час поздний, и всем, как и Феллу, надо поспать. Завтра вечером, здесь же, я расскажу вам, какую задачу будет выполнять отряд Обрина.

Обрин остался с Сигурни, прочие вышли.

Куэнец хлопнул Фелла по плечу.

— Не кручинься, воевода. Тови как честный малый еще порадуется этой отставке. В глубине души ему не хочется воевать.

— Она поступила бы добрее, поговорив с ним наедине.

— Она прошла сквозь огонь, парень, а это выжигает в человеке все мягкое. И ей придется стать еще жестче, чтобы Лода жила.

— Эти слова хорошо бы высечь на камне, — сказал позади Асмидир.

Горцы смолчали — при чернокожем они чувствовали себя неуютно. Тот с улыбкой пожелал им спокойной ночи и пошел в свою хижину.

— Не люблю я его, — сказал Грейм.

— Ему можно верить, — возразил Баллистар, которого они не заметили прежде. — Я за него головой ручаюсь.

— Я не сказал, что ему нельзя доверять, человечек. Просто сердце у меня к нему не лежит.

С севера задул ветер, а с ним пришел снег.

— Пойду лягу, — кутаясь в плащ, сказал Фелл. — Такое чувство, словно я с самой осени глаз не смыкал.

— А я посижу еще малость, подумаю. Вон она какую задачу нам задала. У меня еще остался кувшин Гвалчмаева огненного пойла, — повернулся к Баллистару кузнец. — Пошли, хлопнем по стаканчику.

— По одному можно, — согласился карлик.

Обрин, стоя перед Сигурни, весь кипел.

— Если ты хочешь моей смерти, почему не приказала кому-нибудь из своих прикончить меня? Можешь и сама перерезать мне глотку, прямо сейчас...

— Я не хочу твоей смерти, нижнесторонний. — Холод в ее голосе разжег его еще больше.

— Брось, мы ведь здесь одни. Я вижу, с какой ненавистью ты на меня смотришь, с каким омерзением. Думаешь, мне такие взгляды в новинку? Одного не понимаю — почему ты еще сотню своих людей обрекаешь вместе со мной на смерть.

— Ты все сказал или еще поскулишь? — вспылила она. — Мои чувства к тебе ты разгадал верно. То же самое я испытываю ко всем мужчинам, считая и горцев. Для любви в моем сердце нет места. Нет. Еще три месяца, и сюда придет враг, которому я должна хоть что-то противопоставить, а заодно и

лишить его пропитания. Что хранится в трех фортах, поставленных на нашей земле?

— Ты сама знаешь что.

— Отвечай!

— Провиант. Оружие — луки, стрелы, копья, мечи. В каждом, что еще важнее, сидят сотня бойцов, и взять их можно только с огромной осадной силой. Высота частокола там двадцать пять футов, ворота подъемные. Стрелковая полоса — сто шагов от каждой стены. Придется забрасывать лестницы. Я ходил на приступ не раз и могу тебя уверить, что один воин с хорошим мечом способен убить двадцать лезущих по лестнице человек. Когда ползешь по веревке, защищаться не больно сподручно.

— Я не прошу тебя лезть по веревке, Обрин. Не прошу брать форт на землях Фарлена приступом. Я сказала лишь, что его нужно взять. Может, выслушаешь все же мой план?

— Выслушать можно, да только я самолжи строил эти проклятые форты. Знаю, что там к чему.

— Ты подъедешь к воротам во главе своей сотни и прикажешь гарнизону сдать тебе форт.

Глаза у Обрина полезли на лоб.

— Сдать? Ты что, бредишь?

— Помнишь, я спрашивала тебя об этом в замке у Асмидра? Ты сказал, что гарнизон служит в форте два месяца, а затем его сменяет другой.

— А снег-то? Южные перевалы теперь непроезжие...

— Но солдаты об этом не знают, верно? Ты раньше был офицером...

— Сержантом.

— Пусть сержантом. Среди них у тебя наверняка есть знакомые. О том, что ты... перешел на другую сторону, им никто не мог сообщить. У наемников, напавших на Силфал-

лен, мы взяли оружие и нечто вроде мундиров. Лошади тоже есть. Выбирай себе сотню и занимай Фарленский форт.

Обрин молчал, лихорадочно соображая. Форт и вправду дожидается смены. У всех на уме зимние праздники в Цитадели, пиры, танцы, женщины.

— Мысль хорошая, только мне нужен запечатанный пакет от барона. Без него командир не оставит форт.

— Дисциплина, — тихо промолвила Сигурни. — Приказы, правила. Скажи, Обрин: что будет, если офицер не подчинится устному приказу и тем самым поставит под удар планы барона? Похвалит барон такого ревностного служаку?

— Не так все просто. За неподчинение офицера могут высечь и даже повесить, но если он выполнит устный приказ, которого не должен был выполнять, его ждет то же самое.

— Понятно. Ну что ж... Пусть с тобой поедут, скажем, восемьдесят пять человек. Некоторые из них намочат бинты бычьей кровью и прикинутся ранеными. Ты скажешь командиру, что привел смену, что ваш офицер убит. Скажешь, что Паллидский гарнизон терпит осаду и что барон приказывает сменившимся идти на помощь ему.

— Но письменного-то приказа не будет!

— Скажешь, что вы оказались в отчаянном положении и офицер уничтожил приказ, чтобы тот не достался врагу. Но тут налетела выюга, и тебе удалось уйти.

— Командир не оставит форт, — стоял на своем Обрин. — Тебе не понять, как у офицеров мозги работают.

— Отчего же. Сам подумай: ты его поставишь меж двух огней. Если он не подчинится приказу барона и Паллидский форт падет, ему уготованы плети или виселица. Если подчинится, его спросят, почему он нарушил правила и не остался на месте.

— Вот-вот.

— И тут ты, как хороший сержант, поможешь ему. Предложишь возглавить отряд, который пойдет паллидским на выручку. Таким образом он и приказ выполнит, и поста своего не покинет.

— Да, — медленно протянул Обрин, — на это он может пойти. Но нам-то что пользы? Мне опять придется уходить со своими людьми.

— Не со своими — с его людьми. Скажешь, что у тебя солдаты измотанные, а у него свеженькие.

— Хорошо, вот я увел из форта сто вражеских солдат. Дальше что?

— Заведешь их в засаду. Грейм скажет куда.

Обрин уставился на свою новую повелительницу. Ее красивое лицо оставалось бесстрастным, глаза смотрели с холодной жестокостью.

— Коварная ты женщина, Сигурни. Эта затея в самом деле может увенчаться успехом.

— Сделай так, чтобы увенчалась. Мне нужны провиант и оружие, а еще нужнее отнять у барона этих солдат.

— Да, ясно, но почему именно этот форт? Паллидский ближе. Ехать с грузом из Фарленского будет нелегкой задачей.

— Ты возьмешь все три, но первым станет Фарленский. Припасы свезешь не сюда, а в город Торгана, после чего про-дelaешь такую же штуку с другими двумя. Отдохни и приходи ко мне на рассвете вместе с Греймом и Тови.

Обрин поклонился и вышел. В хижине Грейма смеялись, в остальных было тихо.

Коварный план, спору нет. В случае успеха он не только обеспечит их продовольствием в ущерб барону, но еще и произведет должное впечатление на Фарленов, потерявших десятки людей в бесплодных попытках взять этот форт. Успех

же, надо сказать, весьма вероятен. Сигурни бьет врага его же оружием — дисциплиной, слепым повиновением.

Откуда у необразованной горянки столь изощренная хитрость?

— Женщины все хитрые, — сказал Обрин вслух. — Поэтому я и не женился.

Сигурни постучалась.

— Кто там? — откликнулся Тови.

Она вошла в хижину, где сидел у огня лорд-ловчий.

— Как ты нашла меня? — спросил он.

— У Колларина дар на такие дела. Почему с тобой нет жены и детей?

— Мне надо побывать одному. Подумать.

Она села напротив него.

— Ты сердит, я вижу.

— А ты чего ожидала? Как пекарь я неплох, а лорд-ловчий из меня так себе, знаю, но после набега на деревню я делал все что мог. На большее я не способен.

— Большего я и не прошу. Ты нужен мне для другого дела.

— Для какого еще другого? — с горечью спросил он. — Хлеб выпекать? Я с радостью, только печь мне сложи.

— Хлеб нам тоже понадобится. Я хочу накормить людей досыта. Одними битвами нам эту войну не выиграть, Тови. Побив иноземную армию, мы от обороны перейдем к наступлению, то есть двинемся в поход на нижние земли. Войско тоже нужно кормить. К нам пойдут наемники, а им платят золотом. Снабжение, связь, казначейство. Понимаешь меня? У тебя будет столько хлопот, что ни на что другое времени не останется.

— Почему ты не сказала всего этого при других? Почему заставила меня почувствовать себя униженным, Сигурни?

— Им не нужно этого знать. Впереди тяжелые времена, Тови. Некоторые из тех, что были на совете, погибнут, других могут взять в плен и подвергнуть пыткам. Хуже того, среди них непременно найдутся предатели. То, что я говорю здесь, предназначено для тебя одного.

— Я тоже могу попасть в плен и подвергнуться пыткам.

— Вряд ли, ведь ты не будешь сражаться.

— Даже в этом ты мне отказываешь? Не позволяешь мне отомстить, восстановить свою честь?

— Послушай меня! Что полезнее — проткнуть клеймом руку одного врага или помочь одолеть тысячу? Без тебя я не справлюсь, Тови. Ты умеешь все налаживать, умеешь думать одновременно о многих вещах. Я же вижу, чего ты добился в наших четырех лагерях. На это и в мирное время способны немногие, что уж говорить о войне.

Он засмеялся и почесал бороду.

— Все наше войско состоит из стариков и безбородых ребят, между тем ты толкуешь о походе на нижние земли, а я сижу развесив уши и слушаю. Что с тобой, Сигурни? Откуда у тебя эти мысли?

— Их нашептывает мне моя кровь.

— Все эти годы я наблюдал за тобой и не видел, какая ты. Ребенком ты все, бывало, пряталась у меня за пекарней. Вот выйду я воздухом подышать, а ты шасть в дверь да и хвать лепешку. Всегда одну, из середки, а другие уложишь так, чтоб не видно было.

— Так ты знала?

— Знала. Ты пряталась за бочкой с водой.

— Как же ты догадался?

— Лимонная мята. Гвалчмай любил этот запах, и ты натиралась ее листьями, когда купалась. Захожу в пекарню и чую: пахнет лимонной мятой.

— Знала и ни разу меня не поймал.

— А я и не собирался. Ты была дитя горя, Сигурни, тебя все любили. Одна лепешка — невеликий убыток.

Она подбавила дров в огонь, и они посидели молча.

— Теперь я уже не дитя, — сказала она.

— Та девочка никуда не делась. Она у тебя внутри и всегда будет там. — Тови вздохнул, потом улыбнулся: — Я готов служить тебе всюду, где буду нужен.

— Спасибо, Тови. И за это, и за лепешки. — Она поднялась, направилась к двери. — На рассвете будь в большом срубе.

— Зачем?

— Потому что ты нужен мне там.

10

Донесения разведчиков о том, что Лодиха едет к нему, не поправили Торгану настроения. Осенью в клане только и разговоров было, что о ней — какая она отважная да с каким благородством держится. Это и побудило Торгана предпринять атаку на иноземцев — в доказательство, что природный вождь кланов именно он. И он добился бы своего, кабы не их трусливая тактика. Сперва они отступили, потом бросили на него кавалерию. Дерись они, как подобает мужчинам, фарленские воины изрубили бы их на куски. После этого Торган дважды пытался взять их форт. Сорок его бойцов пострадали от вражеских стрел, семеро погибли.

Фарлены опять заговорили о Сигурни, которая якобы расправилась с демонами, посланными ее убить. Она-то, мол, успешно разбила врага в Силфаллене. Неужто люди не видят, кто перед ними? Простая лодская потаскуха в красивых доспехах! А план ее победоносной битвы наверняка выдумал тот

черный ублюдок, который всюду с ней ездит. С ней? Скорей уж на ней.

Теперь она опять наладилась к Фарленам, в его, Торгана, город.

Ладно. На этот раз он покажет ей что к чему.

Жена, Лаэлия, принесла ему липового отвара. Торган взял чашку, но Лаэлия не ушла.

— Ну, чего тебе? — проворчал он.

— Она едет сюда, — кротко глядя на него своими карими глазами, сказала Лаэлия.

— Ничего. Разговор у нас будет короткий.

— Ты уверен, что поступаешь правильно?

— Это еще что за речи? — рявкнул он так, что она съежилась. То-то. Женщина должна знать свое место.

— Говорят, что она вправду избранница. Карела сказала, что...

— Избавь меня от бабьих сплетен. Довольно.

Он ждал, что Лаэлия заупрямится, но она потупилась и ушла. Торган пригладил волосы. Плешь на макушке ширилась, залысины на лбу тоже росли. В кого он такой уродился? Отец дожил до восьмидесяти и, конечно, поседел в старости, но грива у него была, как у льва.

Торган накинул плащ, вышел из дома. День был холодный, но ясный. Лодиха уже спускалась по склону с дюжиной всадников, однако без черномазого. На улицах, обычно пустых в этот час, было довольно много народу. Все шли на площадь — послушать, что скажет шлюха.

Торган шагал, не глядя по сторонам. Стул для него уже поставили посреди площади, жезлоносцы стояли вокруг. Троих пришлось заменить: Нерен, Калиас и Пимали пали в бою.

Торган не стал бы действовать столь поспешно, если бы женщина не разозлила его. Это она виновата в их смерти.

Когда подъехала Сигурни со своей свитой, на площади собралось больше двухсот Фарленов. Оставшись в седле, она устремила взгляд на Торгана.

— Что тебе нужно на этот раз, женщина? — спросил он.

— Да так — захотелось на дурака поглядеть, — отрезала она холоднее некуда. — Думала, иноземцы тебя в генералы произвели за то, что ты положил столько горцев.

— Как ты смеешь! — взревел, поднявшись на ноги, Торган. — Я не затем шел сюда, чтобы выслушивать оскорблений!

— Далеко тебе пришлось бы уйти, чтобы их не слышать. Ведь триста человек полегло! Кто, как не ты, завел их в ловушку, которую и ребенок бы разгадал? Удивительно, как это твои разведчики не обнаружили кавалерийской засады... да высыпал ли ты разведчиков, Торган?

— Я не намерен тебе отвечать.

— Ошибаешься. — Сигурни спешилась, подошла к нему. — Ты ответишь мне, Торган, за трехсот горцев, погубленных тобой в припадке злобы и глупости!

С этими словами она двинула его в челюсть — сперва кулаком, потом сапогом. Когда Торган рухнул, ударившись виском о булыжник, она, как ни в чем не бывало, продолжила свою речь, обращаясь уже не к нему, а к Фарленам:

— Одиннадцать недель спустя враг придет в наши горы и начнет убивать. Чтобы разбить его, мы должны быть едины и подчиняться одному человеку. Думаю, вы уже поняли, что дурак, который валяется здесь, способен привести только к смерти. Поднимите его!

Чьи-то сильные руки подняли Торгана и усадили на стул.

— Титул лорда-ловчего может передаваться от отца к сыну, — снова заговорил ненавистный голос, — но в горах не всегда было так. Близится война, и в вашей власти избрать такого вождя, который лучше всего послужит народу — Фар-

лену, Паллиду, Лоде и Вингорасу. Мне все равно, кто станет вашим избранником, но подчиняться он будет мне.

— По какому праву? — спросил, выйдя вперед, седоусый плечистый воин. Сейчас дядюшка ей покажет, благодарно подумал Торган. Гарканан — человек железный, его эта шлюха в красном не заморочит.

— По какому праву? — повторила она. — По праву крови и битвы. По праву воина и полководца.

— Какой ты крови, Сигурни, я не знаю, что же до битвы, то за тобой одна-единственная стычка в Силфаллене. То, что ты хороший воин и полководец, тем более не доказано. Не сочти мои слова неуважительными: я восхищаюсь твоей победой и приветствую твою решимость сразиться с захватчиками. Но где доказательство, что ты тот самый вождь, которому суждено нас возглавить?

— Хорошо сказано, — ответила Сигурни. — Какие же доказательства могли бы тебя убедить?

— Одного сражения мне, во всяком случае, мало. В это самое время враг сидит на нашей земле, чего достойный полководец не потерпел бы.

— Как твое имя?

— Гарканан.

— Я слышала о тебе. Ты сражался на Золотом поле, убил двадцать низинников и увел короля в безопасное место.

— Это немного преувеличено, Сигурни, — усмехнулся в усы старый воин, — но когда кланы объединились против общего врага, я был вместе со всеми. Бог даст, буду и в этот раз.

— Значит, ты готов признать меня, Гарканан?

— Я уже сказал: мне нужны доказательства.

— Заключим уговор, Гарканан, — помолчав, предложила она. — Присягни мне, и я предъявлю тебе доказательство.

— Отчего же не наоборот?

— Оттого, что твоя вера мне нужна не меньше, чем твой меч.

— Я слышал, ты заставляешь людей преклонять колено перед тобой, как будто ты королева. И от меня того же потребуешь?

— Да, Гарканан, как в старину. Только меня тебе не придется уводить с поля боя. Со мной ты увидишь, как будет молить о пощаде враг. Присягай же, я жду.

Сейчас он рассмеется ей в лицо, предвкушал Торган — но Гарканан, став на одно колено, сказал:

— Служу тебе мечом и жизнью моей.

Сигурни протянула руку к холму, с которого спускался длинный обоз.

— Эти повозки груженены военной добычей, взятой из форта на вашей земле. Мои люди заняли его третьего дня, а сегодня займут и Паллидский.

— Скольких ты потеряла? — поднявшись, спросил Гарканан.

— Ни одного. Собери совет, я буду говорить с вами.

Торгану Сигурни сказала:

— Тебя бы, пожалуй, следовало убить, но ты горец и не лишен мужества. Приходи и ты на совет.

Он побрел прочь. В голове у него мутлилось.

Гвалчмай, трезвый и потому сильно приунывший, сидел с малыми ребятами в общинном доме и мечтал о заветном кувшинчике. Старушки раздавали молоко детям, молодые матери, сидя кружком с младенцами на руках, оживленно болтали. Гвалчмай не слышал их разговора из-за громких вопросов, которые наперебой задавали ему детишки постарше. В последнее время видения перестали его посещать. То, что Дар именно теперь покинул его, представлялось ему чьей-то злой шуткой. Он часто молился об избавлении от этой благости,

больше напоминавшей проклятие, но когда это наконец случилось, почувствовал испуг и великое одиночество.

Клан нуждается в нем, а ему нечего больше дать клану.

— Почему они хотят нас убить, Гвалчмай? — допытывался парнишка лет двенадцати. — Мы сделали что-то плохое?

— Нет, ничего, — пробурчал старик.

— За что же тогда нас наказывать?

— Это война, парень. Бесполезно искать в ней какой-то смысл.

— Зачем мы тогда воюем? — привязался другой мальчуган.

— Потому что выбора у нас нет. — В кувшине, кажется, осталось еще немного, вот только куда он его подевал?

— Нас всех убьют, да? — спросила рыженькая девочка с длинными волосами, но тут на выручку пришел Колларин. Он потрепал Гвалча по плечу и сел рядом.

— Когда в дом забирается вор, что остается делать хозяину? Либо он позволяет вору грабить безнаказанно, либо хватает его. Когда волки нападают на стадо, мы убиваем их. Иноземцы вознамерились отнять у вас все, а ваши отцы решили дать им отпор.

— Мой отец великий охотник, — похвасталась девочка.

— В прошлом году он убил шатуна.

— Не в одиночку, — поправил мальчик. — Мой отец тоже был с ним.

— Неправда!

Детишки сцепились между собой, но Колларин со смехом разнял их.

— Эй, горцы, так не годится. Я своего отца не помню, но мать умела стрелять из лука и владела мечом. Однажды она с одним только посохом прогнала барса, резавшего наших овец.

— Ты тоже иноземец, — серьезно сказал первый мальчик. — За что ты хочешь убить нас?

— Я никогда не покушался кого-то убить. Иноzemцы — они тоже разные. В их империю входит много стран, среди них — и моя. Ее завоевали около ста десяти лет назад. По природе своей иноzemцы люди не злые. Они не едят детей, не приносят человеческих жертв жестоким богам. Их беда в том, что они во-зомнили себя хозяевами всего белого света. Силу и мужество они ценят превыше всего, поэтому высокие посты у них занимают самые сильные и безжалостные. Такие, как наш барон. Он командует севером, и зло, сидящее в нем, передается всем, кто ему подчиняется.

— А что случилось с твоим отцом? — спросила рыженькая.

— Он сбежал, когда я был еще маленький.

— Почему?

— Кто его знает. Мать говорила, что в деревне ему было скучно.

— Тебя обижали? — спросил мальчик с курчавыми волосами.

— Да. Мальчиков без отца почему-то всегда обижают.

— Я тоже такой. Мой сбежал, когда я еще не родился.

— Никуда он не сбежал, — презрительно вставил кто-то еще. — Твоя мать сама не знает, от кого тебя родила.

Курчавый густо покраснел, и Колларин поспешил вмешаться:

— Только без драк. Вы все из одного клана, и вашему клану грозит опасность. Не время ссориться между собой. Подумайте лучше вот о чем: откуда берется зло? Почему оно разрастается в человеческом сердце, как сорняк среди красивых цветов? Я скажу вам. Оно рождается из гнева, несправедливости, обиды и зависти. Мы только что все видели, как это бывает. Мальчика, у которого нет отца, упрекнули за грех его матери — если даже он и был, этот грех. Эта обида, как и прочие, со временем даст плоды. И за что же с ним так обхо-

дятся? — Колларин посмотрел на обидчика. — Разве его рождение чем-то навредило тебе?

— Все знают, что его мать...

— Молчи! — приказал Колларин. — Если скажешь хоть слово, откроешь дорогу злу.

— Но это же правда!

— Ты думаешь, что это правда, вот в чем разница. Иноzemцы, к примеру, думают, что ты грязный варвар, хуже свиньи. Мать у тебя шлюха, думают они, отец — смердящий скот, чего же таких жалеть? Они считают это за правду и ошибаются. Как и ты. Я говорю тебе это без гнева, мне просто грустно.

— Я скажу отцу, что ты про него говорил! — вскричал мальчик. — И он убьет тебя!

— Тогда одним бойцом у вас станет меньше. Не думаю, однако, что он это сделает. Скорее ему, как и мне, станет грустно оттого, что ты в такое время оскорбляешь своего брата.

— Он мне не брат! Шлюхино отродье!

— Ну, хватит! — заорал Гвалчмай. — Я Сновидец и знаю всю правду. Колларин уже ее высказал, хотя, пожалуй, не должен был. Тебя, юноша, гложет твое всем заметное сходство с Келлином. Вы в самом деле братья, и никакой бранью этого не поправишь. Придется тебе перерости это, и лучше, если начнешь прямо сейчас.

Подросток вылетел вон, бешено распахнув дверь на холщовых петлях. Снег полетел со двора, и кто-то из детей снова затворил дверь, опустил щеколду. На ребячих лицах читался испуг.

— Порой, — сказал Колларин, — жизнь бывает жестокой без всякой нужды. Вы видели, что здесь случилось. Зло идет не от дьявола с рогами — будь это так, мы могли бы от него убежать. Оно прорастает из слова, сказанного в сердцах,

вливается в уши слушателей и долго остается незаметным, пока не распустятся пышным цветом ярость, жадность и зависть. Вспомните об этом, когда подумаете со злобой о брате или сестре по клану.

— Знаешь, какой буйный нрав у отца Ярена? — сказал курчавый Келлин. — Он тебя правда убьет. Ты бы достал себе меч.

— Достану, если понадобится, а пока давайте играть. Кто знает игру «поймай медведя»?

Гвалчмай потихоньку вышел, провожаемый веселым визгом и смехом. В холодном воздухе уже пахло весной.

Прав Колларин, подумал, ежась, старик. Зло — не посторонняя сила, подчиняющая себе невинные сердца. Оно, заключенное в кокон, спит в каждом сердце, но в один прекрасный день просыпается и начинает кормиться темными страстями души. Создатели древних мифов и преданий хорошо это понимали. Герои никогда не угнетают слабых, не лгут, не воруют, не пользуются своей силой ради наживы. Они стойко противостоят своим темным желаниям. Эти предания складывались как раз для того, чтобы научить юных бороться с живущими в человеке демонами.

Даже теперь, когда его Дар ослаб, Гвалчмай знал, что Ярена обуял его собственный демон. Все шепчутся, что Келлин ему, Ярену, брат — значит, отец был неверен матери и опозорил другую женщину. Мальчик, не в силах осудить отца, обратил свой гнев против Келлина. Ненависть к побочному брату родилась из любви к отцу.

Вскоре Гвалчмай увидел, что мальчик идет назад вместе с взрослым мужчиной, и не сразу вспомнил имя этого человека — Карс. Гвалчмай окликнул его, и Карс, отпустив руку сына, направился к Одаренному. Его тяжелое безбородое лицо побледнело от гнева.

— Ты согнал про меня, Сновидец. Будь ты помоложе, я убил бы тебя на месте. Иноzemец — другое дело, он заплатит за честь моего рода.

— Разве кровь смоет позор? — спросил Гвалчмай, глядя ему прямо в глаза.

— Эта женщина на все готова за медный грош, — прошипел Карс. — Да, я спал с ней — а кто не спал?

— Это к делу не относится. Парнишка — вылитый ты, но и это не главное. Скажи, должно ли дитя расплачиваться за грехи своей матери? Разве оно виновато, что напоминает тебе о твоей случайной неосторожности? Что до иноземца, то он говорил одну только правду.

— Он обозвал меня грязным скотом! Это, по-твоему, правда?

— Он тебя не обзывал, Карс. Он объяснял детям, какими видят нас иноземцы. А Ярен обозлился и принял все на свой счет.

— Хватит болтать! — Карс вытащил из ножен свой клеймор.

— Что дальше, Карс? Пойдешь к детям и убьешь человека, который с ними играет? Послушай, как они смеются! Давненько наша детвора так не радовалась.

Дверь отворилась, и дети высыпали на снег. Карс замер на месте с мечом в руке. Дети притихли, а Колларин, кутаясь в зеленый плащ, вышел вперед. К нему подбежал мальчик — Келлин. Карс перевел взгляд с одного ребенка на другого, своего сына Ярена. Все стояли, как заколдованные. Карс воткнул меч в снег и опустился перед Келлином на одно колено. Мальчик молча смотрел на него.

У Гвалчмая колотилось сердце, перехватывало дыхание. Признав мальчика, гордый Карс лишится чести, посрамит весь свой род. Отвергнув родную кровь, опозорит себя одного.

Карс положил руки на плечи мальчику.

— Славный ты паренек. Если захочешь, я приму тебя в свой дом, к своему очагу.

Гвалчмай не верил своим ушам, Ярен едва сдерживал слезы. Карс подозвал его к себе, встал, протянул руку Келлину.

— Идем погуляем. — Келлин взял его за левую руку, Ярен за правую, и они втроем пошли к лесу.

— Занятная развязка, — сказал Гвалчмаю Колларин.

— Есть еще благородство в клане, — гордо ответил тот. — Теперь я умру счастливым.

— Ты вернешься к себе домой, — опечалился Колларин, — и будешь убит. Зачем? Ты же знаешь, что отдалишь свою смерть, если останешься здесь.

— Знаю. Есть мгновения, когда человек может изменить свое будущее, но на этот раз я ничего не стану менять. Мне нужно выполнить еще кое-что, сделать последний подарок Сигурни.

— Ты посадишь семя и заплатишь за это жизнью.

— Позабиться о моих собачках, очень уж я их полюбил. А мне пора. У меня там два кувшина с медовухой припрятаны — я слышу их зов!

Колларин протянул ему руку.

— Хороший ты человек, Гвалчмай, и смелый. Я знаю, тебе тревожно оставлять Сигурни. Я буду ее Одаренным вместо тебя и никогда ее не предам.

— Предатель найдется — не знаю только, кто.

— Я послежу за этим, — пообещал Колларин.

Слуга присыпал жар в очаге, заменил сгоревшие свечи новыми. Леофрик, зарывшись в карты, не обращал на него внимания. Он любил считать и планировать, но к этой кампании у него душа не лежала. Барон собрался воевать с горцами, которые много лет соблюдали мир — для того лишь, чтобы возвы-.

ситься в глазах короля. Ну и земля у южных границ, конечно, в цене поднимется.

Суeta сует.

Слуга поставил перед ним горячий, приправленный крепкой настойкой травяной чай.

— Спасибо, ты очень внимателен, — пригубив питье, сказал Леофрик и тут же забыл о нем.

Армия выступает через десять недель. Каждый из шести тысяч солдат берет с собой четырехдневный запас провианта: фунт овса, восемь унций вяленой говядины, пол-унции соли. Семь грошей, в которые все это обойдется, умножить на шесть тысяч... слишком большой расход, барон будет недоволен.

Расчеты Леофрика показывали, что война обойдется в двенадцать тысяч четыреста золотых гиней, барон же выделил всего десять тысяч.

На чем бы сэкономить? Соль стоит дорого, но солдаты без нее в поход не пойдут, а отсутствие мяса ведет, как известно, к трусости. Если уполовинить овес, еда станет менее сытной, а сбережешь на этом... триста сорок две гинеи всего-то.

«Ты убитых не учел», — просветлел Леофрик. Когда начнутся бои, какой-то доле солдат довольствие уже не понадобится. Вопрос в том, какова эта доля. Обыкновенно в кампании под командованием барона она составляет около тридцати из ста, но здесь все иначе. Половина обычного числа, четверть? Скажем, пять на сотню — триста солдат. Леофрик снова заскреб пером по бумаге.

Да, так уже лучше.

— Прошу прощения, господин, — вернулся слуга, — к вам какой-то человек просится.

— Который теперь час?

— Скоро полночь.

— Странное время для визита. Кто он?

— Я не знаю его, господин. Он говорит, что владеет некими бесценными сведениями.

— Хорошо, пусть войдет, — вздохнул усталый Леофрик. — Через десять минут заглянешь сюда и скажешь, что меня требуют по срочному делу, понял?

— Разумеется, мой господин.

Леофрик зевнул. Полночь! Подумать только. Семь часов кряду просидел за бумагами. Он собрал их, затолкал в ящик стола. Слуга ввел в комнату человека средних лет с мясистым лицом и маленькими блестящими глазками.

— Надеюсь, вы извините меня за вторжение — до утра мои вести не терпят.

— Что так? — Леофрик жестом предложил незнакомцу сесть.

— Мои сведения вынудят вас внести изменения в ваши военные планы.

— Откуда вам известно, над чем я сейчас работаю?

— Позвольте вернуться к этому позже, лорд Леофрик, — улыбнулся пришелец. — Прежде всего вам нужно узнать, что два из трех ваших фортов захвачены горцами и все, что там хранилось, перешло в руки врага.

Усталость Леофрика как рукой сняло.

— Быть не может! Я лично надзирал за строительством. Они неприступны.

— Хитростью можно взять что угодно.

— Хитростью?

— Женщина, Сигурни, послала туда предателя Обрина с сотней людей под видом сменного гарнизона. Оба форта сдались без боя.

— Но как... Кто вы такой?

— Резонно, думаю, будет предположить, что я друг вам. Могу также поделиться с вами кое-какими планами Сигурни. Знаете, она набирает войско.

— Кто им будет командовать?

— Она сама, разумеется. Она из королевского рода и уже нанесла вам одно поражение при Силфаллене. Неплохо для начала, согласны?

— Сколько у нее сейчас человек?

— Почти две тысячи. Фарлен примкнул к ней, Паллид скоро сделает то же самое. Если ее, конечно, не остановят.

— До оттепели выступить нет возможности. Все северные перевалы завалены снегом.

— Да, вы там не пройдете, но я пройду. К вам ведь я как-то пробрался.

Вошел слуга:

— Мой господин...

— Да-да, не нужно пока. Подай еще чаю, мне и моему гостю. — Слуга вышел, и Леофрик обернулся к неизвестному: — Настало время сказать, какой у вас интерес в этом деле.

— Да, верно. Я охочусь за этой ведьмой, за Сигурни. Причины вас касаться не должны, однако заполучить ее мне крайне необходимо. Сейчас, когда она окружена преданными горцами, это несколько затруднительно. Вы поможете мне, а я вам.

— Вы, думается мне, чародей?

— К чему такая изысканность, милорд? — засмеялся гость. — Просто колдун. Мне заплатили за то, чтобы я... убрал Сигурни с дороги, но я трижды потерпел неудачу. Мне не стыдно в этом признаться, ибо у меня были могущественные противники. Теперь они, к счастью, думают, что я мертв, и это позволяет мне надеяться на успех.

— Почему они считают вас мертвым?

— Демоны растерзали на куски человека, во всем похожего на меня — о сходстве я сам позаботился. Хотите еще послушать?

— Нет уж, увольте. Чего вы хотите в обмен на предоставленные нам сведения?

— Хочу снять дом в Цитадели, но денег мне здесь достать негде. Надо как следует приготовиться к следующей попытке, запастись людьми и другими ресурсами.

— Понимаю. Где вы остановились сейчас?

— Недалеко отсюда, в таверне «Синяя утка».

— Завтра утром мой слуга доставит вам деньги. И если у вас появятся еще какие-то сведения о горских мятежниках, милости просим.

Колдун потер мясистый подбородок.

— Тут мне надо подумать. Я, видите ли, не хочу, чтобы Сигурни убили или взяли в плен ваши войска. Это удовольствие по праву принадлежит мне. Я извещу вас о своем решении.

— Барон наверняка захочет с вами увидеться.

— Не думаю, лорд Леофрик. Скажите ему, что получили эти сведения от своего шпиона — ведь это, в конце концов, так и есть. Упоминание моего имени нежелательно.

— Кстати, кого должен утром спросить мой слуга?

— Да, ведь я не представился. Виноват. Мое имя Якута-хан.

Баллистар от всей души ненавидел зиму, особенно неласковую к людям маленького роста. Глубокий снег, ходить по которому он не мог, держал его пленником в доме Асмидира. Ему хотелось быть рядом с Сигурни, готовиться к весне, к грядущим боевым действиям.

— Сейчас от тебя никакого толку, — сказал он себе вслух, сидя на крепостной стене замка. — Не нужен ты ей.

Высота, с которой открывался широкий вид, сегодня не радовала его — лишь напоминала о том, как он мал. Он съехал на животе с парапета и ушел к себе в комнату.

Там он уселся на ковре у огня. Стулья были для него чесчур высоки, в кровать он забирался с деревянного ящика, который принес ему Ари. Почему он родился калекой? За что мстительный Бог приговорил невинное дитя к такой жизни?

Другие не понимали его мучений, да и как им понять? Даже Сигурни однажды сказала: «Может, когда-нибудь ты встретишь красивую карлицу, и вы будете счастливы».

Карлица ему не нужна. Если он сам калека, это еще не значит, что другие калеки ему приятны.

«Мне нужна ты, Сигурни, — думал он. — Я мечтаю, чтобы ты полюбила меня, чтобы увидела во мне мужчину».

Но этому не бывать. Вспомнить только, как дразнили его в детстве и юности.

«Как он, спрашивается, будет любить женщину? — разглагольствовал на потеху другим Бакрис Беззубый. — Ляжет нос к носу — ногами туда зароется, ляжет ногами к ногам — зароется носом. А если попадет туда нужным местом, то поговорить ему будет не с кем».

Да, вот уж смеху-то было. Сам Баллистар тоже смеялся — а что ему оставалось?

Он спустился на конюшенный двор. Навестил в стойле белую лошадку-пони, погладил ее.

— Тебе ничего, что ты карликовая лошадка? Или ты тоже большим кобылам завидуешь?

Пони хрустела сеном. Попытавшись забросить обратно свалившуюся с нее попону, Баллистар два раза накрыл с головой самого себя и промахнулся на третий.

Этого последнего унижения он не вынес. Слезы подступили к глазам. Северная стена выходит на острые скалы. Прыгнуть с нее — и конец всем страданиям.

Когда он поднимался по лестнице, Ари вышел из библиотеки и пожелал ему доброго утра.

— Доброе утро, — пробормотал в ответ Баллистар.

— Знаешь, я хотел попросить тебя кое о чем.

Баллистар оглянулся на него сквозь перила.

— В другой раз.

— Дело важное, — мягко настаивал Ари. — Я смотрю карты Дуанского перевала, где мы предполагаем дать первый бой. Знаешь ты это место?

— Знаю.

— Тогда помоги мне, ладно? — Ари вернулся в библиотеку.

Баллистар помедлил и вошел туда вслед за ним. Ари сидел на полу, обложенный картами, в очаге пыпал уголь. Баллистар плюхнулся рядом.

— Чем я могу помочь?

— Вот этот лес, — показал на зеленое пятно Ари, — он густой или редкий?

— Довольно редкий. Там в основном ели растут. Хочешь укрыть в нем засаду?

— Хотел бы.

— Не выйдет. Но за лесом есть овражек, где можно спрятать сколько-то человек. Вот здесь, — показал Баллистар. — А теперь я пойду.

— Да ведь мы только начали! Вот посмотри. — Ари подсунул Баллистару чертеж с разноцветными кирпичиками по перек Дуанского перевала.

— Что это?

— Классическая позиция иноземцев. Пехота — вот эти два черных кирпичика, в середине. Синий цвет — кавалерия, желтый — лучники и пращники. Кавалерия тоже может быть разбита на два отряда, легкую и тяжелую, этого мы пока не знаем. Как бы ты расположил наши силы?

— Я не солдат! — отрезал Баллистар.

— Зато думать умеешь. Военному ремеслу можно выучиться, как любому другому. Вот, к примеру: где кавалерии труднее всего развернуться?

— В лесу. Деревья и подлесок будут мешать ей.

— А что мешает пехоте?

— Холмы, горы, реки. Тот же лес.

— Видишь? Учитывая все это, мы постараемся завязать сражение там, где для нас удобнее, в лесу или на холмах. Итак, какую позицию занял бы ты на Дуане?

— Хорошая оборонительная позиция только одна: холм с плоской вершиной на северном конце перевала, но враг его быстро возьмет в кольцо.

— Сколько человек там можно поставить?

— Не знаю. Может быть, тысячу.

— А если две? Все, что у нас есть?

— Какой в этом смысл? Когда враг замкнет окружение, отступать станет некуда. Мы, правда, будем занимать высоту, но иноземцев больше пяти тысяч — они нас задавят числом.

— И все-таки лучшей позиции не придумаешь. Пройдя через перевал, враг начнет громить разбросанные в горах деревни, и ничто не остановит его.

— Я не знаю, как с этим быть, — признался Баллистар.

— Я тоже. За обедом поговорим снова. — Ари посмотрел Баллистару в глаза. — Или у тебя есть другие дела?

— Нет... никаких дел.

— Вот и ладно. Значит, увидимся.

— Ты правда думаешь, что я могу тебе в этом помочь? — Баллистар с трудом поднялся на ноги.

— Конечно. Возьми чертежи с собой и подумай.

— Хорошо, Ари, подумаю, — улыбнулся карлик. — Спасибо тебе.

Смуглый воин пожал плечами и вернулся к своим занятиям.

11

— Вот это женщина, клянусь Богом! — Обрин, скинув колет, сел к огню. — Все вышло так, как она предсказала. Они повалились, что твои кегли! Просто не верится, Фелл. Когда я ехал к Фарленскому форту, у меня сердце в горле стояло. А офицер приказал открыть ворота, выслушал мое донесение, передал командование мне да и выступил. Я рассказал ему, как лучше ехать по снегу, и они угодили прямехонько в засаду Грейма.

— При этой первой стычке у Грейма потерь не было, но отряд из Паллидского форта стоил ему больше двадцати человек, — заметил Фелл.

— В сравнении с двумя сотнями, которые мы перебили, это пустяк. Плохо только, что гарнизон Лодского форта сумел уйти. До сих пор не пойму, как это получилось.

— Они попросту заблудились и на засаду не вышли. Никто в этом не виноват.

Обрин откупорил глиняный кувшин.

— Баронское вино. Таких по шесть штук в каждом форте. Хорошее — на, попробуй.

— Нет. Лучше пойду прогуляюсь.

— Что с тобой, Фелл?

— Ничего, просто хочу пройтись.

Обрин заткнул кувшин и тяжело поглядел на лесничего.

— Я, может, не лучший знаток человеческих душ, зато двенадцать лет прослужил сержантом и вижу, когда человека что-то грызет. Страшно тебе? Тревожно?

— Не знал, что это так на виду.

— Я догадался, но твои люди не должны знать. Это один из секретов хорошего командира. Твоя уверенность передается им. Они кормятся твоей силой, как волчата, сосущие мать. Точно так же к ним перейдет и твое отчаяние.

— С волчицей меня еще ни разу не сравнивали, — хмыкнул Фелл. — Давай свой кувшин. — Он выпил, утерся рукой. — Правда твоя, виндо доброе. Я иноземцев не боюсь, Обрин. И умереть за свой народ не боюсь. Тут другое. Постараюсь впредь не проявлять своих чувств так открыто.

— Сигурни, — сказал Обрин, заздравно подняв кувшин.

— Почем ты знаешь? — удивился лесничий.

— Слух у меня хороший, — ухмыльнулся бывший сержант. — Еще один командирский секрет. Вы были любовниками, но теперь это в прошлом. Не печалься. Парень ты видный, и немало найдется женщин, которые согреют тебе постель.

— Это не единственная причина моей грусти. Ты не знал ее, когда она была простой девчонкой, охотницей. Настоящее чудо! Сильная, бесстрашная, но как она при этом любила жизнь, как смеялась. Освещала, как солнышко, самый холодный и пасмурный день. А что теперь? Видел ты, чтобы она хоть раз засмеялась, хотя бы улыбнулась чьей-нибудь шутке? Это ледяная статуя, снежная королева. — Фелл снова припал к кувшину.

— Последние месяцы не слишком располагали к веселью, но я понимаю тебя, — сказал Обрин. — У меня был когда-то хрустальный шар с заключенной внутри, словно во льду, розой. Я всегда любил розы, а эта, бархатистая, густо-красная, была особенно хороша. Жить она могла вечно, но не пахла, и ничто от нее не родилось.

— Вот-вот. В самую точку. Будто корона Альвена: все ее видят, но потрогать никто не может.

— Я часто слышу об этой короне. Одно из ваших преданий?

— Нет. Я сам видел ее, когда мне сравнялось десять. Она является раз в двадцать пять лет посреди заводи у водопада Железнорукого. Волшебное зрелище. Серебряная, ско-

рее шлем, чем корона, она сияет, как лунный свет. По бокам у нее сложенные, как у падающего ястреба, крылья, золотой обруч на лбу покрыт древними рунами. Боковые щитки и носовая стрелка — такая же, как на иноземном шлеме — тоже серебряные. Я был там с отцом, в последнюю нашу зиму. Вскоре его забрала чума. Я ничего не видел из-за народа, и отец посадил меня на плечи. Человек позади нас заругался. Корона явилась, продержалась около десяти мгновений и вновь погасла. Что за ночь, приятель!

— На фокус похоже. Я видел, как фокусники творят из ничего золотых птичек, которые после рассыпаются разноцветными искрами.

— Нет, это не фокус. Альвен приходился Железнорукуму дядей. Своих детей он не имел и племянника ненавидел. Умирая, он приказал одному из своих чародеев спрятать корону так, чтобы Железнорукий никогда ее не нашел. Из-за этого нового короля так и не короновали, и годы его правления стали чередой бесконечных смут.

— Не понимаю. Престол он занял по праву крови. Подумашь, важность — корона!

— Корона обладала волшебными свойствами. Только истинный король мог носить ее. Ее сделали задолго до Альвена, и когда один узурпатор возложил ее на себя, лицо его покернело, из глаз вырвалось пламя, и он растаял, как снег на солнце.

— Гм, — промычал Обрин. — Красивая сказка. В нашем племени тоже такие есть — о копье Голдарка, мече Кельтина. Может, и я увижу когда-нибудь вашу корону. Но мы говорили о Сигурни. Что же порушило вашу любовь?

— Моя глупость. Я хотел иметь сыновей. В горах этому придают большое значение. Мне хотелось растить моих мальчиков, учить их охоте и жизни в лесу, прививать им любовь к родимой земле. Сигурни бесплодна, как твоя роза в хрусталь-

ном шаре. Я ушел от нее, но лицо ее продолжало сиять в моей памяти, не покидая меня ни на час. Даже лежа с моей женой, Гвен, я видел только ее. Не было в моей жизни ошибки страшнее этой. — Фелл допил остатки вина и лег на пол. — Хоть раз бы еще увидеть, как она засмеется... как станет прежней.

«Не о том ты мечтаешь, — подумал Обрин, глядя на уснувшего Фелла. — Я-то знаю, что такое война, сколько боли и ужаса она приносит с собой. Пусть уж лучше Сигурни остается снежной королевой, воительницей с холодным сердцем, которая уже сумела захватить три вражеских форта и обеспечить своим горцам сытую жизнь».

Обрин надел свой колет и вышел из дома.

Сигурни порядком устала. Все утро она обсуждала с Тови вопросы снабжения, назначала с Греймом и Феллом дозоры, сидела над чертежами Асмидира и Ари, слушала скорбную повесть Обрина.

— Нет у нас времени обучить их как следует, — говорил бывший сержант. — Я вдолбил им подаваемые рогом сигналы — наступление, отступление, построение, — но это и все. Твоя армия, Сигурни, как копье — рассчитана лишь на один бросок.

Чувствуя, что больше не выдержит, она поднялась с Леди на холм — взглянуть на неувядающую красу Хай-Друина, приобщиться к его вечному покою.

В двадцати шагах позади нее, как всегда, молча следовали двое Асмидировых аль-джиннов. Поначалу их присутствие раздражало, теперь стало успокаивать. Деревья на вершине немного защищали от ветра, Хай-Друин вдали пронзал головой облака. Лодские ребятишки с визгом и смехом катались с горы на санках.

Что-то станется с ними всего через пару месяцев?

Талиесен опять ушел от нее в свое тайное укрытие, но его последние слова она запомнила накрепко:

«Паллиды потребуют знака». — «Они уже получили его», — сказала она. — «Нет! Они захотят чего-то из ряда вон. Когда тебя об этом попросят, соглашайся без колебаний. В нужное время я вернусь. Ты мне веришь?» — «У меня еще не было повода не верить тебе. Но что, если они попросят подать им луну на серебряном блюде?» — «Обещай, что подашь», — хмыкнул он, набросив на тощие плечи потрепанный плащ из перьев. — Но попросят они о другом, что покажется тебе не менее трудным. Запомни, Сигурни: я вернусь до первых подснежников. Встретимся у водопада Железнорукого через двенадцать дней».

Леди, скуля, потерлась о ее ногу.

— Я совсем тебя забросила, милая, — сказала Сигурни, потрепав ее длинные уши. Собака лизнула теплым языком щеку хозяйки. — Но ты простишь меня, знаю.

— Она хочет побывать одна, — сказал кто-то из аль-джиннов. Рядом с телохранителями стояла высокая темноволосая женщина.

— Пропустите ее, — приказала Сигурни, и та, сторонясь темнокожих воинов, поднялась наверх. Большие карие глаза красили ее худое, с торчащим носом лицо. — Ты хочешь говорить со мной?

— Да. Я Лаэлия, жена Торгана.

— Ему нет места среди моих офицеров, — отрезала Сигурни. — Он глуп.

— Как почти все мужчины, которых я знаю, — согласилась Лаэлия. — Но и война — занятие не для умных.

— Ты пришла просить за него?

— Нет. Честь он вернет себе сам — или не вернет. Это его дело. Я хотела кое-что у тебя узнать.

Сигурни расстелила свой плащ на снегу.

— Присядем. Задавай свои вопросы, Лаэлия. Вся моя жизнь теперь состоит из вопросов, и на каждый есть не менее ста ответов.

— Ты устала, я вижу. Тебе нужен отдых.

— Отдохну, когда время придет. Спрашивай.

Лаэлия помолчала, глядя в светлые глаза Сигурни, и спросила:

— Что будет, если мы победим?

— Я знаю одно, — засмеялась Сигурни. — Если мы проиграем, нам всем конец. Мне недосуг думать о последствиях победы, которая разве что вилами на воде писана.

— А подумать бы не мешало. Ты ведь не мужчина, который ничего дальше своего носа не видит.

— Твоя правда, я очень устала, — вздохнула Сигурни. — Предположим, что заяц уже убит, и зайдемся стряпней. Чего ты от меня хочешь?

— Я много о тебе слышала, Сигурни. Многие женщины, и я в том числе, могли бы позавидовать твоей жизни. Но сейчас, когда ты пытаешься приспособиться к миру мужчин, я тебе не завидую. Причина, по которой я задаю тебе этот вопрос, очень проста. У меня дети, и я хочу, чтобы они росли при отце. Чтобы он учил их земледелию, и уходу за скотом, и законам клановой чести. Весь уклад нашей жизни сейчас под угрозой — не только оттого, что враг вторгся к нам, но и оттого, что мы против него восстали. Скажи, что будет, если ты разобьешь барона? Войне наступит конец?

— Нет, — честно сказала Сигурни. — Они снова пошлют к нам войско.

— Как же ты будешь с ними сражаться?

— Как смогу.

— Тебе самой придется идти на них, грабить их города, прибегать к услугам наемников.

— Все может быть, — невесело усмехнулась Сигурни.

— Кончится ли война, когда ты разобьешь это новое войско?

— Не знаю! Сомневаюсь, однако. К чему ты клонишь?

— Сдается мне, что даже в случае победы к прошлой жизни мы уже не вернемся. Чем больше ты будешь побеждать, тем дальше уведешь наших мужчин — до самой иноземной столицы, быть может. В ответ на это против вас поднимется вся империя, и лет через десять вы будете биться в Кушире.

— Если это и произойдет, то не по моему выбору. Я понимаю, чего ты боишься, Лаэлия, и всеми силами постараюсь этому воспрепятствовать. Даю тебе слово.

— Я тебе верю, — улыбнулась та, положив руку на плечо Сигурни. — Знаешь, я всегда думала, что мир был бы лучше, если бы им правили женщины. Мы не затевали бы глупых войн из-за никому не нужной земли — просто поговорили бы между собой и пришли к согласию. Я знаю, что военачальником ты стала не по своей воле, и прошу тебя об одном: оставайся женщиной. Не притворяйся, что ты мужчина.

— Воздаю должное твоей прямоте. Жаль, что ты не поговорила с Торганом столь же прямо.

— Я сделала что могла, да только большим умом он сроду не отличался. Зато в постели хорош, не могу пожаловаться.

— Рада слышать, что он хоть в чем-то хорош, — расхохоталась Сигурни.

— И отец он хороший. Все время играет с детьми, они в нем души не чают.

— Признаю свою вину: лучшего я в нем не разглядела. Вы давно женаты?

— Летом будет четырнадцать годков. Он не очень-то изменился за это время, разве что полысел. Красиво тут, правда? Вон как блестит на солнце Хай-Друин.

— Да, очень красиво.

— Я отняла у тебя слишком много времени. — Лаэлия поднялась. — Оставляю тебя наедине с твоими думами.

— Спасибо, Лаэлия. — Сигурни тоже встала. — Я чувствую себя освеженной — сама не пойму отчего.

— Ты слишком долго пробыла в мужском обществе. Может, мы как-нибудь еще посудачим?

— Я бы с радостью.

Лаэлия обняла воительницу, расцеловала в обе щеки. Сигурни, почувствовав влагу на щеках, отвернулась и устремила взгляд на Хай-Друин.

— Эря ты меня взяла, — посетовал Баллистар. — Я тебе только помеха.

— Зато с тобой весело, — пропыхтела Сигурни, бредя с ним на плечах по глубокому снегу.

— Сними меня, авось сам доползу. Футов через тридцать заносы должны кончиться, а там уж скоро и водопад.

Сигурни наклонилась. Карлик кувыркнулся в снег и вылез, отплевываясь.

— Тяжел ты, однако, для своего роста, — засмеялась она.

— А у тебя самые красивые плечи, на которых мне доводилось сидеть. — Он стряхнул снег с бороды и пополз. Сигурни шла следом, разгребая снег руками. Час спустя они достигли твердой земли и немного передохнули. — Я весь заченел, — пожаловался он. — Надеюсь, ты оставила в пещере достаточно дров. Не хотелось бы идти собирать их.

— На пару часов хватит, — заверила Сигурни.

Водопад в середине оставался замерзшим, но по краям уже сочилась вода.

— Скоро таять начнет, — сказал Баллистар.

— Да, знаю.

В пещере они развели костер, скинули мокрую верхнюю одежду.

— Зачем же ты все-таки меня позвала? — спросил Баллистар.

— Думала, тебе приятно будет прогуляться со мной.

— Не очень-то убедительно.

Она вспомнила, каким одиноким и печальным казался он в горном лагере.

— Я просто не нашла лучшего, чем ты, спутника.

— Ладно, это я принимаю, — смутился он. — Помнишь, как мы здесь играли детьми? Мы с тобой, Фелл и Бернт. Построили домик на дереве. Как-то после бури Фелл залез туда и провалился сквозь пол.

— А Бернт у Грейма гвозди таскал. Там гвоздей было больше, чем досок.

— Хорошо было, правда?

— Хорошо? Ты вечно со всеми спорил и задирался.

— Я просто злился, что не расту так, как вы. Теперь я вспоминаю то время как лучшее в своей жизни. Как по-твоему, у других тоже так?

— Бернт ничего уже вспомнить не может, — чуть слышно сказала она.

— Прости, Сигурни, я сказал не подумав. — Баллистар взял ее руку в свою, погладил короткими пальцами запястье. — Ты не виновата. Если бы ты тогда пришла, но потом с ним рассталась, он, наверное, все равно бы не захотел жить. Он сам так решил.

— Нет, это не вся правда. Энай я, что у него на уме, я вела бы себя по-другому. Теперь мне уже не забыть, что в ту ночь, когда Бернт накидывал петлю себе на шею, я наслаждалась ласками Асмидира.

Баллистар, отвернувшись, поворотил палкой в костре.

— Ну вот. Не надо было мне с тобой откровенничать.

— Мы с тобой друзья, Сигурни, и всегда будем друзьями. Я не хочу, чтобы ты о чем-то умалчивала из-за меня. Когда должен прийти колдун?

- Завтра.
- Он мог бы выбрать для встречи более уютное место.
- Не мог. Он знал, о чем попросят меня Паллиды.
- Безумцы! Кем они себя возомнили? Тут война на носу, а они игры затеяли. Может, они думают, что смогут победить и без нас?
- Нет, дружок, они так не думают. Их Сновидцы сказали им, что вождь предстанет в короне Альвена. И Талиесен должен мне в этом помочь.
- Не люблю колдунов.
- Ты и про Асмидира так говорил. Что он черный колдун.
- С тех пор он не стал мне милее. Вы с ним и теперь любовники?
- Нет! — ответила она так резко, что Баллистар удивился.
- Он чем-то обидел тебя?
- Не хочу говорить об этом. Пока не стемнело, нам с тобой надо будет пойти на ту сторону заводи и сделать там прорубь.
- Зачем?
- Чтобы я могла войти в воду.
- Не смеши! Холод убьет тебя.
- Ты будешь ждать меня с одеялом.
- Насчет этого ты ничего мне не говорила. Хочешь что-то найти?
- Сигурни протянула руку к огню. Освещенная костром пещера казалась особенно уютной оттого, что снаружи стояла зима.
- Косточку. Талисман на счастье, если угодно.
- Чью косточку? — округлил глаза Баллистар.
- Железнорукого.
- Ты нашла его кости?! Значит, он не ушел за Врата?
- Нет. Он погиб здесь, сражаясь с врагами.
- Почему ты думаешь, что его кость может стать твоим талисманом?

— Довольно вопросов, Балли. Мы уже согрелись, давай-ка выйдем.

По льду они прошли на тот берег. Сигурни нашла валун, под которым лежали кости, и оба принялись долбить лед ножами. Работа шла медленно. В конце концов Баллистар, потеряв терпение, залез на валун и спрыгнул. На пятый раз лед под ним треснул.

— Ну вот, — сказал Баллистар и вдруг провалился в воду. Сигурни еле успела поймать его за шиворот и с большим трудом вытащила.

— Ступай-ка обратно в пещеру.

— Нет-нет, — выговорил он, весь трясясь. — Сможешь теперь достать свою кость?

— Не знаю. Придется поторопиться. — Она разделись и скользнула под лед.

— Осторожней, течение сильное, — предупредил ее Баллистар.

Тьма обступила ее, холод заледенил. Она оттолкнулась от валуна и нырнула. Руки, шаря по дну, натыкались только на камни. Потом что-то впилось ей в ладонь. От неожиданности она выдохнула и всплыла мимо проруби. Голова стукнулась об лед.

Перебарывая панику, она легла на спину. Между льдом и водой всегда есть маленький промежуток, и ей удалось подышать. Пальцы на руках онемели от холода.

«Вот дура, — подумалось ей. — Пройти такой путь и умереть так глупо».

Слабое сияние окружило ее.

— Почему ты никогда меня не зовешь, дитя? — раздался голос Железнорукого. — Нырни снова, возьми то, что нашла, и всплывай за мной следом.

Она опять устремилась вниз, оттолкнувшись пятками от ледяной кровли. Железнорукий сидел на дне. Рядом лежала

человеческая голова, но лица она не узнала. Увидев по другую сторону от призрака его кости, Сигурни быстро схватила фланговую и поднялась — на этот раз точно в прорубь. Баллистар помог ей вылезти.

— Я тут чуть с ума не сошел, — жалобно сказал он. Сигурни только зубами стучала в ответ. — Смотри, ты руку поранила.

Он взял ее одежду, довел ее до пещеры. Сигурни, вся псиневшая, закуталась в одеяло.

— Надеюсь, дело того стоило, — ворчал Баллистар.

— Д-да. Он... он здесь.

— Кто?

— Железнорукий.

— В пещере? С нами? — Баллистар стал испуганно озираться. — Я не вижу его.

Она скинула одеяло.

— Разотри-ка меня.

Он стал массировать ее плечи.

— Мало нам колдунов, будем еще и с призраками водиться.

— Ниже. Спину потри, — приказала она.

— Ты бы села поближе к огню.

— Нельзя сейчас. После, когда немного согреюсь. Ах, хорошо. Теперь руки.

Он старался не смотреть на ее грудь, но это плохо ему удавалось. Сигурни, похоже, было все равно — еще бы, ведь он для нее не мужчина.

— Теперь я посплю, Балли, а ты стереги меня и следи за костром.

Зажав в руке кость, она легла у огня. Он укрыл ее обоими одеялами, поцеловал в щеку.

— Это еще зачем?

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже, — пробормотала она и уснула.

* * *

Баллистар сунул в огонь последние ветки и вышел собрать еще. Мертвые демоны так и валялись на прежних местах: холод препятствовал их разложению. Ох и вони же тут будет весной, думал карлик, ища хворост под снегом.

— Вон там посмотри, где дубы, — сказал чей-то голос.

Баллистар так и подскочил. Рядом светилась фигура в старинных доспехах, с белой, заплетенной в две косы бородой. В серебряных, украшенных чеканкой ножнах у него на боку висел длинный меч. Воин держал на эфесе красную железную руку.

— Экий ты пугливый, ей-богу. Нужны тебе дрова или нет?

— Так точно, мой господин. Нужны.

— Я тебе не господин, карлик, я только дух. Тащи дрова, пока она не замерзла.

Баллистар, откопав валежник, принял сновать от дубравы к пещере.

— Нелегко, должно быть, жить в таком теле, — заметил призрак, неотступно сопровождавший его.

— Будь моя воля, я бы выбрал другое.

— С лица ты по крайней мере красив. Довольствуйся малым.

— У меня все маленькое, кроме одного — а этим я никогда не пользуюсь. — Баллистар положил две большие хворостины в костер.

Призрак уселся рядом.

— Как знать, может, и доведется. У меня при дворе были двое карликов, и оба пользовались успехом. Однажды мне пришлось быть судьей в весьма деликатном деле. Один рыцарь узнал, что его жена завела шашни с карликом. Он требовал, чтобы карлика повесили, а жену сожгли на костре.

— И вы их казнили?

— Что ж я, варвар, по-твоему? Я сказал ему, что в случае публичного суда он станет всеобщим посмешищем. Жену с

позором отослали к родителям, карлика оскопили. Но это я не к тому. Ты, главное, верь.

— Благодарю за совет. Авось и найдется женщина, которая пустит меня полазать по ней. — Баллистар пересказал призраку шутку Бакриса, и тот посмеялся.

— Нос к носу? Прекрасно. А ты ему что ответил?

— Я смеялся вместе со всеми, хотя сердце у меня разрывалось.

— Да, так лучше всего. — Король посмотрел на Сигурни. — Как она там, согрелась?

Баллистар потрогал ее руку.

— Немножко. Она чуть не погибла, разыскивая на дне ваши кости.

— Знаю, я был там. Упрямая. Это у нее в крови, что поделаешь. Я сам был упрямый. Есть новости о войне?

— Я думал, вам они известны лучше, чем бедному карлику. Разве духи не летают по всему свету?

— Другие духи мне незнакомы, а сам я прикован к месту собственной смерти. Вернее сказать, был прикован. Теперь я буду путешествовать вместе с Сигурни.

— Весьма утешительно. Думаю, в лагере вы произведете немалый переполох.

— Меня никто не увидит, парень, даже ты. Тебе я показался лишь потому, что Сигурни имела глупость обо мне рассказать. Так что же у вас нового?

— Паллиды потребовали, чтобы Сигурни нашла утраченную корону, — сообщил Баллистар. — Теперь мы ждем Талиесена, который должен нам показать, где она.

— Куда идти, я знаю. Вся штука в том, чтобы вернуться оттуда живым.

— Где же это?

— В умирающем колдовском мире. Там самый воздух отравлен магией, и ни одна живая душа дольше нескольких ме-

сяцев не протянет. Один из моих чародеев, ушедший за Брата с той же целью, пропал навсегда. Другой вернулся смертельно больной, и ни чары, ни снадобья его не спасли. Но перед смертью он рассказал нам об опасностях того мира, и я решил никого больше за короной не посыпать.

— Но Сигурни придется пойти туда. Без короны Паллиды не признают ее вождем. Может, они вам поверят? Явитесь Фиону Острому Топору и подтвердите, что Сигурни — избранная.

— Я мог бы, но в таком случае Сигурни всем была бы обязана давно усопшему королю. Нет, Баллистар, она сама должна завоевать право повелевать горцами. Вернувшийся чародей сказал, что там есть город, в городе храм, а в том храме лежит корона. Он сам ее видел, и ему даже позволили к ней прикоснуться. Он, видимо, думал, что по возвращении это поможет ему исцелиться, но надежды его не сбылись.

— «Позволили прикоснуться»? Значит, там кто-то живет?

— Да, тамошний народ еще цепляется за жизнь в мире смерти.

— Что же там такого опасного?

— Солнце там не светит, трава не растет, злаки не вызревают. Город стоит в мертвом лесу, где царят вечные сумерки. Горы вокруг изрыгают огонь и пепел, а порой и вовсе рушатся с оглушительным громом. Теперь ты понимаешь, почему я запретил своим людям ходить туда.

— Чем же живут те, другие, если урожай у них не зреет и для скота корма нет?

— Войной.

— Как это? Не понимаю.

— Понять это способен лишь тот, кто изведал темную сторону жизни.

Баллистар, которого все-таки одолел сон, встрепенулся и бросился к Сигурни. Она была теплая и крепко спала. Успо-

коенный, он раздул угли, подкормил костер, набил котелок снегом. Добавив по мере таяния еще несколько пригоршней, он всыпал в воду овес и посолил варево.

Взошедшее солнце золотило устье пещеры, птицы щебетали, воздух пьянил обещанием скорой весны.

Сигурни потянулась, и одеяло сползло с ее нагих плеч.

— Завтрак... А ты еще спрашивал, зачем я тебя сюда позвала.

— Рад служить моей королеве.

— Талиесен не показывался?

— Пока нет, но ведь день только что занялся. — Баллистар двумя палочками снял котелок с огня, помешал загустевшую кашу. — Меда-то ты не взяла, — пожурил он. — Без него овсянка невкусная.

— Я и так нагрузилась. Еще и тебя тащила в придачу. Ты поспал?

— Да, немного.

— Когда я снова вздумаю понырять в проруби, — улыбнулась она, — напомни мне про мою вчерашнюю глупость.

— Это уж непременно. Как ты?

— Я отдохнула и впервые за много недель обрела покой. Какое счастье не рассматривать планы, не улаживать ссоры, не гладить кого-то по шерстке. Просто завтракать в теплой пещере и в хорошей компании.

— Надеюсь, ты и меня в нее примешь? — Талиесен возник на пороге, стряхивая снег с перьев плаща.

Улыбка сошла с лица Сигурни.

— Здравствуй, Талиесен.

— Красивая ты, Сигурни, — сказал он, садясь у огня. — Лет пятьдесят назад твое тело зажгло бы во мне плотские желания, но теперь я твою красоту воспринимаю совсем иначе. Итак, Паллад попросил корону? — Сигурни, быстро натягивая на себя одежду, кивнула. — Это будет непросто, однако и

медлить нельзя. Я отправлю тебя за Врата, как только ты будешь одета.

— Мир по ту сторону Врат отравлен, — холодно вставил Баллистар. — Она может погибнуть там.

— Меня нелегко удивить, карлик, но тебе это удалось. Откуда тебе известно о Юр-вейле?

— Я сказочное создание, — ухмыльнулся тот. — Много разного знаю.

— Тогда, быть может, продолжишь?

— Охотно, — согласился Баллистар и выложил все, что рассказывал ему ночью Железнорукий. Изумление Талиесена, которое тот пытался и не мог скрыть, доставляло ему величайшее наслаждение. Закончив, он разлил овсянку в две плошки, дал одну Сигурни, а Талиесену предложил похлебать из горшка.

— Я не голоден. Что еще ты можешь сказать про Юр-вейл?

— Ничего. Продолжай.

— Юр-вейл некогда был райским местом, — злобно глянув на карлика, заговорил Талиесен. — Жители его не знали, что такое уродство, и ничем не болели. Теперь все в корне переменилось. Этот мир сплошь занят океаном, и лишь у экватора есть небольшое количество суши. Два больших города, расположенных там, постоянно воюют между собой. Иная жизнь для них невозможна по причинам, в которые мы сейчас вдаваться не будем. Корона находится в храме города Зирвака. Город осажден, и попасть туда можно только по черной реке, которая через него протекает. Пить из нее нельзя, ибо она отравлена вулканическим пеплом, но городская вода, очищенная посредством особых фильтров, для питья пригодна. Пищу возьми с собой и там не ешь ничего, каким бы вкусным ни казалось тебе угощение.

— Как мне пройти в тот мир? — спросила Сигурни.

— Через Врата, находящиеся у водопада. Ты окажешься милях в семи к югу от города. Солнца там нет, но приметой тебе послужат две горные вершины на севере. Придя обратно к Вратам, ты разрежешь себе руку и окропишь кровью все шесть стоящих в кругу камней. Это вернет тебя в твой мир.

— Нас вернет, — поправил Баллистар.

— Я пойду одна, — заявила Сигурни, но Талиесен, улыбнувшись против обыкновения, посоветовал ей:

— Ничего, возьми карлика. Он тебе пригодится.

— С чего тебе вздумалось за меня просить? — удивился Баллистар. — Ты ведь меня не любишь, я знаю.

— Может, именно потому я за тебя и прошу. Оружие у вас с собой есть?

— Да, — ответила Сигурни. — Лук, ножи, моя сабля.

— Хорошо. Можем отправляться, если вы оба готовы.

Сигурни положила кость Железнорукого в кошелек, туто завязала его и повесила на шею.

— Что это у тебя? — спросил чародей.

— Талисман.

Талиесен, ничего не ответив на это, распорядился:

— Помойте и уложите посуду. Я жду вас на том берегу.

— Ты уверен, что хочешь идти со мной, Балли? — спросила Сигурни, когда он вышел.

— Целиком и полностью.

Талиесен стоял у скалы, ярдах в двухстах от места упокоения Железнорукого. Сигурни и ее друзья, играя там в детстве, часто спорили о вырезанных на камне знаках. Внизу лежала ровная, как будто обработанная человеком, плита, глубокие борозды на утесе обрисовывали подобие двери. Была там и надпись, стершаяся за долгие века от ветра, дождя и снега.

— Это одни из Малых Врат, — сказал Талиесен. — По нашему времени через них передвигаться нельзя, но откры-

вать двери времени в иных мирах можно. Хорошенько запомните, что я сказал. Не пейте воду из черной реки, не принимайте того, чем вас будут угощать. Ваша жизнь зависит от этого. Один знакомый мне чародей съел там немножко свинины, но она разрослась у него в животе, и он лопнул. Юр-вейл — волшебный мир, и вы в нем чужие. Именно из-за этой чуждости магия вокруг вас будет стократ сильнее. Итак, куда вам нужно идти?

— К двум горным вершинам.

— Верно. Я уже промерз насеквоздь, так что начнем. Готова? — Сигурни кивнула. — А ты, карлик? Есть еще время передумать. По ту сторону тебя ждет такое, что и в страшном сне не привидится.

Баллистару показалось, что чародей искренне за него беспокоится. Ему стало не по себе, но он храбро взял Сигурни за руку и сказал:

— Я готов.

— Хорошо. — Талиесен закрыл глаза и стал произносить слова на языке, неведомом горцам. Звуки лились, словно музыка. Из нарисованной на скале двери хлынул бледный свет, затем камень сделался прозрачным, и Сигурни увидела перед собой холодный серый пейзаж. — Идите скорей, — велел Талиесен. — Вход держитесь только пару мгновений.

Они повиновались. Сигурни показалось, что она прошла сквозь водопад, но охвативший ее холод был лишен свежести. Они оказались в кругу шести высоких гранитных камней, и оставшийся позади Талиесен пропал из глаз.

— Ну, вот и пришли. — Сигурни посмотрела на Баллистара — тот корчился у ее ног. — Балли! Что с тобой? Тебе плохо?

Он забился еще сильнее, и ей стало видно, что он растет...

Бросив лук, она склонилась над ним. Ноги карлика высунулись из штанов, сапожки на нем разлезлись, кожаный пояс

лопнул. На земле, едва прикрытый клочьями прежней одежды, лежал рослый молодой человек. Один сапог, как браслет, застрял у него на лодыжке. Баллистал застонал и сел.

— Что это со мной? — спросил он, и тут ему на глаза попались собственные руки и ноги. Вскочив, он увидел, что стоит вровень с Сигурни. — Боже, Боже! Я вырос! — Он обнял ее, чмокнул в щеку. — Я большой! Посмотри на меня!

— Хорош, — подтвердила она с улыбкой. — Это поистине волшебное место.

— Он сказал, что такое и в страшном сне не привидится. Как же он ошибался! Только об этом я всегда и мечтал. Теперь я смогу бить иноземцев наравне с остальными. Никаких больше издевок и шуточек. Сигурни... — Баллистал снова сел на землю и зарыдал.

— Я захватила чистые штаны и рубашку. Думаю, они тебе будут впору, — а если и нет, все лучше, чем эти лохмотья.

Он кивнул и стал рыться в ее котомке.

— Я даже жениться могу. И родить больших сыновей!

— Конечно, Балли. Ты красивый и будешь славным отцом. А теперь одевайся, надо идти.

Небо здесь было свинцово-серое, пахло скверно. Далеко на востоке виднелись огни двух вулканов, изрыгавших лаву и пепел.

— Не слишком гостеприимный край, — сказала Сигурни.

— А по мне, так просто чудесный.

Баллистал стаскивал изорванные штаны. Сигурни посмотрела и ахнула.

— Боже правый, Балли. Он у тебя тоже вырос?

— Нет, — хихикнул тот, — он всегда был таким. Нравится?

— Прикройся, дурень! — засмеялась она.

Он натянул ее зеленые штаны, завязал тесемки.

— Тесноваты малость. Я теперь ростом с Фелла?

— Нет, но выше Гвина и Баクリса. Хватит с тебя и этого.

Она хотела взять лук и остолбенела. Лук пустил корни в землю и начал ветвиться.

— Ты погляди только!

— А стрелы? — спросил Баллистар. Сигурни достала из колчана стрелу — та осталась такой, как была. В этот миг из-за облаков пробился одинокий луч солнца, омыв золотом выросшее из лука деревце. Сигурни подставила лицо желанному солнечному теплу, но луч быстро померк.

На груди у нее что-то зашевелилось. Кожаный кошелек раздулся и стал извиваться, как будто в нем сидела большая крыса. Сигурни скинула его с шеи. Кошелек лопнул, кость вывалилась и стала разрастаться в скелет. К остову прибавлялись связки и хрящи, суставы становились на место.

Полежав немного на серой земле, костяк вдруг оброс внутренностями, мышцами, жилами. Кожа обтянула красную плоть, на голове и подбородке проросли серебристые волосы.

Железнорукий испустил долгий прерывистый вздох, открыл глаза и увидел Сигурни.

— Я все чувствую. Землю под собой, воздух в легких. Как это возможно?

— Понятия не имею. — Она сняла свой зеленый плащ, прорвала в середине дыру и подала отцу. Железнорукий надел его через голову.

— Где мы?

— В Юр-вейле. Талиесен провел нас через магические Врата.

— Странно — но хорошо, клянусь Гроваком, снова быть живым и иметь две здоровые руки. — Король сжал кулаки и спросил юношу, стоящего рядом с Сигурни: — Кто ты?

— Это я, Баллистар. Здешнее волшебство сделало меня высоким — не таким, правда, как ты.

— Ты достаточно высок, — хмыкнул Железнорукий. — Что дальше, дочка?

Она указала на две горные вершины:

— Пойдем в город и отыщем корону.

Йос-шиль, больше двухсот семидесяти лет торговавший на Черной реке, с великой печалью вспоминал, как кончились золотые дни Юр-вейла. Он праздновал свой двадцать четвертый день рождения, когда первый вулкан залил окрестности лавой, уничтожив виноградники и кукурузные поля.

Жестокое было лето. Сначала война, потом стихийные бедствия, застлавшие пеленой солнце. С тех пор год от года все делалось только хуже. Йос-шиль, запустив пальцы в густые белые волосы, посмотрел в окно на причал. Там грузилась его баржа — одна из трех, которым предстояло отправиться в Эирвак под покровом сумерек. Копченая рыба и лес — единственные товары, которые еще что-то стоили. Йос-шиль менял их на воду и золото в тщетной надежде, что золото снова когда-нибудь станет твердым платежным средством.

Единственный солнечный луч, сверкнувший где-то на юге, согрел его сердце. Сколько он уже не видел таких просветов — год или два? Грузчики, тоже заметившие это явление, прервали работу.

— Может, это знак, хозяин? — крикнул молодой парень, увидев Йос-шиля в окне. — Знак, что солнце вернется?

Луч погас.

— Я больше не жду знамений, — тихо произнес Йос-шиль и вышел на пристань. — Их должно быть пятьдесят, — сказал он, пересчитав бочки с рыбой.

— Две протухли, — пророкотал громадный детина в красной, шитой золотом рубахе. Йос-шиль знал, что Крис-иен лжет, но с этим головорезом лучше не связываться. Двое че-

ловек, поставленных стеречь товары, исчезли загадочным образом, и хозяин подозревал, что их уже нет в живых.

— Хорошо, Крис-йен, продолжайте.

Тот с презрительной улыбочкой зашагал прочь.

«Зря я взял его на работу, — думал Йос-шиль. — Скоро он со своими братьями обдерет меня дочиста, хорошо еще, если жизнь оставит. Да разве теперь от жизни есть какая-то радость», — усмехнулся он, посмотрев на серое небо.

Гавань охраняют солдаты — может, их напустить на Крис-йена? Ведь без грузов Йос-шиля город долго не проживет. Да только Крис-йен успел завести дружбу с офицерами, постоянно им что-то дарит. Сунешься к ним — себе же хуже.

Йос-шиль посмотрел на чернильную воду. Рыба здесь больше не водится — за уловом приходится выходить далеко в море.

Показалась обратная баржа из города с пришвартованными на палубе бочками. Питьевая вода, пропущенная через угольные фильтры Зирвака, и свежее мясо солдатам.

Через некоторое время Йос-шиль, сидя над своими конторскими книгами, услышал на пристани шум. Он закрыл книгу, вытер перо и пошел к воротам следом за своими рабочниками. В гавань только что вошли двое мужчин и женщина, красавица с серебристыми волосами. Один из мужчин был гигант в нелепой зеленой накидке, подпоясанной чем-то похожим на тетиву, с волосами такого же цвета, как у женщины, второй — молодой парень в зеленых штанах и тесноватой рубахе.

— Откуда вы? — Крис-йен, подбоченившись, стал перед женщиной.

— С юга. Нам надо в город.

— А чем заплатишь? — Женщина достала золотую монету. — Здесь это больше не в ходу, моя прелесть, — зас-

маялся Крис-йен. — Пойдем с тобой на склад, авось и договоримся.

— Что ж, попытаем удачи в другом месте, — бросила она, но один из братьев Крис-йена схватил ее за руку.

— Кроме нас, больше никого нет. Соглашайся.

— Убери от меня свою лапу, — приказала она.

— А то что? — заржал он.

Она боднула его в нос и добавила ногой в челюсть. Солдаты с укреплений наблюдали за этой сценой, но вмешиваться как будто не собирались.

— Нападение! — завопил Крис-йен. — Хватайте ее! — Несколько человек сунулись к женщине. Она уложила одного кулаком, а ее молодой спутник сцепился с другими.

— Ну, хватит! — Голос гиганта с серебряной бородой громом прокатился по пристани. — Ты, похоже, главный бычевашего паршивого стада, — сказал он Крис-йену. — Может мы решим это между собой?

Крис-йен без лишних слов двинул его в подбородок, но тот даже не пошатнулся.

— Если это лучшее, на что ты способен, дела твои плохи, сынок. — Крис-йен нацелился левой, но незнакомец загородился и открытой ладонью хлопнул его по щеке. Звук был такой, словно треснуло дерево. Крис-йен, с трудом устояв на ногах, ринулся на противника головой вперед и нарывался на прямой удар правой. Он ничком рухнул наземь, дернулся и затих. — Челюсть точно стеклянная, — проворчал великан. — Кто-нибудь еще хочет? — Никто не двинулся с места. Боец преспокойно снял с поверженного красную рубашку и надел на себя. — Тесновата малость, но ничего не поделешь. — За рубашкой последовали кожаные штаны и черные сапоги. — А это ничего, впору. Кто у вас за начальника?

— Я, — вышел из толпы Йос-шиль.

— С тобой, значит, насчет проезда сговариваться?

— Я вас провезу бесплатно.

— Благодарствую. Я Железнорукий, а это моя дочь Сигурни и ее друг Баллистар.

— Понятно, за что тебя так прозвали, — усмехнулся Йос-шиль.

Старый купец предложил гостям выпить вина и откушать. Их отказ обидел его, но он не показал виду. Баллистар проникся к Йос-шилю симпатией и с сочувствием слушал его рассказы о злом Крис-йене.

— Какое-то время он тебя беспокоить не будет, — сказал Железнорукий, — однако советую сразу же взять кого-то на его место, а приспешников разогнать.

— Я бы с радостью, кабы вы меня поддержали.

— Поддержим, — пообещал Железнорукий.

— Просто чудо, что ты свалил его с одного удара. Я вдоволь насмотрелся, как он молотит людей кулачищами и ломает им руки.

— В нашей стороне народ крепче, — сказал Баллистар.

— Это где же?

— На юге. — Баллистар уже жалел, что проговорился.

— Мы из другого мира, Йос-шиль, — вмешалась Сигурни. — Сюда мы прошли через магические Врата.

Поняв, что это не шутка, купец перестал улыбаться.

— Так вы волшебники?

— Мы — нет, но пройти нам помог волшебник. Мы пришли забрать то, что принадлежит нашему миру.

— Солнце, — промолвил Йос-шиль. — Это вы были там, на юге. Как вы это сделали?

— Не понимаю, о чем ты. Там был короткий просвет...

— О нем и речь. Мы тут годами солнца не видим. Ты способна вызывать его по своей воле?

— Я ни при чем, Йос-шиль. Все дело в моем луке. Он пустил корни, начал расти, и тут проглянуло солнце.

— У нас тоже раньше были волшебники, целый храм. Они основали великую библиотеку Зирвака. Когда солнце скрылось, их обвинили и принесли в жертву на алтаре. Король обещал, что после этого извержения прекратятся, но они не прекратились. Многие пророки за двести лет говорили нам, что кровавая жертва умилостивит богов, но боги так и не смягчили своего гнева. Мы гибнем, Сигурни. Надеяться не на что.

— Вас губят стихии, а вы, несмотря на это, ведете войну. Зачем?

— Все началось из-за женщины. Дед нашего короля влюбился в знатную девицу с востока, обещанную в жены кальвакскому королю. Отец девушки, хотя она слезно молила его, заставил ее сдержать слово и отправил в Кальвак. Зирвакский король, прия в бешенство, поклялся отбить ее у соперника. Наше войско пошло на Кальвак и получило отпор. В это самое время началось первое извержение. Каждая сторона винила другую, говоря, что предательство навлекло на нас гнев богов. Поначалу все было не так уж страшно, только лето с каждым годом становилось короче. Но постепенно пелена затянула небо, и пепел лег на поля. Пищи недоставало, даже рыба ушла подальше от берега.

— Тем не менее война продолжается, — заметил Железнорукий. — Как случилось, что ни одна сторона так и не победила? Ты сказал, что войну начал дед вашего короля — когда ж это было?

— Около двухсот сорока лет назад. Тех, с кого всё началось, давно уже нет, и воюем мы по другим причинам. Коромиться-то больше нечем.

— Они едят мертвых! — выдохнул Баллистар.

— Мне говорили, на свинину немного похоже, — подтвердил его догадку Йос-шиль. — Сам я не пробовал, но ду-

маю, что придется. Жизнь везде сладка, даже в юр-вейлском аду. — Он вздохнул. — Но скажи, друг, что за весть вы здесь ищете? Глядишь, я вам чем-то и помогу.

— Корону Альвена, — сказала Сигурни.

— Не знаю такой.

— Крылатый серебряный шлем с золотой отделкой.

— Райский Венец? — в ужасе глянул на нее Йос-шиль. — Но его нельзя забирать! Это единственное, что дает людям надежду. Каждые двадцать пять лет он показывает нам видение рая: водопады, зелень деревьев, счастливых поселян. Это бесценнейшее наше сокровище.

Сигурни обняла старика за плечи.

— Он показывает вам мой народ, стоящий у водопада Альвена. Каждые четверть века корона является над его водами. Мы все сходимся на нее посмотреть — а вы, стало быть, сходитесь посмотреть на нас. Скажи, Йос-шиль, когда солнце вам светило в последний раз?

— В день похорон старого короля. Когда его погребальную ладью подожгли и пустили плыть по реке, солнце вышло на целый день. На улицах пели и танцевали, празднуя это.

— А еще раньше?

— Не помню... ага. Двенадцать лет назад, на пиру Атлинга. Мы увидели огромное красное солнце нового дня, но продолжалось это совсем недолго.

— Что же было на следующий день празднества?

— Ты не понимаешь. Пир Атлинга совпадает с видением, которое посыпает нам Райский Венец, и случается раз в четверть века.

Баллистару наскучил их разговор. Он подошел к окну и стал наблюдать за погрузкой барж.

— Поговори, старина, с теми, кого хочешь уволить, — посоветовал Железнорукий. — Когда твои суда отчалият, нам надо быть на борту.

— Сейчас займусь этим. Спасибо вам.

Час спустя все трое сидели на корме сорокафутовой баржи, идущей на шестах вверх по реке. По бокам висели деревянные щиты, которые поднимались в случае нападения, на палубе лежали огромные камни для метания во вражеские суда. На носу помещались вооруженные люди, все гребцы имели при себе длинные ножи.

— Так что же, находим храм и похищаем корону? — спросил Баллистар. — Тогда нам лучше дождаться ночи.

Сигурни решила пройтись вдоль левого борта. Один солдат улыбнулся ей и тихо посоветовал:

— Не отходи далеко от своих друзей. Скоро будет так темно, что ты руки своей не увидишь.

Она поблагодарила его, вернулась назад и села на бухту каната. Темнело и вправду быстро. Скоро баржу окутала такая непроглядная тьма, что Сигурни ужаснулась.

— Как будто мы умерли, — прошептал Баллистар.

Она ощупью нашла его руку, стиснула пальцы.

— Ошибаешься, — сказал Железнорукий. — Смерть не темная — она яркая и подлая.

— И как они только правят в этаком мраке? — недоумевал Баллистар.

— Тихо там, на корме, — послышался голос. — Через час покажется город.

В темноте почти не ощущалось, что баржа движется, и Сигурни стала вспоминать, как они с Феллом вместе охотились и предавались любви у костра. Он так хорошо понимал все ее настроения. Порой ей хотелось просто свернуться калачиком, прижавшись к нему, и он ограничивался нежными поцелуями. Порой ее охватывала страсть, и он отвечал ей с таким же пылом. Но и она любимого понимала не хуже — его мысли, его мечты.

Впервые они поцеловались на склонах Хай-Друина в солнечный летний день. Перед этим они пробежали четыре мили, от Треугольной скалы до Белого ручья. Фелл бегал быстрее, но Сигурни была гораздо выносливее; она не отставала от него всю дорогу и вырвалась вперед на последнем долгом подъеме.

Пока он отдувался, Сигурни соорудила из коры чашу и принесла ему воды из ручья.

«Ты настоящее чудо, Сигурни», — выговорил он наконец и поцеловал ей руку.

«Бедный мой Фелл! — Она обхватила его за шею. — Скажи, твоя гордость сильно уязвлена?»

«С чего бы? — удивился он. — Я сделал что мог».

«Как это мило, что ты поцеловал мне руку».

«Дай поцелую еще раз».

«Тогда уж в губы».

«Ты очень смелая для горянки, — улыбнулся он, — видно, Гвалчмай плохо тебя наставлял. Я не прочь проиграть тебе в беге, но в любовных делах уступать не хочу».

«Почему?»

«Потому что всю ночь обдумывал, как добиться от тебя поцелуя. Зря, выходит, старался».

Сигурни растянулась на мягкой траве. «Ничего подобного. Рассказывай, что придумал».

«Поздно. Лиса уже забралась в курятник».

«Все равно я хочу послушать».

Он прилег рядом, опершись на локоть. «Я хотел сказать, что никогда не видел таких, как ты. Что счастлив только с тобой. Ты свет моей жизни, Сигурни, и так будет всегда».

«Ты победил меня своими речами. А теперь поцелуй».

— Какая у тебя рука теплая, — вернул ее к настоящему Баллистар.

— Потому что я думаю о приятных вещах.

Вдали замерцали тусклые городские огни. Баржа подошла к арке подъемных ворот. Кормчий подал сигнал фонарем, на воротах ответили тем же. Решетка с визгом и скрежетом поползла вверх.

На причале горели фонари, и Баллистар перевел дух.

— Вот жуть-то. Все равно что ослепнуть.

— Не так уж и страшно, — вздохнула Сигурни.

Баржа стукнулась о каменную причальную стенку. Железнорукий сошел первым, Сигурни с Баллистаром за ним.

— Что теперь? — спросил воин.

— Надо найти место для ночлега, — ответила Сигурни, — а утром пойдем к королю.

— Это еще зачем? — опешил Баллистар.

— Я попрошу его вернуть нам корону.

— И он, по-твоему, так просто возьмет и отдаст?

— Конечно, нет, Балли. Я предложу ему кое-что взамен.

— Без выгоды для себя он меняться не станет, — усомнился Железнорукий.

— Обмен будет выгодный, — пообещала она.

12

Ничего похожего на этот город Сигурни до сих пор видеть не доводилось. Тесно прижавшиеся один к другому дома высились, как утесы, светя многочисленными окнами. Узкие переулки ветвились, словно кровеносные жилы в каменной плоти. В крытых переходах горели цепочки масляных ламп. На каждом углу висели таблички с названиями улиц. Сигурни чувствовала себя очень маленькой, а вот Железнорукий держался как ни в чем не бывало.

— Куширские города намного красивее, — заявил он. — Там ты дивишься мастерству зодчих, а здешние каменные ульи на тебя только давят.

— Точно, давят, — согласился с ним Баллистар.

Вскоре они набрели на таверну, и Железнорукий недолго думая пошел прямо к ней.

— Погоди! Чем платить будем? — спросил Балли.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал воин.

Таверна была наполовину пуста. За грубо сколоченными столами сидели немногие посетители, за стойкой разливала пиво необычайно толстая женщина. Ее маленькие глазки прятались в складках жира, мощные груди нависали над прилавком.

— Что можете предложить? — спросил ее Железнорукий.

— Вы про напитки или про кушанья?

— Про напитки.

— Есть пиво, вода, горячий чай из кореньев.

— А чем у вас тут расплачиваются?

— Чего?

— Мы приезжие, — объяснил Железнорукий, — и нам сказали, что золото у вас не в ходу.

— Платить не надо, — раздельно, как слабоумному, сказала толстуха. — У нас давным-давно все бесплатно. Что вам налить?

— Пива.

— Мне воды, — попросила Сигурни. — А где бы нам переночевать?

— Где хотите. Вон хоть бы наверху комната свободна — только без дров, а стало быть, без огня. Ничего, если лампы зажечь, не замерзнете. Кровать там, правда, только одна. Вам двоим в самый раз, — женщина махнула на Сигурни с Баллистаром, — а вот ему...

— Я мог бы с тобой лечь, красавица, — вызвался Железнорукий. — Твоя кровать, ручаюсь, достаточно широка.

— Вот нахал, — покраснела женщина.

— Не попросишь — не получишь, — подмигнул он. — Знала бы ты, как давно я лишен женского общества.

— Нечего насмехаться. Раньше я и вправду была красавицей, так-то. Мужчины съезжались издалека, чтобы за мной поухаживать.

— Я и не смеюсь. Люблю, когда женщина в теле. Ты подумай над этим, пока наливаешь. Я человек терпеливый.

— Боже, — сказал Баллистар, когда они уселись за стол, — неужто ты в самом деле способен лечь с этой хрюшкой?

— Она меня устраивает, а тебе подойдет вон та. — Железнорукий показал на девушку, которая подавала еду — темненькую, стройную, лет семнадцати. В глазах Баллистарап вспыхнуло откровенное желание. — Сейчас позову ее.

— Нет! — пискнул Баллистар, но девушка уже подошла к ним.

— Вот мой друг говорит... — начал Железнорукий.

— Перестань! Я... э-э... прошу меня извинить.

— На самом деле, милая, он хочет сказать, что сражен твоей красотой. Будь я помоложе, мы бы с ним бились за тебя не на жизнь, а на смерть. В этом городе мы чужие и не знаем ваших обычаев, но ему очень хотелось бы провести с тобой время, когда ты закончишь работу. Что скажешь?

— Красивый парень, — одобрила девушка, рассмотрев побагровевшего до ушей Баллистарапа. — А ты, старый черт, уже успел соблазнить мою матушку, поэтому мне все равно придется поискать пристанища на ночь. Комнаты у нас под номерами, так я через часок буду в одиннадцатой. — Она потрепала Баллистарапа за подбородок. — Ишь, бородка-то мягкая, будто шелковая.

Ее мать притащила кувшин с пивом, кувшин с водой и три кружки.

— Много не пей, — предупредила она. — Пиво даже твердых мужчин делает мягкими.

Железнорукий с хохотом обнял ее за неохватную талию, посадил себе на колени и стал пить прямо из кувшина. Опорожнив его наполовину, он, к изумлению своих спутников, подхватил толстуху на руки и закружил в танце.

— Она ж, небось, целую тонну весит, — прошептал Баллистар.

Железнорукий, все так же держа ее на руках, вернулся к столу.

— Все, не могу больше ждать. Увидимся утром! — И он вынес свою добычу из комнаты.

— У меня ведь тоже свидание, — помолчав, сказал Баллистар. — Что мне с ней...

— Действуй, как природа подскажет, — засмеялась Сигурни. — Поговори с ней немножко. Скажи, что она у тебя первая.

— Нет! Не могу!

— Она и так все поймет. Удачи тебе, и постараися, чтобы у нее тоже остались хорошие воспоминания. Мужчины часто увлекаются и забывают, что и женщине хочется любви.

— Но как...

— Этому не научишь. Целуй, ласкай, пробуй так и эдак. Стараися продлить наслаждение. Так или иначе, эту ночь ты никогда не забудешь.

— Просто не верится, — ухмыльнулся он. — Я расцелую старого колдуна, когда мы вернемся.

— Лучше не надо. Он превратит тебя в паука и раздавит.

— Нехорошо только, что мы бросаем тебя одну.

Она накрыла его руку своей.

— Демонов я тоже дожидалась в одиночестве, Балли. Ночь в гостинице пустяки по сравнению с этим.

Девушка вскоре пришла, чтобы увести Баллистара, и паника, отразившаяся у него на лице, позабавила Сигурни.

— Иди, — сказала она, — наслаждайся.

Оставшись одна, она выпила воды и задумалась о волшебстве, случившемся с ними в Юр-вейле. Баллистар вырос, лук превратился в дерево, Железнорукий воскрес. Почему лук покрылся листвой, а стрелы нет? Она пыталась обсудить это с Баллистаром, но тот только плечами пожал: «Магия, кто ее разберет».

Но и у магии должны быть свои законы. Железнорукий возродился из маленькой сухой косточки — отчего же костяные наконечники стрел не превратились в оленей? Почему неожибли сапоги и кожаный пояс?

Талиесен предупреждал, что магия этого мира сильна и что на них она будет действовать больше, чем на жителей Юрвейла. Его знакомый колдун, говорил он, поел здешней свинины, и она разрослась у него в животе. Сигурни передернулась. Свинина преобразилась подобно кости Железнорукого, и живой, обезумевший от страха кабан разорвал злополучного чародея на части.

Дотронувшись незажившей ладонью до холодной железной кружки, она поморщилась — и вдруг получила ответ.

В ночь перед путешествием она поранила руку об отцовскую кость. Проходя через Врата, она держала за руку Баллистара.

Ее кровь оросила их обоих и лук, но стрел не коснулась.

Сигурни поднялась в комнату. Постель была мягкая, но она долго не засыпала — а проснувшись, увидела сидящего рядом Железнорукого.

— Надеюсь, тебе снились хорошие сны, — сказал он.

— Я их не помню. А что снилось тебе?

— Я вовсе глаз не сомкнул. Коня готов съесть.

— Не советую. Как бы конь тебя сам не съел.

Он удивился, и она передала ему то, что говорил Талиесен.

— Тогда надо забирать корону и подаваться обратно. Хочу отведать сочного мяса и ощутить запах сосен.

— Сначала нужно найти дворец, или где он там живет, их король.

— Ты все еще думаешь, что он отдаст тебе сокровище своего народа?

— Посмотрим.

Король стоял у окна своего кабинета на восьмом этаже и смотрел, как ползут к северной стене города осадные вражеские машины. Их было семь, около восьмидесяти футов высотой. Каждая обита листовым железом и непроницаема для горящих стрел. Примерно через час они подойдут, перекинут мостки, и враги хлынут на стены Эирвака.

Королевская гвардия храбро встретит их и даст возможность саперам метнуть зажигательные снаряды. Вражеских солдат, поднимающихся по лестницам осадных башен, железная обшивка не защитит.

«Вы идете навстречу собственной гибели», — подумал король. На дубовой скамье были разложены его церемониальные доспехи. Он знал, что становится стар для войны. Что будет с Эирваком, когда он падет в бою? Его сыновьям нет и ста, но даже в более зрелом возрасте полководцев из них не выйдет. Он, как видно, был с ними недостаточно строг.

На столе лежало овальное зеркало в бронзовой раме. Король, с отвращением глянув на свое серое, с тусклыми глазами лицо, взял письмо от купца Йос-шиля, пришедшее прошлым вечером. Трое чужестранцев явились в город с намерением похитить Райский Венец. Недурная встреча их ожидает!

— Некая женщина просит допустить ее к вашему величеству, — доложил с поклоном слуга.

— Сегодня мне некогда. Пусть подаст свою просьбу Пасан-Йолу.

— Не извольте гневаться, ваше величество, но она говорит, что ее дело связано с Райским Венцом. И подходит под описание, которое вы дали стражникам.

— Она пришла одна? — кротко обернулся король.

— Нет, с ней двое мужчин — гигант с серебристыми волосами и молодой человек.

— Вооруженные?

— Свое оружие они отдали страже.

Король занял место за письменным столом.

— Проведи их сюда и позови Пасан-Йола.

Женщина, как и писал Йос-шиль, была очень красива, и грация ее движений разожгла королевскую кровь.

— Вы говорите, что пришли из других краев. Откуда же?

— Я не знаю, в какой стороне от Юр-вейла наша земля, — низким, с легкой хрипотцой голосом сказала она. — Мы пришли к вам из-за волшебных Врат.

— Да, Йос-шиль тоже пишет так, но мне, признаться, трудно в это поверить. Не шпионы ли вы, засланные врагом?

Стража, войдя в кабинет, окружила пришельцев.

— Прикажете арестовать их, ваше величество? — спросил Пасан-Йол.

— Повременим, — ответил король молодому гвардейцу. — Это занятно. Говори, женщина, зачем ты сюда явилась.

— Вернуть вам солнце.

— Так ты колдунья? — уточнил король, нарушив воцарившуюся в комнате тишину.

— Да.

— Чародейство у нас карается смертью.

— Зато глупость, как видно, преступлением не считается, — улыбнулась она. — Так что же, хотите вы снова увидеть, как над Юр-вейлом сияет солнце?

— Предположим, забавы ради, что такое чудо тебе под силу. Чего ты просишь взамен?

— Думаю, это вы уже знаете из письма Йос-шиля.

— Тебе известно о письме, и все же ты просишь тебя принять. Разумно ли это, колдунья?

— Разумность того или иного действия определяется его исходом. Я предлагаю вам солнце в обмен на серебряный шлем — выбирайте сами.

— Что скажешь, Пасан?

— Они наверняка шпионы, отец, — с презрительным смехом ответил молодой офицер. — Позвольте мне допросить их.

— Еще один тупица, — с не меньшим презрением проговорил Железнорукий, обернувшись к Сигурни. — Что они тут, на родных сестрах женятся? — Офицер выхватил меч. — Убери это, мальчик, не то я им же тебя и отшлепаю.

Гвардеец встал в боевую позицию.

— Довольно, — вмешался король. — Убери меч, Пасан.

— Вы слышали, что он сказал, отец?

— Слышал, слышал. Не надо так стараться, чтобы доказать правоту его слов.

— Но кое-какие доказательства нам все же не помешают, — заметила Сигурни. — Полагаю, у вас здесь есть сад?

— В Зирваке ничего не растет, но сад имеется. Я больше там не бываю, ибо это зрелище печалит меня.

— Отведите меня туда, и я сделаю так, что ваше сердце возвеселится.

Король посмотрел в окно, за которым продолжали свое движение осадные башни.

— Хорошо, будь по-твоему. Но знай: если чуда не случится, я обвиню тебя в колдовстве.

— Если чуда не случится, обвинить меня будет трудно.

— Выдем в сад, — впервые улыбнувшись, сказал король.

* * *

Дворцовый сад насчитывал более двухсот футов в длину. Все это пространство пересекали белые извилистые дорожки. Там помещалось три фонтана, ныне сухих, и клумбы, покрытые слоем серого пепла. Вдоль мраморных стен стояли высохшие деревья. Унылое место, лишенное какой бы то ни было жизни.

Сигурни оглядывала его не без страха. Что, если ее расчеты ошибочны?

— Жду не дождусь, — подмигнул ей Железнорукий.

— Ты обещала нам чудо, — напомнил король. Он стоял, скрестив руки, его сын держался за меч, шестеро стражников беспокойно переминались рядом.

— Не дадите ли мне на время кинжал, ваше величество? — попросила Сигурни.

— Еще чего! — вспылил Пасан-Йол.

Она подставила ему свою руку.

— Сделайте, пожалуйста, небольшой надрез.

Принц медленно провел своим кинжалом по ее коже. Проступила кровь. Сигурни опустилась на колени перед сухим кустом и окропила его.

За этим ничего не последовало. Сигурни бросила взгляд на Железнорукого, не сводившего с нее глаз. Перед визитом во дворец она поделилась с ним своими умозаключениями, и он крепко задумался.

— Где же чудо? — затвердевшим голосом осведомился король.

Железнорукий, став на колени рядом с дочерью, шепотом посоветовал:

— Дотронься.

Она провела пальцами по кусту. Руке стало жарко. Сухие ветви, впитав в себя кровь, выбросили побеги, и те, разрастая-

ясь, потянулись к серому небу. На кусте расцвели три розы, алые, как ее кровь.

Сигурни встала, собравшись дать объяснения королю, и тут сквозь пелену пробился солнечный луч. При его ярком свете король предстал старым измученным человеком с морщинистым лицом и ввалившимися глазами.

— Как ты это сделала? — прошептал он, опускаясь в свою очередь на колени и вдыхая аромат розы.

— Солнце выйдет, когда войне настанет конец.

— Что такое?

— Вы живете в волшебной стране, где война и разрушение питают темную сторону магии. Ненависть, злоба, жажда крови лишь способствуют извержению огненных гор. Воюя, вы уничтожаете собственный мир. Вспомните: солнце показывалось на пиру Атлинга, когда между войсками объявили трехдневное перемирие. В день погребения вашего отца тоже был заключен мир. Перед войной же Юр-вейл был подлинным раем. Понимаете? Вашей земле каким-то образом перedaются чувства живущих на ней людей. Вы сами порождаете вечный круговорот ненависти и насилия.

— Говорил я вам, что она шпионка! — взревел Пасан-Йол. — Она хочет одурачить нас, усыпить нашу бдительность.

Издали послышались глухие раскатистые удары и лязг стали о сталь. Солнце померкло.

— Осадные башни достигли стены, — сказал король. — Мне нужно идти, но я подумаю над твоими словами, и мы сегодня же поговорим с тобой снова. Тем временем кто-то из слуг покажет вам дворцовый музей. Там много диковин, в том числе и Венец, цель вашего путешествия.

Сигурни и Баллистар поклонились, Железнорукий ограничился легким кивком.

— Ваш друг не слишком почтителен. Разве он не знает, что королям подобает воздавать честь?

— Знает, ваше величество, — ответила Сигурни, — но он сам король и не привык кланяться.

— Монарху неприлично так одеваться, — усмехнулся король, кивнув на тесную красную рубаху Железнорукого. — А тебе бы нужно перевязать рану, если ты, конечно, не хочешь оживить весь мой сад. Ты слишком глубоко порезал ее, Пасан. Пошли за лекарем, и пусть о наших гостях позаботятся.

— Отец...

— Сделай, что я сказал. У меня нет времени с тобой препираться. — И король удалился в сопровождении четырех солдат.

— Его ты сумела одурачить, но меня — нет, — злобно глядя на Сигурни, заявил Пасан. — Вы враги, а врагов следует уничтожать. Посмотри: твои розы уже вянут, — с торжеством заключил он.

— Да, — грустно согласилась она. — Каждая смерть там, на стене, способствует этому. Каждый кусок мертвечины, съеденный вами. Каждое злое слово.

Руку ей перевязали, но кровь еще слегка сочилась из раны. Трое путешественников сидели в главной музейной зале. Вдоль стен здесь стояли изваяния, в нишах висели картины, а посередине, на золотом столбе, хранилась в хрустальном футляре корона Альвена. Она мерцала при свете ламп, и Железнорукий не отрывал от нее восхищенного взора.

— Будь у меня эта корона, не случилось бы междоусобной войны. Мы с Эларин и с тобой, Сигурни, жили бы в мире и радости.

— Судьба и так не обделила меня. Гвалчмай был чудесным отцом, и жилось мне привольно.

— Все равно, я хотел бы, чтобы все у нас вышло иначе.

— О прошлом грустить бесполезно, ведь его не воротишь. Что ты будешь делать, когда мы придем назад? Откроешься и возглавишь войско? Ты пригоден для этого куда больше, чем я.

— Вряд ли. Новая королева — ты, так пусть и будет. Я буду твоим советником, ну и подраться тоже не откажусь.

— Еще неизвестно, вернемся мы назад или нет, — встал Баллистар. — Что, если ты ошиблась насчет этой войны, и солнце больше не покажется?

— Нет, не ошиблась. Я почувствовала это с той самой минуты, как лук мой зазеленел. Эта земля страдает. Все здесь противоречит природе. Вместе с войной, я убеждена, кончатся и стихийные бедствия.

— Думаю, ты права, но войну можно прекратить только с согласия обеих сторон, — заметил Железнорукий. — После столь долгой вражды договориться непросто. Что мы будем делать, дочка, если они так и не помирятся и король не отдаст Венец?

— Уйдем без него и сразимся с иноземцами без Паллидов.

— Есть хочется, — вздохнул Баллистар. — Раздобыть бы какой-нибудь котелок — овес ведь у нас еще есть?

— Попроси у них, — кивнула Сигурни на часовых у двери. Но в просьбе им отказали, и они стали осматривать многочисленные здешние диковины.

Ближе к вечеру слуги подлили масла в лампы и зажгли новые. Высокие закругленные окна задернули бархатными шторами.

В конце концов вернулся король, облаченный в доспехи и еще более усталый, чем утром.

— Осадные башни разрушены, но дорогой ценой. Я запросил перемирия и через час встречусь с их королем за стенами города. Вы тоже пойдете со мной.

— Хорошо, государь, — ответила Сигурни.

У главных ворот города зажгли на шестах больше пятидесяти фонарей, расставили два ряда стульев лицом друг к другу. Света в непроглядной ночи хватало всего на пару шагов.

— Еще фонарей, — приказал король. Переодетый в простой голубой камзол, он занял свое место с Сигурни по левую руку и Пасан-Йолом по правую.

Зажгли еще двадцать светильников. Вскоре из вражеского стана вышел пеший отряд с королем во главе. Тот так и остался в серебряных с золотом доспехах, однако шлем снял и выглядел не менее усталым, чем зирвакский король.

Ни на кого не глядя, он прошел прямо к стулу напротив своего неприятеля. Его свита, числом двадцать человек, разместилась позади короля.

— Итак, Нашан, — заговорил он, — с какой целью устроил ты эту встречу?

К рассказу о чуде в дворцовом саду он отнесся скептически.

— Сегодня ты расколотил несколько башен, однако понял, чего они стоят, не так ли? Трудновато вам было остановить их. Я построю еще пятьдесят, и Зирвак падет. За дурака меня держишь, кузен? Хочешь предотвратить свое поражение, рассказывая мне такие вот бредни?

— Бредни то, что мы с тобой делаем, Ревва. Ведем войну, начатую нашими дедами, ради чести наших домов. Скажи мне, где же здесь честь?

— Честь я обрету, вздев твою голову на пике над воротами Зирвака.

— Так бери ее, мою голову. Если это поможет прекратить войну и вернуть солнце на небо, я умру с радостью. Это все, чего ты желаешь?

— Я требую, чтобы твои люди сдались и открыли городские ворота.

— Ворота уже открыты, — проговорил король Нашан. — Больше воевать мы не будем.

— Нет! — вскричал Пасан-Йол. — Ты не можешь предать нас всех!

— Это не предательство, Пасан. Это начало нового времени.

Никто и ахнуть не успел, как принц вонзил кинжал в грудь своего отца. Король со стоном повалился на Сигурни. Железнорукий, стоявший позади, схватил Пасан-Йола за горло и оттащил прочь, а Баллистар отнял у него нож.

Сигурни уложила умирающего на землю.

— Ревва! — слабо позвал он.

Вражеский король опустился рядом с ним на колени.

— Я сказал тебе правду, кузен. С войной, убивающей нашу землю, надо покончить. Не только ради наших домов, но и ради самой земли. Ты получаешь мою голову и мой город — пусть же это положит конец вражде между нами.

Ревва помолчал и ответил со вздохом:

— Твоя воля, Нашан, будет исполнена. Я тоже хочу видеть солнце. — Он снял боевую перчатку и взял руку Нашана в свою.

Кто-то с изумленным возгласом показал на небо, где появилась луна и блеснули звезды.

— Началось, — прошептал зирвакский король и умер.

Сигурни закрыла ему глаза.

— Печальный конец хорошего человека, — сказала она и пошла прочь.

Железнорукий отпустил Пасан-Йола. Тот, ошеломленно глазевший на небо с луной и звездами, бросился на тело отца и заплакал навзрыд.

В музее Железнорукий разбил кулаком хрустальный колпак, достал корону и отдал Сигурни.

— Пора уходить, — сказала она, пряча корону в свою котомку.

К реке они шли через толпы народа. Люди стояли на улицах, задрав головы к небу. Путники отвязали маленькую двухвесельную лодку, сели в нее и поплыли вниз по течению.

Сигурни смотрела на исчезающий вдали город.

— Отчего ты так печальна? — спросил Баллистар, обняв ее за плечи. — Ты ведь спасла их.

— Мне жаль короля Нашана.

— Но ведь дело не только в этом?

Она кивнула:

— Мы остановили одну войну, а сами начинаем другую. Разве наша земля отличается чем-то от этой? Что думает Хайдруин о резне, свидетелем которой он скоро станет?

— Мы воюем не ради чести, не за чужую жену, — возразил Баллистар. — Мы восстали против врага, который хочет нас истребить. Это совершенно другое дело.

— Другое ли? Я выдохлась, Балли, во мне больше нет ненависти. Когда меня изнасиловали, я рвала перебить всех чужаков до единого, а теперь ничего не хочу.

Утром, при ярком солнечном свете, они вошли в каменный круг. Сигурни размотала повязку на руке и окропила каждый из шести камней своей кровью. Все трое взялись за руки и стали ждать.

— Скорей бы дорваться до вкусного жареного мяса, — мечтательно промолвил Железнорукий.

— А мне не терпится поглядеть, какие рожи у них станут при виде меня, — подхватил Баллистар.

Голова у Сигурни закружилась. Миг спустя в лицо ей дунул холодный ветер, и она увидела перед собой Талинесена.

— Ну что, принесла? — спросил он.

Сигурни ничего не ответила. В правой руке она сжимала кость от пальца Железнорукого, за левую держался Баллистар-карлик. Он плакал. Штаны, сшитые на рослую Сигурни, свалились с него.

* * *

Гвалчмай, как все горцы, любил весну. Жизнь в горах всегда тяжела, и смерть грозит всякому, кто выйдет из светового круга, отбрасываемого костром. Зима же подобна сказочному чудовищу — она пожирает припасы, высасывает тепло из земли и из костей человека.

Но первые признаки весны, подснежники на склонах и пение птиц на деревьях, обещают жизнь.

Даже боль в спине, и та унялась, когда Гвалчмай пригрелся на солнечном крыльце своей хижины. Чувствуя себя помолевшим, он с легким сожалением развернул лист пергамента. Он давно ничего не писал, и буквы выходили корявыми, как у ребенка, однако прочтению поддавались.

А теперь и мед допить можно. Он откупорил заветный кувшин, приберегаемый с того года, когда Сигурни стала жить у него. Как только Талиесен появился на поляне, ведя за руку девочку, Гвалчмай увидел перед собой свою смерть. В ту же ночь, уложив Сигурни спать, он припрятал на чердаке кувшин меда к этому дню.

Вот и дождался...

Он встал, расправил спину. Суставы хрустели, как прутья. На полчашки осталось, прикинул он, поболтав кувшин. Не подождать ли, пока приедут? Нет, не стоит. Он выпил все до последней капли и снова с блаженным вздохом опустился на стул.

Стук лошадиных копыт по твердой земле наполнил его сердце страхом. Он ждал этого мгновения так долго, что мог бы привыкнуть, но последнее путешествие страшило его. Он пожалел, что высосал весь кувшин.

— Успокойся, старый дурак, — сказал он вслух и, выйдя на широкий двор, стал ждать.

Шесть конных разведчиков в железных шлемах и закаленных кожаных панцирях обнажили оружие, увидев его.

— Доброго утречка, молодцы! — приветствовал их Гвалчмай.

Всадники раскинулись полукругом, оглядывая лес около хижины.

— Я здесь один, ребята. Вас дожидался. У меня для вас послание — вот, читайте.

— Ты кто, старик? — спросил, надвигаясь на него, один из солдат.

— Чтец душ, — усмехнулся Гвалчмай, — глашатай правды, провозвестник крови, которая скоро прольется. В твоей деревне нашли труп и собираются тебя повесить, когда ты вернешься домой. Но пусть это тебя не волнует — ты не вернешься.

Солдат побледнел и разинул рот.

— О чём это он? — спросил другой. — Что за труп?

— Белло, — улыбнулся ему Гвалчмай, — как я рад, что вновь тебя вижу. И тебя, Джерам, — кивнул он третьему всаднику. — Вы все недолюбливаете друг друга, однако под конец будете драться спина к спине, и умрете вместе, и вместе отправитесь в ад. Это вас утешает? Надеюсь, что нет.

— Давай свою писульку сюда! — рявкнул первый, протянув руку за пергаментом.

— Погоди, Гэль, не все еще сказано. Вас всех ждет смерть. Сигурни позаботится об этом.

— Откуда ты знаешь, как меня звать?

— Я знаю все ваши имена, все ваши гнусные делишки. Таков мой Дар. При виде такого прошлого, как ваше, он обворачивается проклятием. Ты зарыл ее глубоко на речном берегу, Гэль, но не подумал о том, что старая ива когда-нибудь рухнет и могила откроется. Хуже того, ты оставил у нее на пальце кольцо с топазом, которое привез из Кушира. Теперь вся деревня знает, что убил ее ты. В армию уже послали письмо с требованием отправить тебя на суд! Но ты,

парень, не бойся: кому вспорют живот на Дуанском перевале, того не повесят.

— Заткнись! — заорал Гаэль и рубанул старика саблей по голове.

— Вы все умрете! — крикнул тот, упав на колени. — Все ваше войско поляжет, и воронье выклюет вам глаза.

Сабля взвилась еще раз, и Гвалчмай повалился ничком. Вражеские клинки продолжали кромсать его тело, но он уже ничего не чувствовал.

Столько лет говорил правду, думал он, а теперь вот соглал. Я не знаю, победит Сигурни или нет, но благодаря этим трусам мое предсказание разойдется по иноземному войску, будто лесной пожар.

Кто-то, словно издалека, позвал его, и он ответил:

— Иду.

Гаэль вытер саблю о камзол убитого, выхватил пергамент из мертвых пальцев.

— Что там написано? — спросил Белло.

— Ты ж знаешь, что я читать не умею, — ответил Гаэль.

— Дай мне, — велел Джерам.

— Ну, что?

Джерам не без труда разобрал почерк и дрожащим голосом прочитал: «Их будет шестеро. Один из них повинен в убийстве своей жены. Первым меня ударит Гаэль, письмо прочтет Джерам».

Грамотей выронил пергамент и попятился к своей лошади.

— Это колдун, — прошептал Белло. — И он сказал, что все наше войско поляжет! Боже, какая нелегкая нас сюда привнесла?

Армия стала лагерем у развалин Силфаллена. Она насчитывала семь тысяч солдат, в том числе четыре тысячи тяжелой пехоты, полторы тысячи лучников и пращников, тысячу кава-

лерии и еще пятьсот человек — саперов, поваров, разведчиков и фуражиров. Высокий черный шатер барона поставили у ручья, кавалерия разместилась на севере, пехота на востоке и западе, остальные на юге. Усталый Леофрик, назначив караулы и отправив на север разведчиков, вернулся в свою палатку.

Якута-хан сидел на складном стуле и пил вино.

— К чему такое уныние в преддверии славного похода? — улыбнулся он.

— Не люблю лгать барону. — Леофрик разложил другой стул и сел напротив одетого в красное чародея.

— Я же сказал вам, что это не ложь. Я действительно купец — в своем роде. Где думаете дать первый бой?

— Барон полагает, что они займут оборону на Дуанском перевале. Мы уже разработали несколько планов на этот случай. Не скажете ли, что замышляют они? Из-за падения форточек я у барона в немилости: он во всем винит меня.

— Я бы очень хотел помочь вам, мой милый Леофрик, — сокрушенно промолвил Якута-хан, — но мне опасно пускать в ход чары, пока Талиесен поблизости. Это может привести для меня к роковому исходу, ибо старик не лишен дара. Я наблюдаю за противником, когда Талиесен уйдет. Спокойствие, мой мальчик. Отведайте-ка вина — ручаюсь, оно вам понравится.

«Еще бы оно мне не понравилось за такие-то деньги», — мысленно вздохнул Леофрик.

— Вы говорили, что уже пытались захватить эту женщину, но не сумели. Выходит, она заколдована? И могущество этого Талиесена не уступает нашему?

— Любопытные вопросы. — Круглое жизнерадостное лицо чародея стало серьезным. — Я сам немало думал об этом. В первый раз мне помешали Талиесен и горец по имени Касваллон. Они забрали ее, в ту пору еще младенца, и спрятали где-то здесь. В то время я не знал о существовании Талиесена

и потому не готовился к схватке с ним. Когда я обнаружил ее убежище, ей было шесть лет. Приемная мать выбросила ее из окна хижины, и девочка убежала к водопаду неподалеку от дома. Там ее снова встретили Касваллон и Талиесен — не знаю, право, как им удалось оказаться в том месте как раз в нужное время. На этот раз они бы не остановили меня, поскольку я хорошо подготовился, но в дело вмешалась третья сторона — некий дух. Вторая неудача стоила жизни моему самому любимому ученику — впрочем, я не жалуюсь. Таков закон магии. На прошлой неделе я прибегнул к одному из четырех великих заклятий, не знающих промаха. Гибнет либо жертва, либо заклинатель. Я рискнул всем — и снова ничего не добился! Вызванный мною демон исчез, не успев появиться. Говорю вам, Леофрик, я провел немало бессонных ночей, ломая над этим голову. Представьте себе, что вы стреляете во врага из лука, и ваша стрела растворяется в воздухе. Весь вопрос в том, куда пропал демон.

— И что же, нашли вы ответ? — заинтересовался Леофрик.

— Думаю, да. Я произнес заклинание у самых стен Цитадели, в кругу древних камней. Существует поверье, что эти круги служат вратами в иные миры. Я, должно быть, невольно открыл одни из таких врат. Но ведь демон был натравлен на Сигурни — выходит, и она в то время была где-то за пределами нашего мира? Загадка.

— Значит, демон все еще ищет ее?

— Возможно и даже весьма вероятно. Врата соединяют не только разные пространства, но и разные времена. Сейчас он, полагаю, приближается к ней. Пью за это!

— За что вы ее так ненавидите? Она причинила вам какое-то зло?

— Бог с вами, Леофрик. Я ни к кому не питаю ненависти, и к ней тоже. Ненависть разъедает душу. Я даже восхищаюсь

Сигурни — а вы разве нет? Что ж поделать, если мне так нужна ее кровь. Все заклинания высшего порядка требуют королевской крови. С ее помощью можно превратить свинец в золото, обрести огромную телесную силу, даже стать бессмертным — с некоторыми оговорками, правда. Она неисчерпаема, как само воображение.

— Сигурни — простая горянка. Откуда в ней, скажите на милость, королевская кровь?

— Какое высокомерие, Леофрик! В вашем короле ее точно нет, он разве что внуков своих наделит ею. А Сигурни — дочь Железнорукого, великого короля, убитого заговорщиками много веков назад. Здесь недалеко высилась его непрступная крепость, от которой ныне остались одни только камни.

— Как же она может быть его дочерью?

— Вы что, не слушаете меня? Ее пронесли через Врата Времени.

— Я, быть может, плохо соображаю из-за вина, но все это представляется мне сплошным вздором.

— Понимаю, — Якута-хан потрепал Леофрика по колену, — однако согласитесь, что я ответил на ваш вопрос. В ее крови заключена сила, которую я хочу получить. Будь как-то способ сделать это, не убивая ее, я бы им непременно воспользовался. Я не поклонник смерти.

Леофрик снова подлил себе вина.

— Странный вы человек, Якута. Вам не кажется, что вы немного безумны?

— С вами, Леофрик, скучать не приходится. Давайте рассмотрим эту занятную мысль. Быть безумным значит не обладать здравым умом. Но что такое здравый ум? То, чем руководствуется большинство людей, верно?

— Верно, — согласился Леофрик.

— Но король не таков, как все. Не таков и барон. Они выдающиеся люди — значит ли это, что они безумны?

— Я понимаю, к чему вы клоните. — Леофрик подался вперед, расплескав вино. — Но здравый ум — не просто свойство, определяющее, кому пахать землю, а кому царствовать. Он помогает отличать хорошее от плохого. Добро от зла, если вам угодно.

— Тут вода становится еще мутнее, мой мальчик. Когда крестьянин замышляет убить соседа, который богаче его — это зло?

— Разумеется.

— Выходит, и король, покоряющий соседнее королевство, чтобы пополнить свою казну, тоже творит зло.

— Э, нет! — Леофрик почувствовал, что ступил на опасную почву. — Войны затеваются по самым разным причинам. Например, для защиты своих границ.

— А война против народа, не имеющего регулярной армии? Придуманная для того, чтобы прославить себя? Это зло?

— Тише, ради всего святого!

— Что, не помогает ваш здравый смысл? Я вам так скажу: что хорошо одному, плохо другому. Жизнь благоприятствует богатым и сильным. Так было всегда и, думаю, всегда будет. Сам я не богат, но силен и хочу стать еще сильнее.

— Таким же, как Талиесен?

— И да, и нет. У него свои странности. Ресурсы его огромны, а пользоваться ими он не желает. Вам он, думаю, понравился бы. Больше него о Вратах никто на свете не знает, однако живет он, как бедный крестьянин, ходит в потрепанном, сшитом из перьев плаще и ничего не делает, чтобы омолодить свое тело. Мы с ним ни разу не разговаривали, но бьюсь об заклад: он считает, что дар ему послан свыше и что расходовать его следует бережно и с умом.

— Возможно, он и прав.

— Возможно. Не хочу оспаривать его взгляды, но сам в это не верю. Я знал и демонов, служивших князю тьмы, и

святых, которые будто бы говорили с Богом. Однако я, будучи могущественней большинства из них, никогда не имел потребности служить ни Богу, ни дьяволу, и они как будто тоже во мне не нуждались.

— Но как вы узнаете, что Талиесен покинул горы?

— Узнаю, будьте покойны.

Утром в черепе у Леофрика был копытом бешеный конь, а солнечный свет вызывал тошноту. Зато Якута-хан, вопреки ночным возлияниям, спокойно смотрел, как восходит солнце. Леофрик доковылял до ручья, обмылся до пояса чистой холодной водой и пошел к барону. Тот, как и следовало ожидать, уже встал и сидел над картами.

— Доброе утро, милорд, — поклонился Леофрик. — Как почивали?

Барон потрогал черную кожаную нашлепку у себя на глазу.

— С тех пор, как эта проклятая птица выклевала мне глаз, я сплю плохо. Что слышно нового?

— Разведчики еще не вернулись, милорд. Принести вам завтрак?

— Пока не надо. Как, по-твоему, они будут обороныть перевал?

Барон разостлал несколько карт на ковре, Леофрик присел на корточки.

— Выбор у них небогатый. Шпионы доносят мне, что Паллад присягнул Сигурни. Всего, стало быть, у нее тысячи три — маловато для обороны восточного склона. Там оборона будет неплотной, и мы легко обойдем их с фланга. Если же они займут западный, более узкий склон, на востоке останется брешь, грозящая прорывом кавалерии к их селениям. Они могут попытаться удержать оба склона или пойти на отчаянный шаг, укрепившись на плоском холме в северном конце перевала. Склоны там крутые, и преодолеть заслон из щитов затруднительно.

— Почему же ты тогда называешь это отчаянным шагом?

— Когда мы их окружим, они уже не смогут уйти. Единственная их надежда при таком выборе — это измотать нас, а после атаковать.

— Согласен. Как ты думаешь, на чем они остановятся?

— Я не солдат, ваша милость, и мне не совсем понятно, как они мыслят. Думаю, однако, что станут они на западном склоне, лесистом и с большим количеством валунов. Нам придется атаковать много раз, прежде чем обнаружатся их слабые звенья.

— Да, они попробуют схитрить, это ясно. Черный предатель Асмидир что-нибудь да придумает. Оборона будет крепче там, где ожидается атака, и слабее в других местах. — Барон ткнул пальцем в одну из карт. — Вот здесь склон не так крут, а здесь лес пореже. Пехота атакует и тут, и там, но кавалерия ударит отсюда!

— С высшей точки? Разумно ли это, милорд?

— Асмидир знает наши способы, вот мы их и поменяем. Если я неправ, мы потеряем пару десятков конницы, но исход будет тот же. Как обстоят дела с провиантом?

Леофрик мысленно помолился о смягчении головной боли.

— Я собрал все телеги, какие были в наличии. К вечеру они начнут подходить. Придется затянуть пояса до захвата паллидских стад.

— Спасибо тебе за это, — отрезал барон. — Я не скоро забуду падение наших «неприступных» фортов. Не будь ты моим кузеном, я бы с тебя шкуру содрал заживо.

— Премного благодарен, милорд.

Стук копыт дал Леофрику желанный предлог выглянуть из шатра. Прибыли первые разведчики, ветераны прошлых кампаний. Доспехи у них были легкие, кони быстрые. Осенью они ездили по горам с переписчиком, чтобы ознакомиться с местностью.

Командир спешился, остальные пятеро отъехали к кострам, где готовили завтрак.

— Докладывай, — приказал Леофрик.

— Врага не замечено, милорд. Мы убили одного старика, который бросился на нас с древним палашом. Еще видели лесников, идущих на юг, но останавливать их, согласно приказу, не стали. Лодский форт разграблен, стены частично разрушены. Мы проехали к Палладскому — там то же самое.

— Есть какое-нибудь движение на Дуане?

— Издали как будто нет, а приближаться я счел нежелательным. Поедим, сменим коней и отправимся туда снова.

— Хорошо. Мы через час выступаем к Лодскому форту. Вернешься туда и доложишь.

— Так точно.

Барон вышел и окликнул разведчика:

— Эй! Сколько лесников направлялось на юг?

— Десятка два. Может, за деревьями скрывалось еще сколько-то.

— Не боевой отряд, стало быть?

— Не думаю, ваша милость. Скорее они шли на охоту — с едой-то у них, поди, туговато.

— Свободен, — бросил барон солдату и спросил Леофрика: — Сколько человек у тебя охраняет обозы?

— Два кавалерийских взвода и пехотная рота.

— Отправь туда еще пятьдесят конных. Они не на оленя охотятся, они хотят перехватить наш провиант.

— Тотчас же отправлю, милорд.

— Распорядись, чтобы несколько человек взяли живыми.

Надо их допросить.

— Слушаюсь.

— И пусть мне подадут завтрак, — сказал барон и вернулся в шатер.

* * *

Асмидир с трудом сохранял спокойствие.

— Послушай меня, Сигурни. Нельзя больше так — ставить на кон все, чтобы один раз метнуть кости. Теперь у нас хватит людей, чтобы удержать западный склон. Будем изматывать врага, налетать на него с флангов, отбивать у него обозы. Нет никакой нужды рисковать понапрасну.

— Я слышу тебя, Асмидир, и подумаю над твоими словами. Но сейчас я прошу оставить меня одну.

Она понимала его смятение. Он солдат, стратег и до мозга костей пропитан ненавистью к захватчикам. Асмидир проехал полсвета, чтобы найти союзников и поверить в победу, а теперь эта вера заколебалась. Оно и неудивительно...

— А ты что-то не спешишь высказать свое мнение, генерал, — обратилась она к Феллу, который молчал, пока они спорили.

— Какой я генерал, — засмеялся он. — Я лесничий и горжусь этим. Он, по-моему, говорит дело, но кто я такой, чтобы спорить с королевой-воительницей?

— Перестань, Фелл, — раздраженно попросила она. — Просто скажи, что у тебя на уме.

— Он знает толк в войне и знает обычай иноземцев. Западный склон необходимо оборонять, ибо он ведет в наши горы. Он это знает, ты знаешь и враг тоже знает.

— Вот именно. Мы все знаем, откуда исходит опасность — значит, надо придумать что-то другое. И я придумаю, клянусь Богом! О Гвалчмае нет вестей?

— Нет. Кажется, он ушел домой, в свою хижину.

— Чтобы умереть, — тихо сказала Сигурни.

— Да. Он сказал мне, что время его пришло. Сказал, что ему суждено умереть этой весной. Мало того, он знает в лицо солдата, который его убьет.

— Он даже не попрощался. Гвалч взял меня к себе, когда убили моих родителей, растил и воспитывал. Почему он не захотел проститься со мной?

— Он знал день и час, Сигурни. Ушел вскоре после того, как ты отправилась за короной. Перед уходом он говорил с Талиесеном — может быть, тот скажет тебе больше, чем я.

— А что слышно о Баллистаре?

— Пока ничего, но Колларин его ищет.

— Его сердце разбито, Фелл. Он так хотел показаться перед вами большим и сильным. Даже с женщиной переспал в том, другом мире. Раньше он всегда говорил, что чего не знаешь, о том не тоскуешь — думаю, это правда. Всю жизнь он мечтал стать таким, как мы, и что же? Мечта осуществилась, чтобы вскоре разбиться вдребезги.

— У тебя усталый вид, Сигурни. Отдохнула бы.

— Нет. Мне надо повидать Талиесена, пока он еще здесь. Приведи его, ладно?

— Но после ты отдохнешь?

Она кивнула, сознавая его правоту. Все кости у нее ныли, ум метался от одной задачи к другой. Сколько времени она уже не спала — три дня, четыре?

— У врага шесть тысяч солдат, — сказал вошедший Талиесен, — и будет он здесь через два дня. Удачи тебе, Сигурни. Теперь все зависит от твоего мастерства и мужества твоих воинов.

— Жаль, что ты не можешь остаться. Твой дар очень был нам пригодился.

— Я вернусь, когда кончится битва.

— Ты предполагаешь, что победим мы?

— Ничего я не предполагаю, — вздохнул он. — Я видел много будущих. В одних ты побеждаешь, в других погибаешь.

— Не могут же они все быть правдивыми.

— Могут. Таких миров, как наш, много, и когда путешествуешь между ними, возможно все. Если я, вернувшись, най-

ду тебя мертвой, то пройду через другие Врата и поищу Сигурни, которая выжила.

— Нельзя ли найти ее прямо сейчас? Пусть скажет, как ей это удалось.

— Люблю я тебя, королева-воительница, — улыбнулся он. — Очень люблю. А теперь мне пора. Говорила ты с Железноруким после его второй смерти?

— Да. Он получил тяжелый удар, но меня не покинул. — Сигурни потрогала ладанку у себя на шее.

— Жаль карлика. Не знал, что за Вратами с ним случится нечто подобное.

— Колларин найдет его. Я верю в Баллистара: он выдергит. Ступай с миром, Талиесен.

Когда он ушел, она легла на узкую походную койку и забылась блаженным сном.

Проснувшись, она увидела рядом Железнорукого — в прежних серебряных доспехах, крылатом шлеме, с заплетенной надвое бородой.

— Долго ли я спала?

— Три часа. Фелл стоит около хижины и никого к тебе не пускает.

— Пора что-то решать, — сказала она, садясь и протирая глаза, — а мне страшно.

— Так и должно быть. Немного страха человеку только на пользу. Дух от него поднимается, как на дрожжах.

— А если я ошибусь?

— Тогда вам конец.

Сигурни, стараясь успокоиться, глубоко вздохнула.

— Что ты мне посоветуешь?

— Я горжусь тобой, дочь. Ты настоящая горная королева, но придется тебе усвоить единственный, страшный королевский урок. Все решаешь ты — ты одна. Победишь или проиг-

раешь, ответ все равно будет твой. Впрочем, один совет дать худо-бедно могу. Поговори с женой Торгана.

— Ты ее знаешь?

— Я ведь присутствовал при вашей встрече. Сначала ты улыбалась, после заплакала. И то, и другое для тебя хорошо.

— Выходит, ты не знаешь, какой план самый лучший? А я так на тебя полагалась. Ты сражался во многих битвах и всегда побеждал.

— Если бы так... Упрямство всегда мне мешало, но в ключевых сражениях я и правда одерживал верх. Поговори с той женщиной, а после решай. От решения своего больше не отступайся, будут сомнения — прячь их. Ты королева, и все взоры устремлены на тебя.

— Ты будешь со мной на поле сражения?

— Буду. К Эларин я уйду потом.

Король замердал и исчез. Сигурни кликнула Фелла.

— Ты говорила во сне, — сказал он, — но я не разобрал слов.

— Пойду погуляю. Хочешь со мной?

— Я в твоем распоряжении.

— Я спрашиваю тебя как друга, Фелл. — Она протянула ему руку, и он, изрядно опешив, подал свою. В глубине его карих глаз заскрилась улыбка.

— Я люблю тебя, Сигурни, — хрипло вымолвил он. — Всегда любил, всегда буду любить. С возвращением.

Они вышли из хижины и стали спускаться по склону. Снег таял быстро, весенние цветы распускались повсюду.

— Торган все еще здесь? — спросила она.

— Да, насколько я знаю. Они с женой поселились у Фион на Острого Топора. Хочешь его как-то использовать?

— Он будет служить у тебя под началом.

— К чему это? Он оскорбил тебя, а значит, и нас.

— Однако он горец и смелый воин. Надо дать ему попытаться еще раз, хотя бы ради его жены и детей.

— С чего вдруг такая перемена, а, Сигурни?

— Возможно, ее во мне произвел Хай-Друин, — улыбнулась она. — За Вратами мне передавались страдания чужой для меня земли, а тамошние жители ничего такого не чувствовали. Думаю, что и наша земля такая же. Ненависти она не выносит, и в моем сердце тоже нет больше места для ненависти. Завтра мы сразимся с иноземцами, потому что должны. И постараемся разбить их по той же самой причине. Торган заблуждался, но полагал себя правым и действовал в интересах своего клана. Пора избавить его от позора, который он от меня претерпел.

На самой опушке леса Сигурни обняла Фелла за шею.

— Я возненавидела тебя, когда ты ушел. Радовалась, услышав о смерти твоей жены, как ни стыдно в этом признаться. Теперь я тебе соболезную.

— Вот чего мне всегда хотелось, — ответил он, нежно целуя ее. — Теперь я понял.

— Здесь мы расстанемся, а увидимся позже, в общинном доме. Там я объявлю окончательный план сражения.

— А потом?

— Мы с тобой пойдем домой. Вместе.

Лоран, Торган, великан Мерет и сам лорд-ловчий сидели на солнышке у дома Фиона. Увидев Сигурни, они встали.

— Добро пожаловать, — сдержанно поклонившись, сказал Фион.

Лоран вынес ей стул, и все опять сели. Торган хотел уйти в дом, но Сигурни остановила его:

— Подожди, я хочу тебе что-то сказать.

— Снова срамить меня будешь? — спросил он гневно.

— Нет. Приходи вечером на собрание. Завтра ты под началом у Фелла возглавишь фарленское крыло.

Торган осталенел, и гнев уступил место подозрению.

— Зачем тебе это надо?

— Мне нужны сильные командиры, но ты волен отказаться.

— Нет! Я согласен.

— Хорошо. Соберемся после заката. Лаэлия в доме?

— Да, — сказал он, еще не опомнившись. — Позвать ее?

— Не надо, я сама к ней зайду.

— Погоди! — крикнул Торган, когда она переступила порог. Он упал на одно колено, склонил голову. — Служу тебе мечом и жизнью моей.

За час до заката Сигурни покинула деревню Паллидов. Солнце кропило землю золотом. Она очистилась от сомнений и чувствовала себя много лучше. Лучшего плана, к какому исходу бы он ни привел, она не могла придумать.

На радостях она пустилась бегом, но тут из подлеска внезапно поднялся густой туман. Он окружил ее со всех сторон, превратил деревья в серые тени, заслонил солнце.

Сигурни не слишком встревожилась. Она сбилась с тропинки, но знала, что, идя в гору, рано или поздно доберется до лагеря. Кусты, к ее раздражению, то и дело загораживали дорогу.

Скоро впереди появился просвет — окруженная дубами ложбинка. Туман стоял над ней серым куполом. Дородный, приятный лицом человек, сидя на траве, широко улыбался Сигурни.

— Ну, здравствуй. Наконец-то мы встретились без всяких помех.

— Я же видела, как тебя у водопада на куски разорвали. — Сигурни взялась за кинжал.

— К счастью, это был всего лишь мой ученик. К счастью ли? Мне ужасно его не хватает. К счастью для меня, вот как следовало сказать.

— Сегодня счастья тебе не видать. — Она достала кинжал и двинулась к чародею. Ей казалось, что она бредет по колено в болоте. Нож с каждым шагом становился все тяжелее и наконец выпал из онемевших пальцев.

— Ты права. Счастливой эту встречу не назовешь. Ты умело заморочила головы своим варварам и могла бы изрядно потрепать иноземцев, если б осталась жива. Но ты, как это ни грустно, должна умереть. — Чародей достал кривой тонкий нож и подошел к Сигурни. Она стояла, не в силах пошевелиться. Левой рукой он рванул ее камзол, обнажив грудь. — Извини за непристойное поведение. Я не покушаюсь на твою добродетель, хочу лишь сделать разрез так, чтобы без хлопот вынуть сердце.

— За что? Что я тебе сделала?

— А за что ты травила зайцев, которые ни в чем не провинились перед тобой? Здесь речь не о жалкой мести. Я ученый и знаю, как нужно совершать жертвоприношения. От человека, принесенного в жертву, пользы больше, чем от того же зайца. Что уж говорить о сребромудрой принцессе! Ага, вот что мне нужно. — Он достал из кармана уголек и очертил ее левую грудь.

— Железнорукий! — вскричала Сигурни.

— Так вот он кто, твой загадочный помощник. Увы, моя дорогая, я оградил эту лощину волшебной стеной. Ни один дух сквозь нее не проникнет, так что побереги дыхание. Друг твой тоже тебя не услышит, потому что туман заглушает все звуки. Сейчас я извлеку твое сердце. Это не больно. Я не дикарь, и смерть твоя будет скорой.

— Отложи это до завтра. Позволь мне спасти мой народ!

— И ты дашь мне слово, что вернешься сюда? — усмехнулся он.

— Да! Я клянусь!

— Как это говорится у вас, охотников? Один заяц в сумке стоит десятка в норе. Будем надеяться, что твои офицеры управятся без тебя. Хочешь помолиться напоследок своему богу?

— Да, — сказала она, мысленно взывая к Талиесену.

— Тогда побыстрее. Мне не терпится вернуться к Леофрику — у него неплохой выбор вин. Горный воздух мне не по вкусу. Я рожден, чтобы жить в городах. Дай мне знать, когда помолишься, Сигурни, и не трудись вызывать Талиесена. Он ушел в свое родное время и не поспел бы на помощь, даже если бы слышал тебя. Но он не слышит. Боюсь, милая, что мы здесь одни. Нет в сказках такого существа, которое могло бы тебя спасти.

— Не будь так уверен, — улыбнулась она.

— Отчего же нет. — Якута-хан занес нож и вдруг с криком изогнулся назад. Из его поясницы торчал клинок с костяной рукоятью. Чары, сковывавшие Сигурни, рассеялись. Она схватила собственный нож, вонзила в толстый живот чародея и рванула вверх. — Ай, больно! — пронзительно вскрикнул Якута-хан. Баллистар подбежал к Сигурни и встал рядом с ней. — Карлик, — прошептал маг, глядя на него затуманенными смертью глазами, — меня убил карлик. Но это... еще не все. Я послал демона. Он затерялся среди времен... но когда ты заглянешь в его глаза — вспомни меня! — И он обмяк, зарывшись лицом в молодую траву.

— Ты пришел как нельзя вовремя. — Сигурни поцеловала заросшую щеку карлика.

— Гвалчмай явился мне и велел поспешить. Я хотел покончить с собой, но он сказал, что я еще нужен кланам.

— Твоя смерть разбила бы мне сердце, Балли. Пойдем со мной на собрание.

— Неплохо бы тебе для начала одеться.

13

Сигурни спала, положив голову на плечо Фелла. Слева от нее притулилась Леди, блестя в полутьме черным глянцевым боком. Угли, догорающие в жаровне, наполняли хижину красивым заревом.

Ее план поначалу ошеломил офицеров. Но Сигурни спокойно, веско привела свои доводы, и возражений ни у кого не нашлось. Каждому она дала свой наказ — всем, кроме Фелла.

Они предавались любви нежно и пылко. Слов не было, но у обоих из глаз лились слезы. Никогда еще желания Фелла не осуществлялись с такой полнотой — разве что в мечтах, где мужчина становится единым целым с любимой.

В эту тихую ночь весь мир сжался до маленькой хижины и горевшего в ней огня. Завтра состоится великая битва, а после нее они с Сигурни начнут новую жизнь, если Богу будет угодно. Разбив барона, они отправят послов к иноземному королю, покончат с войной, которая не нужна ни той, ни другой стороне, и построят себе дом у водопада Железнорукого.

Она застонала во сне, и он погладил ее серебристые волосы.

— Ты почему не спишь? — пробормотала она.

— Не могу. Я слишком счастлив. — Он провел рукой по ее животу, и желание вспыхнуло в нем с новой силой.

— Сейчас я тебя убаюкаю, — сказала она, даря ему сладость своих губ, запах своих волос, тепло своего тела. — Башки-баю...

— А здорово ты их к рукам прибрала, — сказал он, когда они снова лежали рядом в блаженной истоме. — Всех этих воинов и седых старцев. Они тебе поверили, и я тоже поверил. Недавней охотнице, продававшей заячьи шкурки! Можно по-

думать, ты только и ждала, чтобы стать королевой. Даже Бакрис Беззубый говорит о тебе с уважением. Куда ты его отправила, кстати?

— На юг.

— Для чего?

— Перехватить их обозы. Ох, скорей бы все это кончилось. Не хочу я быть королевой, а воительницей и того меньше.

— Это кончится завтра, и мы зайдемся постройкой дома. Знаешь ровный кусок земли около завода Железнорукого? Я часто думал, что там можно поставить отличный дом. А ивы будут гасить шум водопада. Там рядом хорошее пастбище, и Грейм ссудит мне немного племенного скота.

— Замечательно, — ответила Сигурни.

— Охота там тоже хорошая.

Леди проснулась от их голосов и втиснулась между ними.

— Ну, помечтали, а теперь надо и отдохнуть, — сказала Сигурни, поглаживая ее.

— Так это, по-твоему, только мечта?

— Войну одной битвой не выиграешь. Если завтра мы победим, их гордость будет затронута. Им ничего не останется, как послать на север другое войско.

— Но в этом нет никакого смысла!

— Как и во всякой другой войне. Оставим эти разговоры на утро, ладно?

— Да. Я горжусь тем, что буду сражаться рядом с тобой.

— Мы не будем сражаться рядом. Ты со своими людьми займешь позицию справа, в стороне от боя. Прорвавшись на западном склоне, они ринутся к нашим поселкам. Их надо будет остановить. Разбить в пух и прах. Сделай это, Фелл. Сделай ради меня!

— О Боже! — прошептал он. Все его нутро скрутило узлом.

— Что с тобой? — заволновалась она.

— Ничего, ногу свело. Ты права, Сигурни, надо поспать. Положи опять голову мне на плечо.

Сигурни спихнула Леди с постели.

— Ступай-ка на свою подстилку, я хочу спать с ним одна. — Она обняла Фелла и тут же уснула, но к нему сон не шел. Он вспомнил ночь в хижине Гвалчмая, вспомнил слова пьяного Сновидца: *Что я энаю, то энаю. Ради нее ты будешь жить, ради нее и умрешь.* «*Держись, Фелл, — скажет она. — Сделай это ради меня.* *И вражья сила хлынет на тебя с мечами, и с копьями, и стрелами. Ты ведь выстоишь, Фелл, когда она тебя попросит об этом?* Эх, вернуть бы мне молодость — я стал бы рядом с тобой. *Даже ту стрелу на себя бы принял.*

Не будет никакого дома у водопада, не будет счастливой жизни в горах. Не будет ничего, кроме этой ночи. Осознав это, он ощущил панический страх, и сердце учащенно забилось. Разбудить Сигурни снова, рассказать ей о пророчестве Гвалчмая? Нет.

Он лишь прижал ее к себе, слушая, как она дышит.

Ты ведь выстоишь, Фелл?

Да, сказал он себе. Я выстою.

Пропажа одного отряда разведчиков входила в расчеты, и барон послал на Дуанский перевал еще четверых. Из них вернулся только один, раненный стрелой в правую руку.

— Ну что? — осведомился барон.

— Они засели на плоском холме, как вы и предсказывали, — стал докладывать солдат, превозмогая боль. — Сомкнули щиты. На мой взгляд, там около трех тысяч воинов.

— Все их войско? — засмеялся барон, обращаясь к своим офицерам. — Видите, что происходит, когда командует женщина. Экие дураки! Ну, а западный склон?

— Там укрыто за деревьями около ста человек. Я подобрался довольно близко, прежде чем был замечен.

— Восточный?

— Там никого не видать.

— Хорошо. Ступай, пусть тебя перевяжут.

— Да, ваша милость. Благодарю.

— Вы все изучали карты, — начал барон, — и знаете, что позиция у них сильная. Для начала придется окружить холм. Линия местами получится тонкой, но они будут слишком высоко, чтобы предпринять вылазку. Ты, Чалдис, — сказал он высокому худому кавалеристу, — возьмешь половину конницы и тысячу пехотинцев. Очистишь западный склон, а после двинешься на их лагеря и ближние деревни Паллидов.

— Так точно.

— А Чипос где?

— Здесь, милорд. — Из задних рядов вышел коренастый, плечистый воин, одетый в бурую кожу.

— Твои лучники будут обстреливать их с восточного склона, а я тем временем атакую с западного. Будь внимателен. Недолет лучше, чем перелет — при перелете ты рискуешь попасть в своих. Ничто так не подрывает боевой дух, как страх угодить под свои же стрелы.

— Можете на нас положиться, милорд.

— Ты, Леофрик, командуешь кавалерийским крылом. Обогнешь холм и будешь время от времени атаковать с севера. Используй только тяжелое снаряжение: враг поставит на вершине хороших стрелков. Особо не нарывайся — бей и сразу же отступай. Главный удар нанесет пехота.

— Понял, милорд.

— Господа, — с редкой у него улыбкой продолжил барон, — перед нами открываются великолепнейшие возможности. На юге из-за этих мятежных горцев поднялась настоящая паника, и когда мы побьем их, король нас щедро вознаградит.

Помните, однако, вот о чем: они хоть и варвары, но драться умеют. Женщину взять живой. Я закую ее в цепи и отправлю в столицу. Остальных можете перебить до последнего. С нами Бог, господа. Исполним свой долг.

Сказав это, он вернулся в шатер, где под охраной двух солдат сидел горец — большеголовый, с сальными волосами.

— Ты не солгал, — произнес барон. — Эта сука заняла холм.

— Вот, говорил же я вам! — Бакрис Беззубый попытался вскочить со стула, но солдат надавил ему на плечо и усадил обратно.

— Изменники меня всегда интересовали. — Барон щелкнул пальцами, показав на кувшин с вином. Слуга наполнил кубок и подал господину. — Почему один из капитанов Сигурни вздумал предать ее?

— Дело проиграно заранее, ваша милость. Их всех ждет верная смерть, а я жить хочу. Что в этом плохого? Всяк сам себе голова. У меня сроду ничего не было, а ваша милость, глядишь, мне золота пожалует и земли.

— Золота и земли, — повторил барон. — Я поклялся перебить всех горцев до единого — тебя это тоже касается.

Бакрис показал в ухмылке редкие, наполовину гнилые зубы.

— Всех вы в одном сражении не перебьете, а я лесник и знаю, где они могут спрятаться. Проведу туда ваших солдат, сослужу вам хорошую службу.

— Пожалуй, — согласился барон.

Трое слуг принялись облачать его в черные доспехи. Застегнули панцирь, прицепили к нему латный ворот, надели поножи и снабженные шарнирами наколенники. Одетого в броню полководца посадили на вороного коня.

Он выехал во главу рядов, и армия по его знаку двинулась к устью Дуанского перевала.

С утесов, к его удивлению, их не обстреливали, и ни единого бойца не было видно на пологих склонах справа и слева. Лишь впереди, на расстоянии полукилометра, сверкали на солнце сомкнутые щиты.

В империи когда-то тоже использовали такой способ защиты. Он годится против кавалерии, но рушится под сдвоенным натиском пехоты и лучников — ведь стрелы можно посыпать и поверх щитов.

Барон уже различал плотно стоящих горцев и серебряную фигуру в первом ряду.

«Спасибо тебе, — думал он, — ты придашь моей славе еще больше блеска». Обернувшись, он посмотрел на своих бойцов. При небольших потерях победа покажется легковесной, при чрезмерных его сочтут неумелым военачальником. Трехсот убитых будет вполне достаточно.

Леофрик увел направо кавалеристов, едущих по троем в ряд. Слева Чалдис поднимался на западный склон со своими полутора тысячами.

— Молодец, Чалдис! — крикнул ему барон. — Покажись им — пусть подумают о судьбе своих жен и детей. При первой возможности начинай поджигать дома, чтобы они видели дым.

— Да, милорд, — прокричал в ответ капитан.

Сам барон привел пехоту к подножью холма, остановившись за пределами полета стрелы. Обычай предписывал предложить врагу сдаться, но он пренебрег обычаем — еще, чего доброго, возьмут и сдадутся.

Справа взвирились по склону полторы сотни лучников Чипоса в легких доспехах. Тридцать стрел у каждого, итого четыре тысячи пятьсот. Скоро все они полетят сверху на головы горцев.

Барон приказал окружить холм, и три тысячи пехотинцев пришли в движение.

Защитники перевала следили за этим молча. Ни задорных окриков, ни насмешек — небывалое дело! Женщина, Сигурни, перемещалась среди своих воинов. Шлем на ее голове поистине великолепен, отметил барон. Ценный трофей.

Тучи закрыли солнце, на севере раскатился гром.

— Боги войны готовятся к пиру! — крикнул барон. — Негоже обманывать их ожидания.

Фелл и Торган ждали, укрывшись за стволами деревьев. Уланы еще не показывались, но слышно было, как то почути их кони. Лучники справа от Фелла изготовились к стрельбе, слева затаились бойцы с двуручными клейморами. Пятьсот стойких защитников своих домов, своих семей, своих кланов.

Первые уланы двинулись вверх по склону — рослые молодцы на высоких конях. Их копья и панцири сверкали, как серебро, на левой руке каждый нес щит в виде восьмерки. Скакали они по четыре в ряд, но на открытом месте рассредоточились. Офицер, заслонив глаза от солнца, оглядывал лес.

Пятьдесят горцев, выйдя из-за деревьев, пустили стрелы. Некоторые попали в цель, свалив нескольких всадников и полдюжины лошадей, но большинство кавалеристов заслонились щитами, взяли копья наперевес и пошли в атаку.

— Пора, что ли? — шепотом спросил Торган.

— Нет. Подпустим ближе, — ответил Фелл.

Пятьдесят лучников продолжали осыпать врага стрелами. Лошади падали, но атака не прекращалась. Обе стороны разделяло теперь не более тридцати шагов.

— Вот теперь пора! — сказал Фелл, и Торган дважды коротко дунул в охотничий рог. Еще сотня лучников выбежала из леса, и стрелы десятками стали вонзаться в незащищенных коней. Следом с боевым кличем неслась бойцы с палашами. Ряды кавалеристов смешались — одни продолжали двигаться

вверх, другие поворачивали. Горцы стаскивали всадников с седел и рубили.

Офицер пал одним из первых — его поразили четыре стрелы, одна из них вошла в глаз. После этого кавалеристы побежали все как один. Торган протрубил трижды, и горцы неохотно отошли в лес.

Теперь на холм поднималась пехота с лучниками по флангам. Увидев побоище, солдаты сомкнули щиты и построились в боевой порядок — десять рядов по сто человек в каждом.

— Их больше, чем мы думали, — заметил Торган.

— В лесу им не удастся сохранить строй. Отходим на пятьдесят шагов.

Рог Торгана испустил протяжный зловещий звук.

Горцы продолжали обстреливать наступающих, но с малым успехом. Стрелы большей частью отскакивали от длинных четырехугольных щитов.

Уланы тем временем перестроились и попытались окружить лес с двух сторон, но тут в их левый фланг врубился Обрин с двумя сотнями всадников. От пик на таком близком расстоянии толку не было — кавалеристы бросали их и хватались за сабли. Эта вторая атака ошарашила их, и они постепенно откатывались назад.

Пехота замедлила шаг. Командир не знал, как ему быть — продолжать наступление или прикрывать кавалерию.

— Сюда, сюда, ублюдок, — шептал Фелл. — Мы тебя заждались.

Солдаты снова двинулись вперед, изменив построение — теперь расстояние между двумя пехотинцами в ряду составляло три фута. Фелл невольно восхитился плавностью, с которой они проделали этот маневр. Такой враг вызывал уважение.

Теперь пехотинцы были хуже защищены от горских стрел, и многие падали.

— Самое время, ей-богу, — сказал Фелл, и Торган с ухмылкой побежал влево, где ждала в укрытии его сотня. Как только иноземцы вступили в лес, Торган со своими людьми с громким кличем обрушился на их правый фланг. Предводитель Фарленов дрался в самой гуще, орудуя своим смертоносным клеймом.

Фелл обнажил меч, дал сигнал своей сотне бойцов, и они стали красться через подлесок к левому флангу врага. Пехотинцы, которых было вдвое больше, чем Фарленов, постепенно оттесняли Торгана в лес и норовили взять его в клещи.

В это самое время Фелл рубанул по шлему солдата на левом фланге, забрызгав его мозгами тех, кто был рядом. Низинники отступили и попытались снова сомкнуть ряды, но густой подлесок и деревья мешали им. Горцы, двигавшиеся куда свободнее без тяжелых доспехов, накинулись на них, как волки на загнанного оленя.

Фелл, обороняясь от вражеского меча, нанес удар клеймом. Меч отскочил от щита и поранил в скулу самого Фелла, но и солдат не устоял на ногах.

Торган на правом краю отступал, рубя иноземцев, которые пытались его преследовать.

Уланы на открытой земле тоже начали отступать, но Обрин не стал гнаться за ними. Собрав своих, он умчался в лес. Его всадники соскакивали с коней и бежали на помощь пешим товарищам. Горские стрелки, услышав Торганов рог, побросали луки, достали мечи и тоже вступили в бой.

Новая яростная атака Фелла заставила иноземцев дрогнуть. Рядом с Лораном крушил врага дубовой, утыканной гвоздями палицей великан Мерет.

— Паллид! Паллид! — ревел он.

Торган, перескочив через поваленное дерево, врезался плечом в пехотинца. Тот повалился на своих соратников. На Тор-

гана ринулись сразу трое солдат. Он отразил клинок первого и едва не обезглавил его ответным ударом. Второй ранил Торгана в бок. Третий удар, нацеленный Фарлену в лицо, отбил Обрин.

Раненый Торган снова бросился в сечу. Мерета окружили солдаты, но он не подпускал их, размахивая дубиной.

— Фарлен! — взревел Торган, спеша ему на подмогу. К нему присоединились еще бойцы, в том числе и Лоран. Шальная стрела, задев щеку Торгана, вонзилась Лорану в шею. Красавец Паллад упал. Торган, пригнувшись от чьего-то меча, подсек колено противника. Раздался дикий хруст, солдат с воплем рухнул. Мерет перешел в атаку, но был остановлен копьем в живот. Он успел разнести череп копейщику, однако меч другого солдата разрубил ему шею. Этого другого заколол Торган.

Фелл на левом крае дрался как одержимый. Здесь иноземцы сохраняли подобие строя и потихоньку выбирались из леса. Люди Фелла вслед за ним снова и снова бросались в отчаянные атаки.

Их теперь сильно поубавилось. Обрин с двадцатью воинами пришел им на помощь. Щеку Фелла саднило, глубокая рана на бедре кровоточила, но клеймор порхал, будто невесомый.

— Не давай им перестроиться! — прокричал ему Обрин.

Капитан лучников Чипос, взойдя на вершину восточного склона, окинул взглядом театр боевых действий. За вражеской позицией штурмовала лес кавалерия. Чипос прикинул, что до холма, где засел враг, меньше двухсот ярдов — расстояние, вполне подходящее для стрельбы. Нынче жарко, всем будет хотеться пить. На вершине холма густо рос вереск, чуть дальние стоял небольшой лесок.

— Эй ты! — крикнул капитан молодому рекруту. — Ступай посмотри, нет ли там в роще ручья или пруда. Если есть, будешь наполнять наши фляги.

— Слушаюсь, капитан! — И парень пустился бегом.

Чипос натянул лук с роговыми наконечниками, сработанный пять лет назад им самим. Достал стрелы из колчана, воткнул их в землю. Если к наконечникам прилипнет немного глины, они лучше пробивают доспехи — он так и не разгадал почему.

Капитан наложил на тетиву первую. Целиться не было смысла, поскольку стрелять приходилось поверх щитовой стены. Но горцы стояли плотно, и он надеялся, что в кого-нибудь да попадет. Чипос пустил стрелу по длинной крутой дуге.

Хороший денек. Ни дождя, от которого стрелы отсыревают, ни ветра.

Стрелки, разместившись по обе стороны от капитана, скидывали плащи и готовили луки. Любопытно, с чего эта горская стерва выбрала такую позицию, лениво подумал Чипос.

Ответа долго ждать не пришлось. Сзади послышался вопль — мальчишка, посланный им за водой, улепетывал из рощи во все лопатки. Он даже лук бросил, хотя за потерю оружия полагалось тридцать плетей. Что он там такое увидел, медведя?

Парень оглянулся назад, споткнулся и шлепнулся. Из веерска вокруг него поднимались тысячи горцев.

Невозможно — подумал оторопевший Чипос. У них все-го-то три тысячи, и как раз столько стоит на противоположном холме.

Невозможно, однако вот они!

— Назад! — заорал капитан. Лучникам два раза повторять не пришлось — вооруженные лишь луками и ножами,

против меченосцев они выстоять не могли. Все дружно помчались с холма, оставив воткнутые в мягкую землю стрелы. Горцы бежали следом.

Чипос отшвырнул лук и тоже побежал во всю прыть, работая руками для пущей скорости.

Барон, собравшийся было начать атаку, оглянулся и раскрыл рот, видя, как шпарят вниз его лучники. Солдаты, стоявшие вокруг холма тонким кольцом, тоже повернули головы на восток. Чипос понимал, что теряет лицо, но ему было уже все равно. Утраченное достоинство можно вернуть, а вот жизнь — вряд ли. Он обогнал самого шустрого из своих лучников и шмыгнул в сравнительно безопасное место позади пехотных рядов.

Но безопасность оказалась обманчивой. Горцы, с громкими криками летящие вниз, обрушились на пехоту подобно молоту.

Бежать было уже некуда. Чипос выхватил свой кинжал и ткнул им в здоровенного седобородого горца с большим топором. Клинок отскочил от панциря, Чипос упал, и топор рубанул его прямо между лопаток.

Барон кричал во всю глотку, приказывая пехоте построиться оборонительным порядком и отступать. Дисциплинированные солдаты повиновались, сформировав каре с бароном внутри.

Горцы тщетно наскакивали на сомкнутые щиты. Иноземное войско двинулось прочь с перевала.

Леофрик никогда не хотел быть ни солдатом, ни вообще воином. Он любил чертежи, цифры, точность. Сидя на своем коне с северной стороны холма, он вдруг осознал, что никогда не бывал в бою и не готов к рукопашной, где льется кровь и волят раненые. Какое все-таки варварство.

«Когда это кончится, уеду в столицу», — решил он. Университет предлагал ему занять кафедру преподавания языков, именно так он и сделает.

— Будем атаковать, командир? — спросил лейтенант, обнажая меч. Ему, похоже, не терпелось двинуть кавалерию вверх по крутым склону.

— Да, наверно, — ответил Леофрик. — Барон приказал попытаться.

— Ясно. Как оса — ужалим и тут же обратно. Сколько мне взять людей?

— Триста, — прикинул Леофрик. — Измотайте врага как следует!

— Есть.

В это время к ним с западного склона спустились остатки кавалерии Чалдиса — не более тридцати израненных человек.

— Мы попали в засаду, — доложил Леофрику офицер. — В лесу нас поджидали больше тысячи горцев. Пехоту они и вовсе на куски порубили.

На другом склоне показались бегущие лучники с Чипосом во главе. За ними по пятам гнались около двух тысяч горцев.

— А, черт! — простонал кавалерист. — Эти еще откуда?

Леофрик ничего не мог понять. Глазомер у него хороший, на холме он насчитал три тысячи человек. Теперь численность врага внезапно выросла до шести тысяч, что едва ли представлялось возможным.

— Силы небесные! — запричитал лейтенант. — Что же делать?

Леофрик поднял глаза к стене из щитов, и тут его озарило.

— Там, наверху, нет мужчин! Мы взяли в кольцо горских баб!

Пехота отступала, сомкнувшись вокруг барона. Леофрик вскинул руку и повел свой отряд сквозь вражеские ряды. Пе-

хотинцы пропустили его за щиты, и он, спешившись, рассказал барону о военной хитрости горцев.

Барон крепко выругался.

— Сколько у нас осталось?

Леофрик оглядел картину боя.

— Две тысячи, если не меньше.

— Поворачиваем обратно! — скомандовал барон. — Построение номер один!

— Зачем? — вскричал Леофрик. — Все кончено!

— Будет кончено, когда я убью эту суку!

Дисциплина, привитая за многие военные десятилетия, взяла свое. Солдаты перестроились в боевое каре — десять рядов по сто щитов в каждом.

— Бегом марш! — приказал барон. Леофрику, заключенному в середине, оставалось только трусить с ним рядом. Враг крошил его кавалерию, пытавшуюся прикрыть каре с правого фланга, но каре тем не менее поднималось на холм, где стояли горянки. — Я иду к тебе, шлюха! — проревел барон, перекрыв лязг мечей и крики.

Переднюю шеренгу накрыла черная туча стрел, пущенных десятками лучниц. Леофрику стало противно до крайности. Отборные солдаты империи связались с бабами!

Горцы наседали, рубя ничем не прикрытые спины в задних рядах каре. Солдаты поворачивались к врагу лицом, ломая строй, но барон не обращал на это внимания.

Лучницы на холме ушли за щиты, и в солдат полетели копья. Горцы-мужчины теперь налетали со всех сторон. Каре трещало, однако барон упорно рвался вперед.

Щиты наверху разомкнулись, и Леофрик увидел Асмидира — тот вел за собой черных с серебром воинов. Их клин вонзился в атакующие ряды, а следом хлынули горянки с копьями и мечами.

Под натиском орущей, валящей с холма толпы солдаты не устояли. Каре сломалось, началось повальное бегство.

Асмидир замахнулся двуручным мечом на барона. Тот заслонился щитом и ловким ударом сбил стальной наплечник черного воина. Асмидир не остался в долгу. Он припал на одно колено, разнес вдребезги ножной щиток и повалил противника. Барон откатился, вскочил, отбросил щит, перехватил собственный меч двумя руками.

— Гнусный предатель!

Мечи зазвенели. Асмидир раздробил кольчугу на шее барона и ранил его в щеку.

Обессиленный Леофрик сидел на земле, обхватив колени, и наблюдал за их поединком. Люди вокруг него падали как подкошенные, но его не трогал никто.

Бойцы ни в чем не уступали один другому. По рукам и по виску Асмидира стекала кровь. Барон в конце концов боднул своего врага, бросил меч, и оба покатились по земле, продолжая драться.

Барон высоко занес свой кинжал — и в этот миг его черный наглазник пронзила стрела. Леофрик посмотрел вправо. Там стояла Сигурни, королева-воительница, в серебряной броне и крылатом шлеме, с коротким охотничьим луком в руке. Барон сдавленно вскрикнул и отпустил Асмидира.

— Как ты? — спросил Леофрик, подойдя к чернокожему.

— А ты-то как жив до сих пор? — удивился тот.

— Я забыл обнажить меч, — пожал плечами Леофрик и повел Асмидира к Сигурни.

Она, отдав лук темноволосой женщине рядом с собой, оглядела поле сражения. Кое-где еще продолжались мелкие стычки, но битва была окончена.

Асмидир представил друг другу ее и Леофрика.

— Ты, видно, заколдован, — сказала она. — Тысячи человек погибли, а на тебе не царапины.

— Я ведь не воин. Мне предлагали стать учителем в стечном университете — туда я, с вашего позволения, и отправлюсь.

— Хорошо. Довольно крови, — кивнула она. — Поезжай к своему королю, Леофрику, и правдиво расскажи ему обо всем, что здесь видел. Боюсь только, что пользы от этого будет мало.

— Совсем никакой. Он приведет сюда войско в десять раз больше того, что вы разбили сегодня, и этому не будет конца.

Она положила руки ему на плечи.

— Смотри мне в глаза, Леофрик, и слушай внимательно. Конец этому положу я. Передай ему от Сигурни, королевы Севера, вот что: «Если пойдешь на меня, я тебя уничтожу. Я залью огнем и кровью твое королевство, а тебя сброшу с трона и швырну твое тело собакам».

Она отвернулась и пошла вниз. Леофрик с помощью Асмидира нашел на перевале коня, сел в седло.

— Вы превосходный стратег. Поздравляю.

— Стратег здесь не я, а она, — улыбнулся черный воитель. — Война строится на обмане, и Сигурни хорошо усвоила этот урок. Ступай с миром, Леофрик, и никогда больше не попадайся мне на пути.

— Всего вам доброго, но боюсь, что добром это все же не кончится.

— Человек, растерзавший мою страну, убит. Для меня это вполне счастливый конец. Езжай!

Леофрик тронул коня шпорами и поскакал прочь с поля брани.

В небе уже кружилось, собираясь на пир, воронье.

К Сигурни привели Бакриса.

— Меня взяли в плен, но я ничего не сказал, — поспешно заверил он.

— Ты сказал то, что от тебя ожидалось. Колларин предупредил меня, что ты вероломный пес, готовый продать свой народ за пригоршню золота. Но твое предательство нам только помогло, Бакрис. Без тебя барон мог бы выслать других разведчиков и обнаружить укрытых в засаде воинов. Думай об этом, когда на твоей шее захлестнется петля. Уведите его с глаз долой и повесьте на первом суку.

Фелл, Обрин и Торган сидели, прислонясь к дереву.

— Славный денек, — вымолвил Торган. — Мы расколотили их! Ей-богу, расколотили!

— Да. — Обрин смотрел на стрелу с черным оперением, торчащую из груди Фелла. Лесничий был бледен, под глазами у него легли черные тени, а губы приобрели синеватый оттенок, слишком хорошо знакомый бывалому воину. — Сходи-ка за Сигурни, — попросил он Торгана. Тот, кивнув, побежал вниз. — Может, вынуть стрелу? — спросил Обрин раненого. — Авось ты еще и выдюжишь.

— Не надо. Жизнь уходит из меня, этого уже не остановишь. Но ведь мы победили, верно?

— Да. Победили.

Фелл следил за воронами в небе. Хай-Друин стоял в шапке из облаков, но над ним светило яркое солнце.

— По горскому обычанию мужчину на лебединую тропу провожает сын. У меня нет детей, но я объявил кормак, чтобы спасти тебя, и теперь считаюсь твоим отцом. Положи рядом лучший мой лук и два ножа. Поставь хлеб и вино, обернув их листьями. В самом же конце ты положишь мне на веки монеты — для привратника, чтобы открыл мне двери. Сделаешь?

— Сделаю.

— Я хочу быть похороненным на склонах Хай-Друина. Сигурни укажет вам где. Хочу лечь на покой там, где мы с ней

стали любовниками. Если уж моему духу суждено посещать какое-то место, то пусть бродит там.

— Пропади оно все пропадом. Я думал, мы вытянем. Угодило же этого чертова лучника засесть в подлеске.

— Чему быть, того не миновать. Я всегда говорил, что мужчина ни о чем сожалеть не должен, но теперь мне трудно соблюдать это правило. На похоронах кому-то надо будет нести мой меч — выбери достойного человека.

— Хорошо.

Фелл закрыл глаза.

— Она чудо, правда? Поставить на холме женщин — кому бы еще это пришло бы в голову?

— Настоящее чудо. Скоро она будет здесь. Держись.

— Едва ли продержусь. Я слышу крики чаек, а ты?

— Нет, только вороны каркают.

Фелл улыбнулся кому-то за спиной Обрина. Тот обернулся, но никого не увидел.

— Пошли прогуляемся, старый пьяница, — сказал лесничий. — Как же я рад тебя видеть! Только дай мне руку, а то сил совсем нет.

Фелл уронил протянутую в воздух руку, и голова его запрокинулась.

— Ты был хорошим человеком и верным другом, — сказал Обрин, закрывая ему глаза. — Надеюсь, там тебя встретят, как ты заслуживаешь.

Прибежавшая снизу Сигурни бросилась к Феллу. Обрин с Торганом отошли на почтительное расстояние.

Держа Фелла за руку, она что-то говорила ему. Обрин увидел на ее лице слезы и увел Торгана еще дальше.

— Этую прореху надо зашить, — заметил бывший сержант, показывая на распоротый бок вожака Фарленов.

— Ничего, само заживет. Жаль, что нет у него сыновей и некому назвать его имя на Хай-Друине.

— Это сделаю я.

— Да, кормак... Я и забыл. Обряд тебе знаком?

— Я его выучу.

— Почту за честь научить тебя. И понесу меч Фелла, если захочешь.

С вершины западного склона они увидели поле бранни. Там лежали тысячи иноземцев, но и горцы тоже. Женщины, перевязав раненых, сберут оружие убитых врагов. Отряд Грейма шел на юг, чтобы захватить неприятельские обозы.

— Что, по-твоему, будет дальше? — спросил Торган. — Прислушаются ли иноземцы к голосу разума?

— Нет. Сюда пошлют Джасти с двадцатью тысячами солдат. Они будут здесь к концу лета.

— Ну что ж, мы окажем им достойный прием.

В сумерках Асмидир и Колларин отыскали Сигурни. Она сидела на дальнем холме, завернувшись в свой красный плащ.

— Спасибо, дружище, — сказал Асмидир. — Прошу тебя, оставь нас одних.

Колларин ушел. Черный воин сел рядом с Сигурни, обнял ее за плечи, прижал к себе.

— Я глубоко сожалею.

— Он уже умер, когда я пришла. Мы даже не попрощались. — Асмидир в ответ лишь крепче обнял ее. — Одна-единственная стрела, — продолжала она. — Палочка с заостренной железкой, и Фелла не стало. Почему он? Почему не я, не ты, не кто-то еще?

— У меня на родине верят в судьбу, Сигурни. Его время пришло, а мое и твое еще нет.

— Не могу поверить в его смерть. Думаю об этом и вижу, как он улыбается. Мне все время кажется, что он ждет меня в лагере. Это как дурной сон.

— Настоящего разговора у нас с ним не было. Он, наверно, видел во мне соперника, и наша с тобой... дружба вызывала в нем ревность. Но я почитал за честь сражаться рядом с таким человеком, как он. Не знаю, есть ли за гробом рай или чертог для героев, но ради Фелла надеюсь, что он существует.

— Существует, — твердо ответила Сигурни. — Фелл теперь там, вместе с Гвалчаем, Фионом Острым Топором, Лораном, Меретом и сотнями других, павших в этот день. Только вряд ли это утешит их вдов и сирот. Теперь я знаю, какое это страшное зрелище — битва. Почему мужчины так любят войну?

— Если и любят, то очень немногие. Просто воины с годами стареют и из всех дней помнят лишь один, солнечный и победный. Они рассказывают о нем своим детям, и мальчикам хочется испытать то же самое. Такова жизнь, Сигурни. Мне жаль, что Фелл умер, ибо твое горе причиняет мне боль, но слезы прибереги для другого дня. Твои люди ждут, чтобы воздать тебе почести и отпраздновать нашу победу.

— Какое еще празднество, Асмидир? — отпрянула Сигурни. — Ты же знаешь, что это еще не конец. Мы выиграли передышку на лето, и только. За это время нам придется взять Цитадель и поставить укрепления на нижних землях.

— Придется, но не сегодня. Это твой час, Сигурни. Ты их королева, их спасительница. Сегодня вечером ты должна быть с ними.

Над ней возникла мерцающая, невидимая для Асмидира фигура Железнорукого.

— Черный прав, — сказал горный король.

— Ступай к ним, — сказала она и поцеловала куширица в щеку. — Скажи, что я скоро приду.

— Я подожду тебя. Пойдем вместе.

— Я хочу еще немного побывать одна. Иди.

Асмидир ушел, и призрак спустился на землю.

— Фелл погиб, — сказала Сигурни.

— Я знаю. Я видел, как он шел путем Света вместе со старым Гвалчаем, и хотел пойти следом, но мне этот путь заказан. Я пробыл здесь слишком долго и теперь не могу уйти.

— Это несправедливо.

— Как все, что случалось со мною в жизни, а после и в смерти, — улыбнулся он. — Ничего. Зато мой дух дожил до дня твоей славы и удостоверился в том, что мы с Эларин произвели тебя на свет не напрасно. Будущее чревато опасностью, но у твоего народа есть достойный глава. Моя гордость при этой мысли поднимается выше Хай-Друина. А теперь иди к своим генералам. Скажи им спасибо, воздай хвалу, назначь других на место погибших.

— Я не могу сейчас думать об этом.

— Можешь — и должна. Ты вернула Торгану его гордость, и он дрался за тебя, будто лев. Поставь его вместо Фелла.

— Лучше уж Гарканана. Торган слишком упрям.

— Выходит, ты все-таки способна думать об этом, — хмыкнул король. — Ступай, дочка, и время от времени вспоминай своего отца.

— Неужто ты тоже меня покидаешь?

— Да, мне пора. Путь Света закрыт для меня, но могут быть и другие пути — кто знает?

— Сначала я потеряла Фелла, а теперь и тебя.

— Нас заменят другие, Сигурни. В друзьях и советчиках у тебя никогда недостатка не будет. Мне бы очень хотелось тебя обнять, но такие радости не для мертвых. Ступай, дочь моя. — И он растаял, не сказав больше ни слова.

Сигурни постояла немного и пошла к лагерю, на свет победных огней.

Эпилог

В самом начале лета королева Сигурни со своей свитой приехала к водопаду Железнорукого. Талиесен ждал ее в пещере, как обещал. На камнях горел маленький костер, разогнавший сырость.

— Эздравствуй, Талиесен.

— Эздравствуй, королева-воительница. Готова ли к следующему сражению?

— Время покажет. Ну, а ты? Готов рассказать, по какой причине мне помогал?

— Пока еще нет. Моя страна тоже воюет, и особенно мне с тобой прохладиться некогда. Я должен увидеться с одной королевой. Она уже стара, но тверда как сталь. Всю жизнь она боролась с врагами, и теперь ей предстоит последняя схватка — с демоном, преследующим ее долгие годы.

— И послал его Якута-хан. Он сам мне так сказал перед смертью.

— Не сомневаюсь, что верх будет твой, госпожа моя, — торжественно произнес чародей.

— Не одного тебя ждут дела. Ты сам просил меня о встрече — зачем?

— Думал, ты захочешь проститься со старым другом.

— По-твоему, мы друзья, колдун?

— Надеюсь, но сейчас речь не обо мне. Карлик Баллистар пришел ко мне и попросил об услуге. Если ты позволишь, я удовлетворю его просьбу.

— Он хочет вернуться в Юр-вейл? — вздохнула Сигурни.

— Именно.

— Но ведь он там умрет.

— Да, но рослым человеком, по его же словам. Возможно также, что при новых порядках тамошние воздух и пища окажутся не столь губительны для него. Мне ясно одно: без твоего благословения и капли твоей крови он и на той стороне будет карликом.

— Ты просишь, чтобы я отправила своего друга на смерть.

— Нет — я прошу подарить ему ту жизнь, по которой он так тоскует.

— Я люблю его, — сказала она, садясь у огня, — и делаю все, чтобы он был счастлив. Если он этого желает, я, конечно, исполню его желание.

— Еще как желает. Идем?

— Идем.

Вдвоем они обошли заводь и достигли утеса с таинственными знаками. Там их ждал Баллистар с тую набитой котомкой.

— Простишь меня за то, что я тебя покидаю? — спросил он, дотянувшись до руки Сигурни.

— Не за что прощать, Балли. Ты мой самый дорогой друг.

— Может, какое-нибудь волшебство позволит мне вернуться к тебе с той стороны — но высоким.

— Может быть. — Она надрезала ладонь и сжала короткие пальцы Баллистара. Потом извлекла из ладанки на шее кость, смочила кровью и отдала ему. — В дороге тебе пригодится друг, — улыбнулась она, — а Железнорукий сможет опять приударить за той толстухой.

Баллистар, зажав в руке кость, поднял голову. По его щекам лились слезы.

— Я всегда буду любить тебя.

— А я тебя. Ступай, Балли, и живи в радости.

В скале открылись Врата. Карлик вскинул котомку на плечи и прошел через них.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **акт**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Геммел Дэвид
Дочь горного короля**

**Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: О.С. Попова
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Н.В. Дмитриева**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085; г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

Вот уже много веков, как пал в последней битве
объединитель горных кланов — великий король
Сорейн Железнорукий.

Гордые и независимые некогда горцы томятся
под властью недругов — захватчиков из Нижних земель.

Настал наконец предел их терпению.

И повела на бой повстанцев королева-воительница
Сигурни — среброволосая охотница, не знающая ни отца,
ни матери, храбрая и не ведающая жалости к поработителям.
Ей предстоит победить — или погибнуть, и это ей известно.

Однако истинный ее жребий все еще скрыт то ли
в тумане будущего, то ли во тьме прошлого...

Век
Краяона

2000281 542785